

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ,
ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ»

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Новосибирск, 18 ноября 2020 г.)

Новосибирск
2020

УДК 614.8.084(082)
ББК 51.1
DOI 10.38163/978-5-6043859-8-2

Рекомендовано
научно-методическим советом
АНО ДПО «Сибирь. Наука. Интеллект»

П84

Редакционная коллегия:

Чухрова Марина Геннадьевна, доктор медицинских наук (ответственный редактор)
Сорокина Елена Львовна, канд. пед. наук, доцент
Елинская Янина Алексеевна, директор АНО ДПО «СИПППИСР»

Рецензенты:

Аверкина Марина Геннадьевна, пенитенциарный психолог, полковник внутренней службы
Кривошеков Сергей Георгиевич, доктор медицинских наук
Собольников Валерий Васильевич, доктор психологических наук
Маркова Евгения Валерьевна, доктор медицинских наук
MirjanaMilankov, Professor, MD, PhD
Белов Георгий Васильевич, доктор медицинских наук
Кошенова Марина Ивановна, кандидат психологических наук
Пронин Сергей Владимирович, кандидат медицинских наук
Зайдман Ирина Наумовна, кандидат педагогических наук
Филь Татьяна Александровна, кандидат психологических наук

Быкова Елизавета Викторовна (техническое редактирование и компьютерная верстка)

П84

Профилактика девиантного поведения: материалы II международной научно-практической конференции (18 ноября 2020 г.) / под научной редакцией М.Г. Чухровой. – Новосибирск: Изд-во АНО ДПО «Сибирь. Наука. Интеллект», 2020. – 140 с.

ISBN 978-5-6043859-8-2

В сборнике представлены работы ведущих специалистов в области девиантологии и работы молодых ученых, которые приняли участие во II международной научно-практической конференции «Профилактика девиантного поведения». Конференция организована и проведена АНО ДПО «Сибирь. Наука. Интеллект».

Сборник адресован педагогам, психологам, медикам, физиологам, специалистам смежных профессий, а также может быть интересен всем, кто интересуется проблемами и достижениями в области девиантологии.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

УДК 614.8.084(082)
ББК 51.1
DOI 10.38163/978-5-6043859-8-2
ISBN 978-5-6043859-8-2

© АНО ДПО «СИПППИСР», 2021
© Группа авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	5
---------------------------------------	---

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕДАГОГИКА

Чухрова М.Г., Орлова Т.Г., Родина Л.Г., Хомушку С.Д. СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ	7
Дусенко М.Б. СОЦИАЛЬНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РИСКИ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА С ОВЗ – КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ	15
Михайлова М.Ю. ПРОФИЛАКТИКА КСЕНОФОБИИ И ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	20
Назымова Л.А. МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ КАК МЕТОД ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	25
Савушкина О.И., Чухрова М.Г. МЕТОДЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ	28
Чухрова М.Г., Савушкина О.И. ПРИНЦИПЫ ПРОГРАММЫ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ «САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ»	33

ПСИХОЛОГИЯ

Абрикосова О.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПОДРОСТКА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ	40
Александровская В.Н. ЛИЧНОСТНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ – ОСНОВА ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ	44
Байкалова М.А. СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ВОЛОНТЕРОВ-ПСИХОЛОГОВ КАК ФАКТОР РИСКА ПОТРЕБЛЕНИЯ ПАВ	48
Васюткина Е.Н. ПРЕДИКТОРЫ АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)	52
Гаджиева А.Ф. К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РИСКА ПОДРОСТКОВОГО БУЛЛИНГА	57
Жарикова А.Д. ВЛИЯНИЕ МАТЕРИНСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У РЕБЕНКА	60
Золотухина Е.В. ПЕРЕЖИВАНИЕ КРИЗИСА СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ ЛИЧНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	63
Иванова Е.В., Филь Т.А. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛЖИВОСТИ И КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ	66

Корчуганова В.Ю. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ	71
Кушнарук В.А. АТРИБУТИВНЫЙ СТИЛЬ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ	75
Ларкина Л.В. ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	78
Ларкина Л.В. КИБЕРБУЛЛИНГ КАК УГРОЗА ПОДРОСТКОВОЙ ПСИХИКЕ	84
Леонова А.К. ВЛИЯНИЕ РОЛЕЙ И ПОЗИЦИЙ В УЧЕБНОМ КОЛЛЕКТИВЕ НА РИСК ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРАВЛИ	89
Мензарарь А.М. ДЕФИЦИТАРНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ПРЕДИКТОР РАЗВИТИЯ ХИМИЧЕСКОЙ АДДИКЦИИ У ПОДРОСТКОВ	97
Радованович М. СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ	102
Ходос Л.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	104
Чухлебова И.Н. ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ	108

МЕДИЦИНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Ким Хен Су ПРИНЦИПЫ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФИИ В ТЕРАПИИ ЗАВИСИМЫХ СОСТОЯНИЙ	112
Кривошеков М.А. СОЗДАТЬ ЗАВИСИМОСТЬ, ИЛИ ДОКТОР, КАК ПРИЧИНА БОЛЕЗНИ	115
Пронин С.В. ФАКТОРЫ РИСКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ У ОПИЙНЫХ АДДИКТОВ	120

СОЦИОЛОГИЯ

Бурундукова В.А., Тынс А.В. ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	124
Миланков М. РЕБЕНОК В ПРОСТРАНСТВЕ СЕМЬИ	128
Трошкина И.Н. СОХРАНЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)	130
Шнитов Р.В. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА	135

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В «Крейцеровой сонате» выдающийся писатель и философ, человек ищущий и сомневающийся, Лев Николаевич Толстой писал: «...чтобы продолжать жить, зная о неизбежности смерти, есть только два средства: одно – не переставая так сильно желать и стремиться к достижению радостей этого мира, чтоб все время заглушать мысль о смерти, другое – найти в этой временной жизни, короткой или долгой, такой смысл, который не уничтожался бы смертью». Найти и осознать смысл своей жизни было сложно во все времена, для этого в обществе всегда существовали духовные ориентиры в виде религий или идеологий. В современном обществе эти ориентиры частично утрачены, сильно деформированы, зачастую крайне противоречивы, и человек волен выбирать смысл своей жизни самостоятельно. В условиях засилья и агрессивного навязывания материальных ценностей духовные ориентиры человека зачастую оказываются невостребованными, что закономерно приводит к неудовлетворенности собой, невозможности функционировать в условиях собственной идентичности. Излишняя зависимость от навязанных целей и задач мешает быть по-настоящему продуктивным. Пропаганда «жить здесь и сейчас», «брать от жизни все», «мы этого достойны», рефреном звучит в рекламных текстах. Человек теряет опору даже в собственной семье, поскольку семейные ценности размываются, а человек не обретает взамен других видов поддержки.

Эти процессы в обществе закономерно вызывают рост числа несовершеннолетних с отклоняющимися формами поведения: зависимых от алкоголя, наркотиков, компьютера, пищи, склонных к суициду, жестоких, фанатичных, с личностными деформациями. Современное общество, не желая того, создает прекрасные условия для формирования разных видов отклоняющегося поведения, в первую очередь, для молодежи. Примечательно, что эти механизмы действуют независимо от материального благосостояния семьи, в которой растет деформированная личность. Вовлечение подростков и молодых людей в потребление ПАВ заинтересованными в этом структурами поставлено на широкие рельсы. Интернет и зависимость от гаджетов даже в рекламе не нуждаются, они прочно впаяны в современную жизнедеятельность. Распространенность нехимических поведенческих аддикций носит угрожающий характер. В России количество подростков, нуждающихся в специализированном лечении с интернет-зависимостью, с 2000 по 2020 гг., по нашим данным, возросло почти в десять раз. Очевидно, что проблему психологической превенции зависимых состояний в рамках девиантного поведения следует рассматривать не только как проблему физиологическую, а в первую очередь, как проблему личности, прибегающей к ПАВ или аддиктивным поведенческим активностям в конкретной социальной ситуации. В этом случае значение профилактической работы и коррекционных программ приобретает новое содержание, а значит, и новые возможности.

Остановить распространение девиаций не представляется возможным. В виртуальной среде особенно быстро формируются нехимические аддиакции: гэмблинг, интернет-аддикция, созависимость (включая такое новое явление, как лайкофилия – зависимость от одобрений индивидуума интернет-сообществом). Виртуальное пространство (особенно т.н. «глубинный интернет», не подконтрольный правоохранительным органам) способствует быстрому распространению и «традиционных» видов наркотиков и других психоактивных веществ (ПАВ). Все это делает настоятельно необходимым новый уровень кооперации психологов, педагогов, социологов, криминалистов, девиантологов и этнопсихологов с тем, чтобы вовремя выявлять и корректировать девиации, а в идеале – в рамках профилактической работы – сделать личность устойчивой к ним.

Научная проблема нашей конференции заключается в поиске эффективных методов профилактики и коррекции девиантного поведения, которые могут лежать в поле психологии личности, социологии, педагогики, культурно-исторической психологии.

Чухрова Марина Геннадьевна, доктор медицинских наук, педагог-психолог, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, руководитель магистратуры «Девиантология» Новосибирского государственного педагогического университета, профессор Новосибирского государственного университета экономики и управления, действительный член (академик) Общественного Объединения «Академия полярной медицины и экстремальной экологии человека», член этического комитета Международной Ассоциации этнопсихологов и этнопсихотерапевтов, Член Профессиональной Психотерапевтической лиги, профессор АНО ДПО «СИППИСР».

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Чухрова Марина Геннадьевна.

Россия, г. Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», д-р мед. наук, проф. каф. общей психологии и истории психологии, mba3@ngs.ru.

Орлова Татьяна Георгиевна.

Россия, г. Новосибирск, муниципальное автономное общеобразовательное учреждение города Новосибирска «Средняя общеобразовательная школа № 214 имени Е. П. Глинки», педагог-психолог, tatyana1957@mail.ru.

Родина Лариса Георгиевна.

Россия, г. Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления», ст. преподаватель кафедры психологии, педагогики и правоведения, larisa-125@yandex.ru.

Хомушку Сырга Дадар-ооловна.

Россия, Республика Тыва, г. Кызыл, ГБУЗ РТ «Республиканский наркологический диспансер», медицинский психолог, ГБУ «Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва», аспирант, sdhomushku@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются современные принципы профилактики девиантного поведения среди подростков, которые недостаточно эффективны. Постулируется, что назрела необходимость в разработке новой программы профилактики девиантного поведения на основе коррекции личности и психоэмоциональной сферы, а также с учетом этнокультуральных особенностей подростков.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, принципы профилактики и коррекции.

MODERN POSSIBILITIES OF PREVENTION AND CORRECTION OF DEVIANT BEHAVIOR

Chukhrova Marina Gennadyevna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, mba3@ngs.ru.

Orlova Tatyana Georgievna.

Russia, Novosibirsk, municipal autonomous educational institution of the city of Novosibirsk "Secondary general education School No. 214 named after E. P. Glinka", teacher-psychologist, tatyana1957@mail.ru.

Rodina Larisa Georgievna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk state University of Economics and management, senior lecturer of the Department of psychology, pedagogy and law, larisa-125@yandex.ru.

Khomushku Syrga Dadar-oolovna.

Russia, Republic of Tyva, Kyzyl, RT GBUZ "Republican narcological dispensary", medical psychologist, state budgetary institution "research Institute of medico-social problems and management of the Tyva Republic", post-graduate student, e-mail: sdhomushku@yandex.ru.

Annotation. The article discusses the modern principles of prevention of deviant behavior among adolescents, which are not effective enough. It is postulated that there is a need to develop a new program for the prevention of deviant behavior based on the correction of personality and psycho-emotional sphere, and also taking into account the ethnocultural characteristics of adolescents.

Key words: deviant behavior, adolescents, principles of prevention and correction.

Девиантное поведение личности, по мнению большинства специалистов, занимающихся его изучением, есть продукт сочетанного влияния на человека множества многообразных, не всегда учтенных, может быть, и случайных факторов, как биологических, так и средовых: семейных, социальных, педагогических и прочих. Эти факторы представляют собой систему, которая и определяет интегральную индивидуальность личности, по терминологии В.С. Мерлина. Удельный вес каждого фактора в том или ином случае может быть разным, но на выходе мы имеем нечто общее - поведение, которое отклоняется от норм, предпочитаемых обществом. Девиантное поведение личности – это целостный ансамбль взаимосвязанных элементов с возможными аномалиями, которые взаимодействуют между собой для выполнения единой функции в реальных условиях. Это не сумма отдельных компонентов, это новое качество. Системный характер девиантного поведения с этих позиций детерминируется взаимосвязью системообразующих элементов (рис. 1).

Девиантное поведение представляет собой интегральный результат влияния на личность множества факторов, начиная от конституциональных особенностей (соматическое здоровье, темперамент, характер, склонности), благополучия в семье и детско-родительских отношений, ценностных ориентаций, отношения к ПАВ и своему здоровью, и, наконец, от взаимоотношений в социуме, влияющих на жизненный успех и жизненный путь. В связи с такой многогранной этиологичностью, организация профилактики представляет значительные сложности. Необходимо выделить главный, системообразующий компонент, при воздействии на который личность будет способна отказаться от девиантных проявлений.

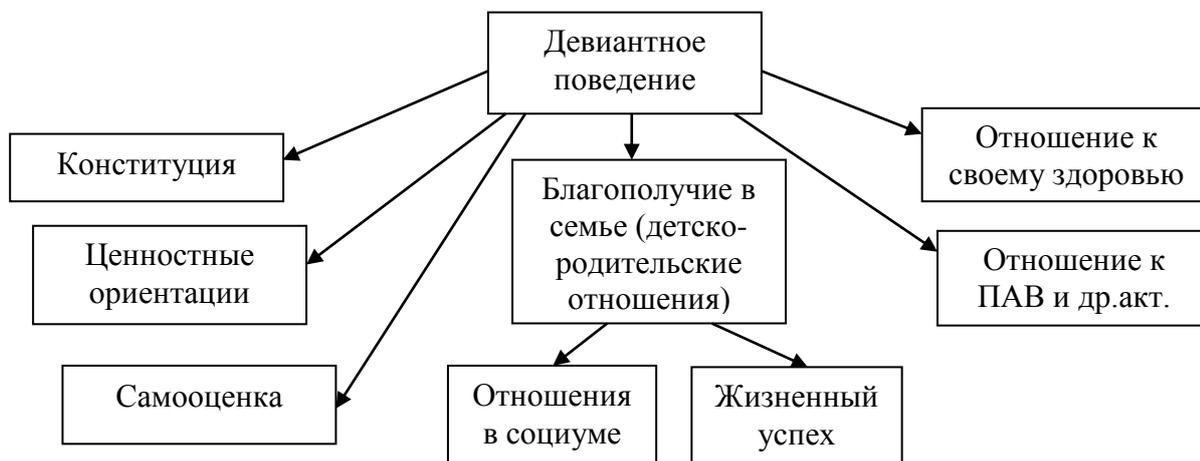

Рис. 1. Девиантное поведение, как система взаимосвязанных элементов, образующих новое интегративное качество.

Вопросам профилактики и коррекции девиантного поведения в российской науке уделяется большое внимание, особенно вопросам профилактики преступности лиц молодого возраста. Теоретические основы профилактики преступности лиц молодого возраста с акцентом на подростковую группу в РФ были разработаны в трудах Г. А. Аванесова, Ю. М. Антоняна, М. М. Бабаева, А. И. Долговой, К. Е. Игошева, Г. И. Забрянского, И. И. Карпеца, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского, А. Б. Сахарова, А. М. Яковлева и др.

В настоящее время существует много программ профилактики девиаций, и чаще всего они касаются употребления ПАВ, поскольку потребление ПАВ чаще попадает в поле зрения наблюдателей. Потребителей ПАВ довольно много в общей популяции, поскольку, по сути дела, потребление отдельных ПАВ разрешено и негласно поощряется законодательно [3]. Это никотин и алкоголь, которые, откровенно и общеизвестно, наносят вред здоровью, но имеются в свободном доступе для населения, а общество предпринимает лицемерные и не слишком успешные попытки профилактировать их потребление.

Разными специалистами проводятся в школах и средних учебных заведениях образовательные лекции и беседы о вреде потребления никотина, алкоголя, наркотиков, о недопустимости противоправного поведения и неотвратимости наказания. В зависимости от контингента, с которым ведутся беседы, от индивидуально-типологических особенностей слушателей, кто-то, действительно, не захочет даже пробовать ПАВ, а часть других почувствует сильное любопытство, и при случае обязательно попробует, чтобы на себе убедиться, например, в способности наркотиков изменять сознание. Потребность в измененном состоянии сознания – это облигатное свойство человеческой психики, и достижение измененного сознания может осуществляться разными способами, не обязательно химическими (танцы, музыка, спорт и прочее) [4, 7]. Подавляющее большинство специалистов, изучающих наркоманию, алкоголизм, никотинизм и иные формы зависимого поведения сходятся во мнении о том, что в основе подобного поведения лежат доблезненные личностные особенности, в силу которых у индивида и

формируется зависимость. Поэтому, вне сомнения, личность подростка или молодого человека, который включен в профилактические программы, необходимо учитывать. Это возражений не вызывает.

В сложившихся условиях, на наш взгляд, особого внимания заслуживают проблемы коррекции и профилактики девиантного поведения в подростковом возрасте, т. к. этот возрастной период характеризуется немалым количеством кризисных явлений. В это время молодые люди должны справиться с большим количеством задач развития: они должны подготовить свой уход из родительского дома, достичь признания в своей возрастной группе, завязать дружеские и партнерские отношения, определить перспективу будущей профессии, создать собственную шкалу ценностей и этическое самосознание как основу собственного поведения. Риск отклоняющегося поведения возникает, если молодой человек не видит этих задач, не может их принять, либо решение этих задач является для него или кажется ему невозможным. Подростков настораживают и пугают происходящие с ними пубертатные изменения и изменения в психологических процессах. Но наряду со сложными, порой непредсказуемыми особенностями, в подростковом возрасте формируются такие важные качества, как стремление познать себя и других, поиск идентичности, желание самоутвердиться, формирование нравственных убеждений и рефлексия. Обращение к этим качествам могло бы стать значимым этапом в профилактике девиантного поведения.

Большинство программ и учебно-методических пособий по профилактике и коррекции девиантного поведения были опубликованы в нулевые годы, после эпидемии наркотизма в нашей стране. Так, одна из наиболее популярных программ - программа С.Б. Белогурова, В.Ю. Климович «Профилактика подростковой наркомании. Навыки противостояния и сопротивления распространению наркомании» [1]. Программа оформлена в виде наглядного методического пособия, включающего иллюстративный материал в виде слайдов, и предназначена для подростков 12-16 лет. Основной акцент и большое количество упражнений и личностных тренингов авторов направлены на формирование устойчивой к наркотикам личности. Авторы считают, что корень зла – в незрелой личности, в неграмотности, некомпетентности, неуверенности подростка. Очень ценным следует признать занятия о правах и обязанностях подростков, о невербальных коммуникациях, о построении взаимоотношений с близкими людьми. Программа очень продуманная и интересная, но в ней, на наш взгляд, много недостатков, от декларативных заявлений в отношении планируемого внутреннего мира подростка, до излишней, обширной информированности подростков о наркокультуре, о самих наркотиках и их эффектах.

Нельзя обойти вниманием очень интересное пособие для родителей А.Данилина и И. Данилиной «Как спасти детей от наркотиков» [2]. В пособии большое внимание уделяется психологическому и психоаналитическому аспекту наркотизма, проблеме созависимости, проблемам деструктивного семейного воспитания. Дается широкий обзор существующих методов лечения

наркомании и психотерапевтическим программ, представлен список наркоучреждений России. К недостаткам пособия следует отнести то, что в нем, фактически, предлагается переложить проблему наркозависимости своего ребенка на психологов, педагогов, медиков, хотя напрямую такие рекомендации не следуют.

Одним из интересных, обоснованных и, вероятно, эффективных подходов в индивидуальной и социальной психопрофилактике девиаций является разработанный метод позитивной психодрамы П.М. Москвитина [5]. Позитивная психодрама является одним из новых направлений групповой формы психотерапии и психопрофилактики, развивающимся в рамках базового психодраматического метода, имеющего свою теорию и методологию. Позитивную психодраму также можно назвать специальным методом групповой профилактической работы, призванным восполнить когнитивную, эмоциональную и поведенческую дефицитарность эгоцентрической личности, замкнувшейся на переживании тех или иных травматических событий своей жизни. Такой страдающий человек утрачивает важную способность индивида устанавливать истинные связи и отношения с другими людьми. Его взаимоотношения превращаются в опутывающие сети, не дающие возможности развития спонтанности и креативности, что ведет к ощущению утраты свободы выбора и условия о необходимости принятия зрелой ответственности.

В тренинге позитивной психодрамы эти возможности личности реконструируются благодаря лечебно-профилактическим факторам метода, и тогда участник психодраматической группы включается в «социальный атом», где задаются новые нормы общения, складываются новые межличностные связи, а затем эти изменения входят в его жизнь за пределами психодрамы. Основными психопрофилактическими и терапевтическими факторами профилактической психодрамы являются: высвобождение эмоций, когнитивный инсайт, межличностная коммуникация, корректирующая обратная связь, поведенческое научение. Автором показано, что позитивная психодрама может быть эффективным методом профилактики потребления психоактивных веществ у подростков и молодых людей [5].

В 2008 г. И.В. Торниковой была защищена кандидатская диссертация «Профилактика наркотизма в молодежной среде: по материалам Южного Федерального округа», основанная на программе, разработанной автором системы профилактики наркотизма у молодых лиц, представленная совокупностью общих общесоциальных методов (формирование правовой базы; реклама и пропаганда здорового образа жизни, стабилизация и сбалансированное развитие экономики); общих специально-криминологических методов (мониторинг наркоситуации; правовая пропаганда и правовое воспитание); общей групповой профилактики (развитие системы доступных (желательно бесплатных) досуговых учреждений; создание специализированных, ориентированных на молодых лиц программ телевидения, фильмов, осуществляющих задачу антинаркотической пропаганды и виктимологической профилактики; создание в учебных

заведениях системы штатных психологов и наркологов; проведение социограмм); специальной групповой профилактики (своевременное выявление и учет лиц, потребляющих наркотики; подготовка профессиональных кадров; научно-техническое обеспечение; прогнозирование и программирование профилактики наркопреступлений несовершеннолетних); общих индивидуальных методов (беседы с молодыми лицами, допускающим незначительные девиации или испытывающим кризис адаптации в коллективе; беседы с родителями; изучение личности, тестирование и интервьюирование); специальных методов индивидуальной профилактики (задержание, лечение, постановка на учет, внушение) [6]. Система субъектов профилактики наркотизма у молодых лиц выглядит следующим образом: государственные неспециализированные (органы государственной власти и управления общей компетенции); государственные специализированные (правоохранительные и судебные органы); негосударственные неспециализированные (общественные организации, медицинские центры лечения и реабилитации наркоманов) и негосударственные специализированные (ДНД, специалисты-наркологи и психологи). Разработанная автором в целях оптимизации деятельности субъектов профилактики наркотизма лиц молодого возраста система необходимых для осуществления мероприятий и направлений: расширить сеть специальных учебно-воспитательных учреждений открытого типа; расширить сферу ответственности ЦВИНП, включив в ее обязанности оказание помощи всем несовершеннолетним, которым требуется помощь, и которая не может быть оказана иными государственными учреждениями (особенно это касается экстренной, неотложной помощи несовершеннолетним, попавшим в трудную жизненную ситуацию); важно устранить несбалансированность, дублирование сфер ответственности разными органами (ПНД ОВД и комиссии по делам несовершеннолетних); с целью координации профилактической деятельности на местной уровне создать межведомственные советы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков; осуществить постепенный переход на систему ювенальной юстиции; необходимо в каждой школе создать собственную социально-психологическую службу, в которую вошли бы руководитель, заместитель директора школы по воспитательной работе, социальный педагог и педагог-психолог (по одному на каждое школьное звено - начальные, средние, старшие классы), школьный врач-психиатр; необходимо создать государственные центры социальной помощи для лиц, потребляющих наркотики без назначения врача, с функциями оказания медицинской и психологической помощи наркоманам (создание реабилитационных центров для наркоманов) [6]. Несложно заметить, что эта всеобъемлющая программа носит декларативный характер, нацелена на государственные системы, и мало полезна отдельному подростку или молодому человеку с личностными девиациями, который видит спасение от душевной боли в потреблении психоактивных веществ или суициде.

Поэтому, на наш взгляд, необходима разработка таких коррекционных и профилактических программ, которые могут расширить поведенческий

репертуар и самосознание личности подростков, помогут вскрыть внутренние резервы и дать уверенность в любых ситуациях. Совершенствование антинаркотической работы в этом направлении может осуществляться на основании формирования соответствующей мотивации (деятельностный подход – Л.И. Божович, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, Д.И. Фельдштейн) и новой личностно-ориентированной формы первичной профилактики психоактивной зависимости – метода культурно-исторической психологии. Из анализа доступной литературы нам неизвестны такие разработки с использованием деятельностного подхода. Рассматривая личность подростка как субъект, который формируется в процессе конкретной деятельности (в нашем случае, специально запланированной и реализуемой профилактической тренинговой программы), которая в свою очередь подчиняется ее потребностям, желаниям, убеждениям, что в совокупности составляют мотивационную сферу личности, определяющую ее направленность и развивающей ее реалистичное самосознание (Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, М.С. Каган и др.), научающей использовать внутренние резервы в ситуации кризиса [8].

Также необходимо учитывать этнокультуральный компонент, если программа разрабатывается не для титульного этноса. В республиках России, например, в Республике Тыва, современные профилактические программы воспринимаются коренным населением формально, не затрагивая личность тех, на кого они направлены [9]. Подростки и молодые люди не отождествляют себя с алкоголиками и наркоманами, и прекрасно знают, что «пить вредно». Однако это не влияет на потребление ими спиртного. На наш взгляд, в профилактических программах недостаточно учитывается этнокультуральный компонент: национальные особенности народов, исторически сложившиеся традиции употребления спиртных напитков, религиозные представления того народа, на кого направлены профилактические программы.

Таким образом, назрела необходимость в разработке новой программы профилактики девиантного поведения на основе коррекции личности и психоэмоциональной сферы, и с учетом этнокультурального компонента, которая в качестве методического инструмента психолога может включиться в систему профилактических мероприятий в отношении девиантного поведения, проводящихся в учреждениях школьного и среднего образования.

Библиографический список.

1. Белогуров С.Б., Климович В.Ю. Профилактика подростковой наркомании: Наглядно-метод. пособие для педагогов и родителей; М-во образования Рос. Федерации. – М.: Планетариум, 2002. – 32 с.
2. Данилин А., Данилина И. Как спасти детей от наркотиков. – «Врачи предупреждают». – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 348 с.
3. Девиации подростков и молодежи: алкоголизация, наркотизация, проституция. Отчет Центра социологический исследований МОРФ. – М., 2018.
4. Медведев А.С., Чухрова М.Г. Психолого-педагогические принципы профилактики и коррекции наркозависимого поведения. – Минск: Ковчег,

2012. – 182 с.

5. Москвитин П.Н. Тренинги позитивной психодрамы: Метод. рекоменд. — Новокузнецк: ГОУ ДПО НГИУВ, 2004.

6. Торникова И.В. К вопросу о методах профилактики наркотизма лиц молодого возраста // Российский следователь. – 2008. – № 22. – С. 20–22.

7. Чухрова М.Г., Дресвянников В.Л., Маркова Е.В. Наркотическая зависимость: современные стратегии исследования (научная монография). – Saint-Louis, Missouri, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2015. 218 p.

8. Чухрова М.Г., Атаманова Г.И., Хомушку С.Д., Юдина С.Д., Чухров А.С. Этнокультуральный подход к превенции алкогольного потребления у тувинцев // Профессиональное образование в современном мире. – 2019, т. 9, – № 4. – С. 3346–3355.

9. Шевцов А.А. Прикладная культурно-историческая психология. Иваново: Издательское товарищество «Роща Академии», 2012. – 264с.

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РИСКИ ПРОЦЕССА
СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА С ОВЗ – КАК ОДНА ИЗ
ПРОБЛЕМ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Дусенко Мария Борисовна.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», магистрант факультета психологии, кафедры социальной психологии и виктимологии m.b.dusenko@gmail.com.

Аннотация. Данная статья рассматривает особенности социализации личности у подростков с ОВЗ. Проводится анализ возникающих социально-образовательных проблем и потребностей у нетипичных обучающихся. Выявлены основы успешного решения девиантного поведения подростков с ОВЗ в рамках профилактической работы.

Ключевые слова: социализация, подростки с ОВЗ, социально-образовательные риски, профилактика

**SOCIAL AND EDUCATIONAL RISKS OF THE PERSONALITY PROCESS
OF AN ADOLESCENT WITH DISABILITIES - AS ONE OF THE
PROBLEMS OF PREVENTING DEVIANT BEHAVIOR**

Dusenko Mariia Borisovna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, undergraduate student of the Faculty of Psychology, Department of Social Psychology and Victimology, m.b.dusenko@gmail.com.

Annotation. This article examines the features of personality socialization in adolescents with disabilities. The analysis of emerging social and educational problems and needs of atypical students is carried out. Foundations of successful solution of deviant behavior of adolescents with disabilities within the framework of preventive work

Key words: socialization, adolescents with disabilities, social and educational risks, prevention

В наше время проблема социального развития подростков с ОВЗ становится все более актуальной. Родители, педагоги обеспокоены тем, чтобы ребенок, входя во взрослый мир, был уверенным в себе, умным, добрым, успешным и счастливым человеком.

Социализацией называется процесс становления личности, ее воспитания, обучения, усвоения социальных норм, установок, ценностей, образцов поведения, которые присущи определенному обществу. Современные

исследователи, такие, как А.В. Мудрик и С.А. Козлова, рассматривают социализацию подростка с ОВЗ в качестве триединства ее проявления:

- 1) адаптации к социуму;
- 2) интеграции, принятия общества как данности;
- 3) дифференциации – способности, потребности изменять и преобразовывать социальную действительность, общество и находить свое место в нем [4, с. 261].

Социализация подростков с ограниченными возможностями здоровья – острая и актуальная проблема. Подростки с ОВЗ — это юноши и девушки 13–17 лет с физическими либо психическими недостатками, имеющие легкие или существенные ограничения жизнедеятельности, обусловленные наследственными, врожденными, приобретенными заболеваниями либо последствиями травм.

Проблемы социализации и обучения таких подростков заключаются, прежде всего, в снижении у них познавательной активности (по сравнению со здоровыми сверстниками), которая нередко проявляется в ограниченном запасе знаний о социуме и окружающем мире, в ограниченности практических навыков либо несоответствии их возрасту. Нарушения в поведенческой и эмоционально-волевой сферах проявляются в слабости у таких учащихся волевых установок, часто – эмоциональной неустойчивости, аффективной возбудимости и импульсивности, двигательной расторможенности, или, наоборот, в вялости [1, с. 300].

Каждый тип аномального развития личности имеет специфические особенности, нередко выявляются нарушения в речевом общении, снижены способности к приему и переработке информации. Поэтому подростки с ОВЗ испытывают трудности в обучении, например, при изучении родного языка, при чтении, выработке различных умений и навыков, что, несомненно, отражается на формировании у них коммуникативных качеств и на интеллектуальном развитии таких школьников.

Главной проблемой подростка с ограниченными возможностями является нарушение его связи с окружающим миром, малая мобильность, ограниченность контактов с взрослыми и сверстниками, недостаточность общения с природой, недоступность ряда культурных ценностей, иногда даже – элементарного образования [6, с. 323].

С педагогической точки зрения обучение и воспитание такого подростка сводится к «выправлению» социальных вывихов. Основной риск социализации учеников с ОВЗ в отклонении от нормального становления личности, что проявляется в сфере эмоций, нарушении взаимодействия с обществом, неуверенности в себе, в снижении самоорганизованности, а также целеустремленности, приводящих к значительному ослаблению «личностной силы».

У детей, которые имеют те или иные ограничения, из-за дефектов развития жизненное взаимодействие в среде социума затруднено, а возможность адекватного реагирования на нее ограничена. Подростки с ОВЗ имеют высокий

риск возникновения трудностей в достижении своих целей в рамках существующих общественных норм. Особенно заметными данные трудности становятся в те моменты, когда необходимо изменить привычные стереотипы адаптивного поведения.

В ряд наиболее частотных противоречий у подростков с ОВЗ могут быть несоответствия между потребностью в общении и ее реализацией, трудности в неадекватности желаний и многие другие. Противоречия, возникающие у учащихся, имеющих ограничения здоровья, появление в их жизни критических периодов развития, иногда протекают более болезненно, острее, чем у их здоровых сверстников. Причем, многие из ребят с ОВЗ не могут разрешить возникшие проблемы самостоятельно, им необходима помощь взрослых.

Однако при успешном решении внутренних противоречий, которые могут возникать у подростков с ограничениями жизнедеятельности, личностная структура у таких учащихся развивается без осложнений, а вот в случае неудач конфликты школьника с окружающим миром усиливаются. Критической точкой для подростка с ОВЗ, независимо от того, чем он страдает, является тот период, когда осознает, что его внешние составляющие отличаются от данных других людей, пытается не допустить грозящих, в его понимании, последствий этих различий. Если люди, которые окружают подростка, не ставят на первое место дефекты и неудобства, которые они несут их ребенку, моральная-психическая напряженность учащегося постепенно спадает. Если подросток становится объектом насмешек либо издевательств со стороны сверстников или окружающих, то возникает тяжелый внутренний конфликт, и его последствия зачастую бывают трудно предсказуемыми.

Особое внимание в связи с этим достается «комплексу неполноценности», который рискует сформироваться у подростков во время осознания ими собственных ограничений. Негативное отношение социума к подросткам, имеющим физические недостатки, а также повышение доли внимания и жалости отрицательно влияют на формирование личности. Ее развитие неразрывно связано именно с потребностью утвердиться в определенной социальной среде [5, с. 66].

Состояние неудовлетворенности создает риск деформации личности, возникает моральная неустойчивость и опустошенность. Социальное пространство включает в себя как права, так и обязанности, ориентирующие нас на жизнь в обществе. В социальном пространстве бытие обеспечивается нравственностью, которая проявляется в отношениях между людьми.

Подростки с ОВЗ имеют риск, как переоценить собственные силы, возможности, так и недооценить их. Дети, содержащие отклонения в развитии, нередко воспитываются в среде гиперопеки с родительской стороны, а также со стороны ближайших родственников. С учетом нарушения у ребенка той или иной жизненной функции, ему автоматически приписываются феномены «слабости», «плохости», не уделяется внимание развитию его интересов и желаний, что создает риск развития психологической инвалидности, усугубляющей физические недостатки ребенка. Вырастая, он оказывается не

способен к самостоятельности, однако не из-за наличия дефекта, а из-за несформированных необходимых для успешной социальной жизни личностных качеств.

Для подростков с ОВЗ решение естественно-культурных проблем – достаточно существенная составляющая профилактики, проводимой с учащимися, родителями и педагогами.

Профилактика девиантного поведения, направленная на снижение возникновения и распространения социально-образовательных рисков в процессе становления личности у подростков с ограниченными возможностями здоровья, должна включать в себя:

- 1) Формирование представлений о строении организма, о здоровье и благополучии. Развитие рефлексии.
- 2) Физическое развитие (двигательной активности и силовых возможностей);
- 3) Обучение учащихся с ОВЗ навыкам здорового образа жизни (правильному использованию медицинских приборов, лекарственных препаратов, выполнению физических упражнений и соблюдению режима труд-отдых, а также выполнению посильных им видов деятельности) [2, с. 18].

Социально-культурными задачами считаются морально-нравственные, познавательные, ценностно-смысловые задачи, специфичные для каждого возраста в определённом историческом социуме. Они решаются подростками с ограниченными возможностями здоровья как самостоятельно (редко), так и при тесном взаимодействии с педагогами, родителями, сверстниками. Познание окружающей природы и социального мира подростками с ОВЗ осуществляется на базе специально организованной структуры в коррекционном образовательном или социально-реабилитационном центре. Основной целью является снижение социально-образовательных рисков путем развития познавательных процессов (речи, памяти, внимания, логического мышления), а также приобретение базовых теоретических знаний о природе окружающей действительности. Ценностно-смысловые и морально-нравственные задачи решаются подростками с ограниченными возможностями здоровья и обеспечивают им формирование адекватной, активной жизненной позиции, нормализованной жизни в условиях современного социума [3, с. 20].

Итак, любые виды деятельности подростка с ОВЗ, осуществляемые в спецшколе, либо в обычном образовательном учреждении, должны быть направлены на развитие у подростка с ОВЗ разнообразного жизненного опыта, параллельно с решением возникающих социально-образовательных рисков, поскольку только в этом случае риски неудачной социализации воспитанника будут сведены к минимуму, а профилактика девиантного поведения будет иметь эффективность.

Библиографический список.

1. Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 368 с.
2. Беляева Ж.А. Социальная адаптация личности с временно ограниченными возможностями: автореферат дис. ... канд. социол. наук. /Ж. А. Беляева. – Саратов, 2006. – 20 с.
3. Будаева Г.С. Социальная адаптация инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата в современном российском обществе: на материалах Республики Бурятия: автореф. дис. ... канд. социол. наук. /Г. С. Будаева. – Улан-Удэ, 2005. – 21 с.
4. Мудрик А.В. Социальная педагогика. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 304 с.
5. Собкин В.С. Динамика ценностных ориентаций в старшем школьном возрасте: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. /В. С. Собкин. – М., 1997. – 88 с.
6. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы. — М.: ВЛАДОС, 2001. – 432 с.

ПРОФИЛАКТИКА КСЕНОФОБИИ И ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Михайлова Мария Юрьевна.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет водного транспорта», старший преподаватель кафедры «Философии, истории и права», zakonmm@mail.ru.

Аннотация. В статье дано описание причин, факторов, условий формирования и развития ксенофобии и экстремизма в подростковой среде.

Ключевые слова: преступная деятельность, несовершеннолетние; экстремизм; ксенофобия; девиантное поведение.

PREVENTION OF XENOPHOBIA AND EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE

Mihaylova Maria.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State University of Water Transport, senior Lecturer at the Department of “Philosophy, history and Law», zakonmm@mail.ru.

Annotation. The article describes the causes, factors, conditions of formation and development of xenophobia and extremism among adolescents.

Key words: criminal activity, minors; extremism; xenophobia; deviant behavior.

«Терроризм нельзя победить только военными средствами. Никто не рождается террористом, но мы знаем, какие факторы к этому толкают – на них и нужно сосредоточиться. Это затянувшиеся конфликты, отсутствие правосудия, нарушение прав человека, бедность, ощущение безысходности и социально-экономическая маргинализация. Необходимо сместить акцент с борьбы на профилактику» – заявил Генеральный Секретарь ООН Антониу Гутерриш на конференции «Укрепление международного сотрудничества в борьбе с растущей угрозой терроризма» 28 июня 2018 года [1, с.7].

Осенние террористические акты 2020 года во Франции (октябрь – обезглавлен учитель истории в Париже за демонстрацию карикатур на пророка Мухаммеда нападение и последующее убийство 3 человек в Нотр –Дам – де – Ницца) и Австрии (ноябрь – стрельба в шести местах, в том числе рядом с синагогой, в результате которой погибли 4 человека и 22 было ранено) стали новой волной террористической угрозы в мире, вызвали много споров о разнице культур, менталитета, религиозных убеждений, ценностей, границ

толерантности, светского характера государства. Уровень тревоги населения вновь стал повышенным до максимальных величин.

Одной из распространенной форм недовольства по отношению к чему-то чужому, чуждому, например, к политике, власти, культуре, религии, является ксенофобия (от греческого *xenos* – чужой, *phobos* – страх). Состояние враждебной неприязни по принципу национального, социального, расового или религиозного деления людей может стать серьезной глобальной проблемой человечества. Ксенофобия является основным источником экстремизма. Деформация сознания приводит к увлечению (особенно, в молодежной среде) радикальными движениями, идеями национализма, неофашизма, расизма, шовинизма и т.д. Ксенофобия проявляется в том, что человек не воспринимает другого человека как равного себе, относится к нему с одной стороны, со страхом, настороженно, а с другой стороны, с презрением, агрессивно и враждебно. Такое отношение часто порождает физическое насилие.

Ксенофобия имеет и генетическую предрасположенность, и важную роль в ее формировании играет воспитание, образование, среда существования, и может возникнуть внезапно у взрослых, сформировавшихся людей под воздействием критической ситуации, при сильном эмоциональном стрессе, катастрофе (в качестве триггера).

Ксенофобия может быть открытой формы и скрытой, а также различаются по принципу «чужеродности»: религиозная, социальная (в том числе гомофобия), этническая (в том числе антисемитизм), территориальная ксенофобия.

На территории Российской Федерации участились случаи распространения в молодежной среде экстремистских печатных изданий, в том числе подготовленных за рубежом, в которых содержатся призывы к национализму, ксенофобии, нетерпимости к лицам иной национальности или вероисповедания, расовой дискриминации, сепаратизму [2, с.343].

Слово террор происходит от латинского *terror* (страх, ужас). В Большом толковом словаре современного русского языка Д.Н. Ушакова, террор определяется как физическая расправа по отношению к политическим врагам или запугивание с угрозой расправы или убийства [3, с.1044].

В соответствии со ст.3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35 –ФЗ «О противодействии терроризму», терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

С января по сентябрь 2020 года зарегистрировано 1851 преступление террористического характера в России (рост на 33,9 % по сравнению с 2019) годом и 651 преступление экстремистской направленности (рост на 43,4 % по сравнению с 2019 годом) – сообщает пресс-служба МВД Российской Федерации [4].

Среди террористов, лица в возрасте 18–29 лет составляют 68,5 % [5, с506]. Поэтому очень важна роль профилактики девиантного поведения среди молодежи, в том числе по месту учебы.

Факторами, влияющими на вовлечение молодежи в радикальные и экстремистские движения, являются:

1. Невозможность самореализации (в работе, в учебе, в творчестве и т.д.)
2. Социальная изоляция (усугубленная Ковид–19), трудности интеграции в сообщество, в коллектив (студенты, поступающие в ВУЗ, например, часто приезжают из других городов, поселков и не могут сразу влиться в новый коллектив, в новые условия жизни и учебы)
3. Неблагополучие в семье (материальные проблемы, ссоры, конфликты с родственниками, недопонимание, алкоголизм и др.)
4. Поиск своей идентичности (кто я? К какой группе принадлежу?)
5. Социальное неравенство
6. Мечь за прошлое плохое отношение (обращение) сверстников, учителей, родителей и других лиц
7. Снижение или отсутствие авторитета правоохранительных органов
8. Использование сети Интернет с целью пропаганды ксенофобии, экстремистских взглядов и вербовка сторонников деструктивного поведения.
9. Недостаточная информированность о других культурах, религиях, способах коммуникации и отстаивании своих прав среди молодого поколения
10. Утрата системы ценностей и идеалов
11. Безработица и политическая нестабильность и другие.

Меры профилактики ксенофобии, экстремизма и терроризма осуществить легче и эффективней, чем меры противодействия и ликвидации последствий террористических актов. Прежде всего, необходимо вовлечь молодое поколение в активное творческое самовыражение путем организации на базе ВУЗа, например, творческих кружков по интересам (художественных, танцевальных, шахматных, научно-исследовательских и др.). Проводить различные спортивные соревнования, командные и индивидуальные, туристические походы, КВН для сплочения коллектива внутри студенческой группы, факультета, университета в целом. Проводить экскурсии, походы в театр, на выставки, организовывать встречи с будущими работодателями, учреждать именные стипендии за успехи в различных областях деятельности.

В Университете обязательно должен работать психолог (с отдельным кабинетом), который с помощью тестов, общих встреч со студентами и других средств обратной связи наблюдал и оценивал бы общую психологическую обстановку в ВУЗе, а также мог провести индивидуальную беседу со студентом, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Возможно учреждение студенческих СМИ (радио, газетаб журнал), Дней самоуправления, проектов по преодолению межэтнической разобщенности (например, в Великобритании существует программа «Строим сильную Великобританию вместе» - о судьбах беженцев, об истории своей страны (если другая), традиции национальные, культура и др.).

Важна безопасность молодежи в Интернете. Поэтому будут эффективны семинары с привлечением сотрудников правоохранительных органов (МВД, прокуратура, следственный комитет и др.) по данной тематике. Указание на сайте Университета в общем доступе контактные телефоны психологической и правовой помощи для лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию. А также каждый преподаватель на своем занятии может уделить немного времени важной профилактической информации.

Важен институт наставничества (наставник – преподаватель или студент старшего курса) и кураторства для вовлечения первокурсника в университетскую жизнь и помощи в решении его проблем в учебе. В быту (общезитие), в интеграции с другими студентами, приобщении к здоровому образу жизни, здоровому питанию.

В Монреале (Канада) был разработан Центром профилактики экстремизма проект «Барометр поведения» для распознавания на ранней стадии проявлений, говорящих о радикализации человека. Индикаторами могут служить как видимые знаки – начал носить традиционную одежду, бороду, религиозные символы. Или не совсем открытые: появилась замкнутость, изолируется молодой человек от семьи, друзей, меняет привычки, появляется чувство преследования или недоверия ко всем. Тогда подключается к работе с таким студентом психолог, куратор, специалист по воспитательной работе, выясняет причины изменившегося поведения, проводит беседу, помогает решить проблемы (если это проблемы успеваемости – график сдачи долгов по сессии, например). Если началась агрессия или другое девиантное поведение – беседу проводит сотрудник правоохранительных органов по разъяснению правовых последствий таких действий.

В настоящее время, в связи с эпидемиологической обстановкой по Ковид-19, многих студентов перевели на дистанционное обучение, усилилась разобщенность, отменены практически все массовые мероприятия. Кроме того, страдает финансирование и материальное обеспечение (например, нет отдельной комнаты для психолога в ВУЗе, нет компьютеров, нет музыкальных инструментов для музыкальной группы и т.д.) профилактических, воспитательных, патриотических, научно-исследовательских и других дополнительных программ. Необходимо начинать профилактическую работу в первую очередь с формирования у работников сферы образования (преподавателей, психологов, специалистов по учебной и воспитательной работе) представлений об идеологии и культуре толерантности, обучить их по программам профилактики терроризма и экстремизма, улучшить финансирование этого важнейшего направления работы всех учебных заведений.

Библиографический список.

1. Доклад конференции высокого уровня ООН по борьбе с терроризмом 28-29 июня 2018 г., Центральные учреждения ООН, Нью-Йорк, 2018, – 21 с.

2. Авдеев Ю.И. Политический экстремизм в современной России. Реформирование России: от мифов к реальности: монография/ под ред. Г.В.Осипова, В.К.Левашова, – М.: ИСПИ РАН, 2001, – Том 1. – 438 с.
3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. 180 000 слов и словосочетаний. – М.: Альта–Принт: Дом 21 век, 2009. – 1239 с.
4. Газета «Известия» от 21 октября 2020 года, № 159.
5. Гришко А.Я. Личность террориста: криминологический портрет // терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И.Л. Трунова и Ю.С. Горбунова. Изд. 2-е перераб и доп., – М.: ЭКСМО, 2007. – 768 с.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ КАК МЕТОД ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Назымова Любовь Алексеевна.

Россия, Новосибирская область, р.п. Сузун, Муниципальное казённое общеобразовательное учреждение Сузунская общеобразовательная школа-интернат для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья, учитель музыки, nazimova.l@yandex.ru.

Аннотация. Цель данной статьи показать значимость музыкальной терапии для профилактики девиантного поведения детей с ограниченными возможностями здоровья. Музыкальная терапия не только развивает творческие способности, но и воздействует положительно на организм ребенка. Дети, занимающиеся вокалом и танцами, добиваются больших успехов в учёбе. Даже самые замкнутые дети становятся более раскрепощёнными, открытыми и общительными.

Ключевые слова: Музыкальная терапия, ограниченные возможности здоровья, девиантное поведение.

MUSIC THERAPY AS A METHOD OF PREVENTING DEVIANT BEHAVIOR IN CHILDREN WITH DISABILITIES

Nazimova Lyubov ' Alekseevna.

Russia, Novosibirsk region, R. p. Suzun, municipal state educational institution Suzunskaya comprehensive boarding school for students, pupils with disabilities, music teacher, nazimova.l@yandex.ru.

Annotation. The purpose of this article is to show the importance of music therapy for the prevention of deviant behavior in children with disabilities. Music therapy not only develops creativity, but also has a positive effect on the child's body. Children who are engaged in singing and dancing, achieve great success in their studies. Even the most introverted children become more relaxed, open and sociable.

Keywords: Music therapy, limited health opportunities, deviant behavior.

Проблема девиантного поведения детей с ограниченными возможностями (ОВЗ) в настоящее время очень актуальна. Ею занимаются не только педагоги и воспитатели, но и социальные педагоги, медицинские работники, психологи, дефектологи, логопеды и другие специалисты.

В Муниципальном казённом общеобразовательном учреждении Сузунская общеобразовательная школа-интернат для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья обучаются и проживают 182 ребенка

с ОВЗ. В основном это дети с диагнозом задержка психического развития (ЗПР) и интеллектуальными отклонениями. Возврат детей от 6 до 18 лет. Дети поступают из многодетных, приемных, неполных семей. Родители в семьях не имеют достаточных знаний, как воспитывать таких детей. Они недостаточно контролируют их из-за своей чрезмерной занятости. Вследствие этого очень часто возникают конфликтные отношения родитель-ребенок, которые проявляются в пропусках школьных занятий, плохой успеваемости, употребления алкоголя и наркотических веществ. Все перечисленное выше относится к определению «девиантное поведение»

Для предупреждения девиантного поведения в школе-интернате педагогами и психологами используются различные формы и методики психопрофилактической работы: тренинги, групповые дискуссии, классные часы на определенные темы, ролевые игры.

В своей работе для предупреждения девиантного поведения я использую музыкальную терапию. На уроках музыки с детьми аутистического спектра, синдрома дефицита внимания, интеллектуальными нарушениями использую прослушивание произведений классической музыки (Людвиг ван Бетховен, Вольфганг Амадей Моцарт), колыбельных песен. Благодаря слушанию данной музыки у детей происходит расслабление, успокоение, снятие тревожности, агрессивности. Слушая музыку, детям разрешается выразить свои чувства на бумаге, нарисовать своё настроение.

Также разрешаю детям выбрать понравившуюся им мелодию и придумать танец. Дети танцуют и двигаются так, как хотят, пусть даже движения не совпадают с музыкой. Но таким образом, они выражают свои мысли и чувства, учатся самовыражаться.

В развитии творческой инициативы у детей использую метод инсценировки песен. По своим сюжетам песни являются маленькими сюжетными играми (например, «Два веселых гуся», «Рыжий, рыжий, конопатый», «Ёжик» и т.д.). Перед инсценировкой песни несколько раз прослушиваются или просматриваются в виде мультфильмов. После этого дети с удовольствием исполняют данные песни в движении.

Во внеурочное время мною разработаны две программы музыкальной терапии. Первая программа связана с развитием вокальных данных. Дети приходят на занятия по собственному желанию. Каждый ребенок выбирает песню, которая ему нравится и исполняет её, независимо от жанра. Таким образом, замкнутые дети становятся общительными, агрессивные дети становятся более спокойными. Вторая программа направлена на развитие хореографических навыков. Дети самостоятельно выбирают танцевальную музыку, придумывают движения, импровизируют. По достижении результатов проводятся концерты для педагогов и родителей. Таким образом, учащиеся повышают свою самооценку.

Таким образом, музыкальная терапия является одним из методов профилактики девиантного поведения детей с ОВЗ. Музыкальные занятия и концерты помогают детям справиться с агрессивным поведением,

способствуют снятию напряжения и тревожности, создают положительное настроение, развивают творческие способности. Учащиеся забывают свои проблемы и неудачи, учатся общаться и взаимодействовать, достигать поставленной цели, самоутверждаются.

Библиографический список.

1. Бурно М.Е. Практическое руководство по терапии творческим самовыражением. – М: Акад. Проект, 2002. – 25 с.
2. Керимова М.В. Музыкалотерапия как метод коррекции функциональных нарушений детей с ограниченными возможностями здоровья // Молодой ученый. – 2017. – № 15.2 (149.2). – С. 87–89.
3. Рапацкая Л.А. Технологии музыкотерапии как средство общего оздоровления детей с задержками психического развития // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2010. – №4. – С. 235–240.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Савушкина Ольга Игоревна.

Россия, г. Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», магистр психологии и педагогики, fp@nspu.ru.

Чухрова Марина Геннадьевна.

Россия, г. Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», д-р мед. наук, проф. каф. общей психологии и истории психологии, mba3@ngs.ru.

Аннотация. Рассматриваются возможности применения методов культурно-исторической психологии в профилактике и коррекции девиантного поведения у подростков. В культурно-исторической психологии используется понятие души, как основа всей работы. Основная идея – очищение сознания от деструктивных понятий, которые приводят к девиациям и аддикциям.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, профилактика девиантного поведения.

CULTURAL AND HISTORICAL APPROACH TO THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR

Savushkina Olga Igorevna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, Master of Psychology and Pedagogy, fp@nspu.ru.

Chukhrova Marina Gennadyevna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, mba3@ngs.ru.

Annotation. The possibilities of applying the methods of cultural and historical psychology in the prevention and correction of deviant behavior in adolescents are considered. In cultural and historical psychology, the concept of the soul is used as the basis of all work. The main idea is to clear the mind of destructive concepts that lead to deviations and addictions.

Key words: cultural and historical psychology, prevention of deviant behavior.

В основе наиболее эффективных психокоррекционных практик, в том числе, традиционных, лежит диалог. Диалогическое направление в гуманитарной науке известно со времен Сократа. В западной науке это М. Бубер, в нашей стране – М.М. Бахтин. Идеи Бахтина созвучны высказываниям

Ухтомского о доминанте на собеседника. Когда человек занят собой (у него доминанта на себя), он не видит собеседника реально, а воспринимает собственную проекцию – двойника. Эгоист, именно потому что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами (А.А. Ухтомский “Письма”).

В культурно-историческом контексте диалог трактуется как способ пробуждения в собеседнике духовного «Я». Как справедливо отмечает Т.А. Флоренская: «Психоанализ Фрейда скучен своей откровенной бездуховностью и беспросветной погруженностью в вытесненные сексуальные проблемы. В наше время вытесняется главное, святая святых души человека – голос совести» (Флоренская, 2001, с. 152). Автор поясняет, что в глубинных беседах с подростками именно проявления совести, альтруизма и добра воспринимаются как ненормативные, а напоказ выставляются девиантные поступки, через которые подросток демонстрирует свою «силу», «независимость», «взрослость». Это наблюдение очень важно для понимания внутреннего мира подростков, и показывает путь к эффективной профилактике и коррекции девиаций – через их внутреннюю сущность, душу.

В культурно-исторической психологии используется понятие души, как основа всей работы. Для того, чтобы понять принципы и методы культурно-исторической психологии, которые мы в течение многих лет успешно используем в профилактике и коррекции девиантного поведения среди подростков, молодых людей и взрослых пациентов, необходимо ознакомиться с народными и мифологическими понятиями о мире и человеке, которые подробно и доступно изложены в трудах выдающегося исследователя современности Александра Александровича Шевцова (2010-2016). Этнограф, этнолог, психолог, философ, человек энциклопедических знаний, А.А. Шевцов в течение многих лет занимался изучением русских народных принципов в науке о душе – психологии. Душа плохо доступна для прямого наблюдения, с этим трудно не согласиться, поэтому душу в культурно-исторической традиции, да и в общемировой психологии, мы вынуждены изучать опосредованно, через то, как она являет себя: поведение, деятельность, творения, - что и складывается в культуру. Культурно-историческая психология, по версии А.А. Шевцова, это частная психологическая дисциплина, позволяющая изучать душу через то, как она воплотилась в сознании (Шевцов, 2007). А прикладная культурно-историческая психология использует историю развития сознания определенного человека для того, чтобы исправить то, чем он недоволен в себе и своей жизни, - что и является причиной разного рода девиаций (Шевцов А.А., 2012). Человек неотделим от социума, в нем формируется его индивидуальный жизненный опыт, его собственное мнение и субъективный взгляд на окружающий мир, но субъективная человеческая оценка всегда будет преломляться через внутренние смыслы.

Мы постараемся не приводить терминологию, которые использует А.А. Шевцов в своих руководствах, и которой мы пользуемся в своей повседневной практической деятельности, а изложим принципы коррекционных подходов и

программ на общепринятом психологическом языке. Основная цель – очищение сознания от деструктивных понятий, которые приводят к девиациям и аддикциям. Но прежде всего, необходимо добиться контакта с душой собеседника, в данном случае, подростка.

1. Душевная беседа. Беседовать с душой – это и признавать душу в себе и своем собеседнике, и открывать свою душу ему. Попробуем дать определение тому, что такое душевная беседа. А.А. Шевцов: «Душевной является беседа, в которой человек всего лишь пытается тебя понять. Даже если он не в силах этого сделать, ты ощущаешь, что он душевен. Правда, настоящее облегчение придет лишь тогда, когда тебя поняли. Или ты сам что-то понял... Душевым другом является тот, с кем можно поговорить обо всем, что только приходит тебе на ум. С другими можно говорить лишь избирательно, сдерживая часть душевных порывов. Но если у вас есть тот, кому можно вывалить все, что у вас на душе, вам очень повезло в жизни. И дружба с теми, кто не пытается тебя судить, а всего лишь старается понять, очень ценна... говоря о душевной беседе или о разговоре по душам, мы говорим о каком-то особом качестве, которое добавляем к обычному разговору вполне осознанно. И вывод из этого таков: мы знаем, как это делать. Мы владем душевной беседой изначально, как данностью нашего существования» (А.А. Шевцов, 2012, с. 226-227). Душевная беседа применительно к подростку позволяет и ему раскрыть свою душу.

2. Безусловное принятие личности собеседника. Стремление понять внутреннюю логику развития этого человека, его цели, ценности и смыслы, его стремления и мечты, даже те, которые не осознает он сам. Сопереживание, признание духовного достоинства человека, независимо от его наличного состояния, его совершенных и не совершенных проступков. Отделение его поступков от самой личности. Приведем принцип, который сформулирован Майклом Уайтом в виде парадоксального афоризма: «Проблема не в человеке, проблема в проблеме» (White M., 2004). Это принцип экстернализации проблемы (полагание проблемы вовне). Так, если мы говорим об агрессивном поведении подростка, то не определяем его как агрессивную личность, а говорим: захвачен агрессивным импульсом. Не зависимый наркоман, а человек под властью наркотика. Восприятие проблемы «извне» помогает посмотреть на нее со стороны, осознать ее и справиться с ней.

3. Очищение сознания. Человеческое слово способно очищать наше сознание, убирая из него какие-то его содержания. Основа очищения сознания состоит в осознании своих переживаний и удалении тех из них, которые являются деструктивными, которые деформируют истинный путь, ведущий к цели жизни. Здесь мы вновь обращаемся к истории человека и его личности, выявляем в его сознании навязанные социумом и субкультурой нормативные суждения о том, что хорошо и что плохо, из которых вытекает ощущение собственной неполноценности, несостоятельности, ущербности, и желая эти негативные ощущения ликвидировать, чаще всего и проще всего, с помощью девиантных и аддиктивных реализаций. Часто девиантный подросток в душе считает себя «сущностно плохим», а все поступки вытекают из этой

«испорченной идентичности», по образному выражению Эрвинга Гофмана, американского социолога, автора идеи о навязываемым социумом идеалах и стигмах, деформирующих личность (Goffman E., 1963). Удалить эти деструктивные убеждения, открыть новые возможности для подростка, закрепить его сознание на новой, более конгруэнтной для него «территории идентичности» - это и есть очищение сознания и это задача культурно-исторического психолога.

Культурно-исторический подход может относиться к нон-структуралистским (Д. Брунер, 2005). Согласно данному подходу, поведение человека представляется не манифестацией тех или иных структурных характеристик его личности, а проявлением глубинных качеств и свойств, формирующих смысл поведения. Раскрыть этот смысл позволяет душевная беседа. Зачастую этот смысл неясен самому подростку, и задача психолога его выявить, объяснить, донести до сознания. Причина девиантного поступка лежит не в сфере потребностей, личностных свойств или каких-либо эмоциональных дисфункций, а именно в сфере личностных смыслов, так выходит с точки зрения культурно-исторической психологии. В момент совершения поступка личностные смыслы выходят на поверхность, и необходимо их раскрыть и понять.

Джером Брунер в своей работе «Жизнь как нарратив» (2005) показал, что в человеческом мышлении можно выделить два модуса: логико-парадигматический (внеконтекстный) и нарративный (контекстуализированный). Последний является основным средством осмысления жизненных событий и переживаний людей. Описывая «историю, обладающую литературной ценностью», Брунер выделял в ней два так называемых «ландшафта»: ландшафт действия и ландшафт сознания. На ландшафте действия располагаются события и поступки, т.е. все ответы на вопросы «что сделал», «кто сделал», «где», «когда», «как», «в каких обстоятельствах». Это чисто криминалистический подход, когда анализируется только конечный результат действия, который и составляет предмет уголовной или другой ответственности. На ландшафте сознания располагаются интенциональные категории идентичности (от слова *intent* – намерение): смыслы, ценности, желания, надежды, мечты, ожидания, жизненные принципы и добровольно взятые на себя обязательства. Ландшафты действия и сознания тесно переплетены. С точки зрения культурно-исторической психологии, мы не только можем видеть, как поступает испытуемый, но мы также знаем, из каких соображений он поступает так или иначе, и что для него значат разные варианты исхода ситуации. Т.е., мы стараемся понять контекст поступка: насколько он помогает человеку реализовать его ценности, мечты, надежды, либо закрывает для него пути, но он этого не осознает. Для этого необходимо эмоционально и мотивационно насытить поступок, проследить эмоции и мотивации, которые его сопровождали, и дать возможность человеку осознать смысл и суть его действий, вытащить эти смыслы на поверхность сознания. А далее – выстроить альтернативную историю с теми же смыслами, эмоциями и

мотивациями, но не имеющую криминальной или аддиктивной подоплеки, показать, что эта история может быть предпочитаемой, дать в этом удостовериться, сделать ее такой же эмоционально-насыщенной, яркой и желаемой, как вариант разбираемой девиации.

Библиографический список.

1. Шевцов А.А. Введение в прикладную культурно-историческую психологию. – СПб: Тропа Троянова, 2007. – 352с.
2. Шевцов А.А. Общая культурно-историческая психология. – СПб: Тропа Троянова, 2007. – 407 с.
3. Шевцов А.А. Записки о способностях. – Иваново: Издательское товарищество «Роща Академии», 2011. – 592с.
4. Шевцов А.А. Прикладная культурно-историческая психология. – Иваново: Издательское товарищество «Роща Академии», 2012. – 264с.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ОСОЗНАННОСТИ КАК ОСНОВА ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Чухрова Марина Геннадьевна.

Россия, г. Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», д-р мед. наук, проф. каф. общей психологии и истории психологии, mba3@ngs.ru.

Савушкина Ольга Игоревна.

Россия, г. Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», магистр психологии и педагогики, fp@nspu.ru.

Аннотация. С целью профилактики девиантного поведения разработан групповой личностно-ориентированный тренинг для подростков «Самосовершенствование», на основе методических подходов культурно-исторической психологии А.А. Шевцова. В основе программы лежит формирование культуры самоосознавания. В процессе тренинга подростки приобретают навыки нормативного поведения через осознание своих проблем и желаний.

Ключевые слова: девиантное поведение подростков, профилактика, тренинг личностного роста, самоосознавание.

FORMATION OF A CULTURE OF AWARENESS AS A BASIS FOR THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR

Chukhrova Marina Gennadyevna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, mba3@ngs.ru.

Savushkina Olga Igorevna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, Master of Psychology and Pedagogy, fp@nspu.ru.

Annotation. In order to prevent deviant behavior, a group personality-oriented training for adolescents "Self-improvement" was developed, based on the methodological approaches of A. A. Shevtsov's cultural and historical psychology. The program is based on the formation of a culture of self-awareness. In the course of training, teenagers acquire skills of normative behavior through awareness of their problems and desires.

Keywords: deviant behavior of adolescents, prevention, personal growth training, self-awareness.

Существующие методы профилактики и коррекции девиантного поведения недостаточно эффективны, поскольку содержат ряд недостатков: слишком обобщенный и декларативный характер подхода к подростку, излишняя фиксация на самих предметах ненормативной активности и обезличивание всей системы профилактических мероприятий. Например, работа, построенная на негативном информировании, зачастую неэффективна, так как запугивающая информация вызывает усиление действия защитных механизмов (протест, игнорирование, отрицание, вытеснение и др.). Работа только на уровне выработки поведенческих навыков (например, сопротивления манипулированию) также малоэффективна, если подросток не видит смысла применять их, так как не мыслит для себя позитивной социальной перспективы.

Кроме того, к сожалению, психологи и психотерапевты, работающие с проблемой алкогольных и наркотических аддикций, в основном ставят целью коррекцию аддиктивного поведения, например, отказ от употребления ПАВ. Но проблема как раз состоит в том, что, даже избавившись от аддиктивных реализаций (например, бросив пить), человек не избавляется от зависимости, если структуры аддиктивной личности остаются без изменения: человек становится так называемым «сухим аддиктом». В данной ситуации очень высока вероятность возобновить в будущем привычный способ аддиктивной реализации или выработать новую зависимость – от другого агента. Личность остается несвободной, а, следовательно – нездоровой [2].

Опыт показывает, что практически невозможно достичь успеха в профилактике девиантного поведения и потребления ПАВ, в частности, в том случае, если аудитория не обладает определенными личностными качествами и социальными навыками и ничего не предпринимается для того, чтобы развить их у подростков. В этом случае они остаются закрытыми и глухими к тем идеям, которые пытаются донести до них старшие. Более того, предоставление им информации о неблагоприятных эффектах наркотиков обычно провоцирует появление исследовательского интереса, что может привести к ухудшению ситуации с употреблением наркотиков в данной группе учащихся.

Поэтому неотъемлемой частью любого курса профилактики потребления наркотиков и других психоактивных веществ должны быть занятия, направленные на формирование гармоничной личности [1]. С одной стороны, эти занятия обязательно должны предварять ту часть курса, которая посвящена специальным вопросам. С другой стороны, хотя тренинг личностного роста и обеспечивает некоторую устойчивость подростков по отношению к желанию экспериментировать с наркотиками, его все же недостаточно для того, чтобы существенно снизить таковое. Изучение более узких, специальных тем, относящихся к злоупотреблению психоактивными веществами, просто необходимо.

На основе методических подходов культурно-исторической психологии А.А. Шевцова [3] мы разработали групповой личностно-ориентированный тренинг для подростков «Самосовершенствование». В группе, где проводились тренинги, находились подростки с разными проблемами и с разным уровнем

развития: это были и гармонично развитые подростки, и дети из дисфункциональных семей, и подростки, состоящие на внутришкольном учете в связи с отклонениями в поведении. Такой состав группы формировался намеренно, чтобы использовать положительную внутригрупповую динамику в коррекционных целях. Так, неагрессивные подростки своими высказываниями и примерами показывали другую модель поведения, более адаптированную и психологически грамотную. Проблемные дети, наблюдая такое поведение у одноклассников, и в игровых упражнениях, понимали, что можно ещё и по-другому себя вести, что такое общение более эффективное и комфортное. Подростки, которые негативно относились к ПАВ, своим поведением показывали подросткам, замеченным в потреблении ПАВ, что это поведение опасно и неприемлемо. Ненавязчиво происходило выравнивание проблемного поведения. Подростки приобретали навыки высказывания и аргументирования своих мыслей, коллективного принятия решений, творческого осмысления проблемы, развивали коммуникативные творческие способности; способность анализировать проблемные ситуации; способность обдумывания действий на стадии принятия решений. Все эти занятия велись в ключе русской национальной культуры, с историческими примерами, песнями, кулинарными опытами и народной одеждой. Привлекались музейные экспонаты, приводились в пример сказочные персонажи и т.п.

Принципиальные цели программы «Самосовершенствование»:

1. Совершенствование личности: очищение от боли, которая лежит в основе личностных черт.
2. Совершенствование разума, как орудия выживания и как состояния сознания.
3. Совершенствование образа себя через разумное самоосознание.

Программа включала в себя несколько этапов:

- 1) Подготовка ведущих тренинга. Этот этап нами достигался персональной подготовкой ведущих проекта, участие их в серии семинаров-тренингов в качестве со-ведущего, а далее предусматривалось сертифицирование ведущих программы с предоставлением им права психопрофилактической и психокоррекционной работы по данному методу;
- 2) Проведение скринингового психолого-педагогического исследования в начале учебного года, а затем по окончанию осуществления проекта;
- 3) Проведение серии мероприятий по ходу осуществления проекта: специальные шоу-программы, общественная презентация метода, ознакомительный семинар для подростков, а также психологов и педагогов школы и родителей.

Безусловно, различие в методическом и структурном наполнении профилактической и лечебно-коррекционной целей программы «Самосовершенствование» подразумевает отличие в квалификационных требованиях к ведущему группы. Психологическое и педагогическое содержание тренинга «Самосовершенствование» наполняют

профилактическим смыслом работу ведущего - профессионального психолога, который является специалистом в области девиантологии.

Коррекционные цели программы «Самосовершенствование» подразумевают в качестве субъекта коррекции группу риска, что определяет требования к ведущему как психологу с навыками групповой работы, его квалификации и базовому образованию профессионального психолога-консультанта.

Конкретные цели программы «Самосовершенствование»:

1. Формирование культуры самоосознавания с помощью методов культурно-исторической психологии: душевной беседы, безусловного принятия личности подростка, очищения сознания, вхождения в разум. Сформированный навык самоосознавания позволит личности подростка стать морально-зрелой, социально-активной и компетентной, понимать собственные цели и смыслы в своей жизни, а не навязанные извне.
2. На основе навыков самоосознавания развить способность разумного обдумывания действий на стадии принятия решения; выработать адекватную самооценку, социальную и личную компетентность, коммуникативные способности.
3. На основе навыков самоосознавания развить разумную способность анализировать проблемные ситуации; сформировать навык творческого осмысления проблемы, стать нравственно самостоятельным.
4. Воспитать семейные ценности.

Структура программы (одного занятия) представляет собой форму групповой беседы, объединяющую в себе элементы дискуссии, микродрамы и коммуникативного тренинга. Одно занятие длится примерно 45 – 90 минут, иногда больше, до 3-х часов, в зависимости от настроения участников. Участники рассказывают о себе, сначала в виде самопрезентации, затем, когда формируется базовое доверие друг к другу, уже предъявляются проблемные истории и ситуации. В процессе подключения к беседе окружающих открываются возможности для самоидентификации и самопознания. Неожиданно для себя респондент узнает о себе много нового, начинает понимать смысл своих действий и поступков. Осознает свои глубинные проблемы, страхи и мечты. Понимает смысл потребления психоактивных веществ, их суть и назначение. Осознает, что означает суицид. Осознает, что проблемы, с которыми он сталкивался в жизни, имеют ограниченное влияние на него, и он в силах освободиться от этого влияния. С помощью окружающих и ведущего выстраивается альтернативная история и ситуация, как можно более живая, яркая и многомерная, вызывающая положительные и конструктивные эмоции, респондент закрепляется в этой истории сейчас и возможно в будущем, которое связано с данной позитивной историей смысловой и ценностной темой, она становится предпочитаемой, окружающие его в ней поддерживают, и существует надежда, что эта история поможет респонденту в дальнейшем.

Истории, которые предъявляют респонденты, в целом однотипны, и касаются взаимоотношений, непонимания себя и близких, конфликтов в школе и дома. Каждому вначале кажется, что его история уникальна, но постепенно подросток начинает осознавать, что он не одинок, что такое случается практически с каждым, и он ощущает поддержку. Это придает ему силы и уверенность в будущем.

Приемы и методы, которые применяются в данном тренинге:

Сравнение, суть которого состоит в сопоставлении явлений, относящихся к подростку, с последующей оценкой.

Отвлечение используется, когда необходимо отвести мысли подростка от психотравмирующих моментов, связанных с его поведением.

Переключение. Фиксацию на проблемах, которые у него имеются, можно снять путем переключения или «отделения» проблемы. При этом объект переключения должен иметь весомое значение для пациента, иначе эффективность используемого приема будет незначительной. В отличие от отвлечения, переключение дает продолжительный психотерапевтический эффект.

Пример позволяет что-либо наглядно, образно продемонстрировать.

Проявление понимания, что приносит облегчение, вселяет уверенность. В этом, по сути и заключается «задушевность» беседы.

Объективизация. Подростки зачастую не могут объективно оценить ситуацию. Движимые эмоциями и переполненные чувствами, они в своих проблемах склонны винить окружающих. Лишенная объективности оценка происходящего мешает им реально воспринимать ситуацию и правильно настроиться на осознание процесса. Разобравшись в его состоянии, ведущий должен вести беседу с подростком с позиции объективности, при необходимости его поправляя, указывать на его ошибки, но делать это тактично, не ущемляя достоинства, полностью его принимая и отделяя его личность от проблемы. Это благоприятная ситуация, чтобы помочь познать себя, обрести новое понимание и возможности изменения. Что же касается причины проблемы, то в процессе беседы зачастую уже найденная причина может вдруг становится следствием, на которое и направлена психологическая работа.

Солидаризация заключается в согласии, единодушии, которые ведущий и группа проявляют по отношению к позиции подростка, к его настроению, его намерениям, аккуратно переубеждают его или поддерживают в тех случаях, когда он оказывается прав. Ощущение, что группа разделяет его позицию, что они делают общее дело, что все заинтересованы не меньше самого подростка (а эту атмосферу создает ведущий), вселяет в него уверенность, придает силы и веру в хороший результат. Соучастие друзей, активная позиция и искренняя заинтересованность ведущего могут значительно повысить эффективность групповой работы и профилактики потребления ПАВ в дальнейшем.

Разносторонний взгляд на проблему потребления ПАВ и другие проблемы подростков. Нередко проблемы оказывают травмирующее влияние в силу одностороннего восприятия с их стороны. Подростки, видя

отрицательные моменты происходящего, фиксируются на них, погружаются в тяжкие переживания. Слишком зауженное восприятие с их стороны даже обычной проблемы в таких случаях превращает последнюю в значительную, оказывающую психотравмирующее действие. Используемый разносторонний взгляд на проблему дает возможность определить ее реальное значение. Даже если проблема действительно значимая, разностороннее ее рассмотрение дает возможность показать многообразие ее оценок, возникающая при этом относительность восприятия проблемы приводит к ее "размыванию" и дезактуализации.

Смещение акцентов. Сталкиваясь с проблемами или неблагоприятными обстоятельствами, подростки в оценке ситуации тем или иным аспектам придают разное значение, что сказывается на восприятии всей ситуации, ее травмирующем влиянии. В процессе душевной беседы ведущий путем придания большей или меньшей значимости тому или иному аспекту в сложившейся ситуации смещает акценты в ее восприятии и, таким образом, при сохранившейся ситуации снижает ее травмирующее влияние.

Предложение разнообразных решений проблемы. Нередко подростки пребывают в трудном положении в связи с тем, что решение проблемы, которое им видится, по разным причинам не выполнимо. Не желая отказываться от недостижимого решения, они даже не пытаются искать другие варианты, считая свое положение безвыходным. Разносторонне оценив проблему, ведущий и члены группы предлагает разнообразные ее решения, при этом предлагаемые решения должны быть действительно стоящими. Из предлагаемых решений подросток выберет то, которое ему больше подходит.

Пауза. В процессе душевной беседы при необходимости полезно делать кратковременные перерывы, взяв паузу. Пауза помогает подросткам собраться с мыслями, чтобы не упустить волнующие моменты, требующие разъяснения, или сосредоточиться на изложении проблемы, или просто передохнуть, если устал. Необходимо делать паузу после выраженных эмоциональных реакций подростка, чтобы он успокоился, настроился на продолжение беседы. Паузы помогают регулировать темп и ритм беседы, направлять беседу в необходимое русло. Во время паузы ведущий наблюдает за группой, анализирует ход беседы, вносит коррективы.

Обсуждение. В процессе беседы возникают моменты, особенно перед принятием какого-то решения, когда необходимо обсуждение. Во время обсуждения нужно быть особенно внимательным к мнению подростка. Если он в чем-то неправ, необходимо объяснить, в чем он ошибается, аргументированное объяснение лучше воспринимается и усваивается, чем слепое подчинение другому мнению. Применяя обсуждение, ведущий подчеркивает значимую роль членов группы в беседе, участие подростка в обсуждении повышает его активность в беседе, способствует пониманию собственной ответственности за результативность беседы. Обсуждение дает возможность разобрать спорные моменты, прийти к единому мнению или найти компромисс, от плодотворности обсуждения зависит качество осознания проблемы.

Решение принимается в процессе беседы и представляет собой некий итог, заключение, избранный путь действий, к которому приходят совместно, исследуя состояние подростка, причины появления и развития у него проблем, анализируя его проблемы, находя в них скрытые смыслы. Решение позволяет снять напряженность, неопределенность, ощущение безысходности, дает возможность указать выход, определить направление, наметить перспективы. От содержания решения зависит эффективность помощи. Принимаемое решение может быть временным, окончательным, категорическим или компромиссным.

Оптимистичность. На протяжении беседы в высказываниях, суждениях, оценках, решениях ведущего должна присутствовать оптимистичность. Надежда на лучшее, вера в разрешение проблем мобилизуют энергию членов группы, придают им силы. Оптимистичность должна опираться на реальное содержание, а не быть голословной, иначе может быть обратный эффект.

Согласованность. Эффективность беседы во многом зависит от согласованности в понимании и действиях ведущего и группы. Начиная с манеры общения, построение и ход беседы ведущий должен производить в форме, удобной для подростков. Понятные вопросы, доступные оценки и решения способствуют активному участию членов группы в беседе. Обстановка взаимопонимания, «душевности», доброжелательности позволяет подростку прояснить волнующие его моменты, а ведущему собрать полную диагностическую информацию; согласованность действий дает возможность за отведенное время выполнить больший объем работы.

Содержание отдельных бесед и приемов были примерно следующие (в зависимости от конкретных проблем группы): «целеустройство», «возвращение желаний», «работа с мечтой», работа с чужими целями, и др.

Таковы методические приемы, которые применяются в ходе группового тренинга «Самосовершенствование», направленного на формирование культуры самоосознавания, что необходимо для осознанного отказа от потребления ПАВ. Применение данного тренинга в одной из школ г. Новосибирска показало его высокую эффективность.

Выводы:

1. Сущность метода формирования культуры самоосознавания заключается в раскрытии контекста той или иной девиации, ее личностного смысла, который не всегда понятен самому девианту. Помощь в осознании этих смыслов, формирование нового конструктивного пути и помощь в прохождении нового пути позволит надежно профилактировать девиантное поведение.
2. Методы культурно-исторической психологии действуют более предметно и мягко, апеллируют к душе и самосознанию, способствуют очищению сознания и осознанию своих переживаний, а также своей цели в жизни и ее смысла.

Библиографический список.

1. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии: Наука о душе. – М.:

Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2001. – 208 с.

2. Чухрова М.Г., Леутин В.П. Аддикция: зависимое поведение. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2014. – 251 с.

3. Шевцов А.А. Прикладная культурно-историческая психология. – Иваново: Издательское товарищество «Роща Академии», 2012. – 264 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПОДРОСТКА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Абрикосова Ольга Анатольевна.

Россия, Новосибирск, «Центр развития профессиональной карьеры»,
педагог-психолог, academy054@mail.ru.

Аннотация. Основной проблемой при профилактике девиантного поведения у подростков является необходимость обеспечения их дальнейшей жизнедеятельности – профессиональное самоопределение. Психологические проблемы, которые имеет девиантный подросток, нивелируются при правильной профессиональной ориентации подростка.

Ключевые слова: профилактика девиантного поведения, психологические проблемы девиантного подростка, профессиональная ориентация подростка, профессиональное самоопределение.

PROFESSIONAL ORIENTATION OF A TEENAGER IN THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR

Abrikosova Olga Anatolyevna.

Russia, Novosibirsk, "Center for Professional Career Development",
teacher-psychologist, academy054@mail.ru

Annotation. The main problem in the prevention of deviant behavior in adolescents is the need to ensure their further life-professional self-determination. Psychological problems that a deviant teenager has are leveled with the correct professional orientation of the teenager.

Keywords: prevention of deviant behavior, psychological problems of a deviant teenager, professional orientation of a teenager, professional self-determination.

Профилактика девиантного поведения у подростков – сложный и многофакторный процесс, поскольку в этиологии отклонений поведения лежат разные, не всегда понятные исследователю факторы. Вместе с тем, подростковый возраст – самый отзывчивый для внушения необходимых ценностей. При работе с несовершеннолетними подростками, важно иметь представление о факторах, влияющих на девиантное поведение, а также при необходимости уметь корректировать и адаптировать поведение подростка [1, 2, 3].

Понятия «профилактика» и «коррекция» необходимо рассматривать в одной связке. Мы исходим из общего представления о профилактике, которое предусматривает первичные мероприятия (направленные на лиц, еще не

знакомых или не замеченных в девиациях), вторичные меры (для лиц, уже знакомых и замеченных в девиациях) и третичные меры (для тех, чье девиантное поведение вызвало отклик не только ближайшего окружения, но и общества – медучреждений, правоохранительных органов, учреждений соцзащиты). По нашему мнению, коррекция девиантного поведения, по сути, и предполагает его дальнейшую профилактику.

Профилактика девиантного поведения особенно эффективна, если она проводится на первичном или в крайнем случае вторичном уровне, однако правильные меры и на третичном уровне могут иметь хорошую эффективность, если выяснены и устранены причины девиаций, налажена социальная адаптация, а подросток с помощью педагога-психолога получает возможность чувствовать себя уверенно в обществе и на личностном уровне. Основное условие на этом пути – это профессиональное самоопределение, одна из главных проблем, возникающих в результате воспитания подростков с девиантным поведением. Ведь проблема профессионального выбора у них возникает чаще, чем у подростков, воспитывающихся в более благоприятной атмосфере. Это связано с разными причинами: социально - опасное положение, неблагополучные семьи, кризисные ситуации, невозможность получения выбранного образования и т. д. Все эти факторы могут оказать влияние на «неустроенность» судьбы.

Основными психологическими факторами, которые негативно влияют на способность к профессиональному определению у подростков с девиантным поведением, являются проблемы в коммуникативно-личностной, эмоционально-волевой, когнитивной и мотивационной сферах:

- трудности в общении со сверстниками и взрослыми;
- изменение в системе ценностей и образе жизни;
- неумение приспособиться к новой социальной среде;
- утрата доверия к миру.

Эти трудности возникают часто в неблагополучных семьях, так как ребенок в этом случае не может опираться на успешный профессиональный опыт своих родителей. Большинство родителей в таких семьях не имеют профессионального образования и ведут антисоциальный образ жизни. Дети из таких семей слабо ориентируются в мире профессий и видах профессионального образования. Это затрудняет профессиональное самоопределение.

Утрата доверия к миру проявляется в чувстве незащищенности, подросток не верит в собственные силы и возможности, некоторые дети, особенно воспитанники детских домов, считают, что ему «все должны». Часто у такой молодежи слабо развита самостоятельность и инициативность. Проявляется конформность поведения, неумение принимать самостоятельное решение и постоянная ориентация на референтную группу, при этом выражена неспособность противопоставлять свои интересы, в противовес интересам, принятым в подростковой среде.

Представление о будущем у таких подростков нередко лишено реалистичности, так у них мало информации о востребованных на рынке труда профессиях и условиях современной жизни, в которой большое значение имеет профессионализм сотрудника.

Недостаточное формирование процессов саморегуляции, самодисциплины, затрудняет формирование внутреннего плана действий. Как следствие проявляется вспыльчивость, которая ведет к конфликтному поведению, что ведет к социальной дезадаптации, а в будущем к невозможности построить успешную профессиональную карьеру.

На сегодняшний день есть определенное количество учащихся, которые имеют трудности в освоение основной общеобразовательной программы, таким детям необходим особый подход в образовательных потребностях и требуются особая поддержка психологов и специалистов в области профориентации.

Отсутствие и недостаточная развитость мотивационного компонента психологической готовности к профессиональному самоопределению у девиантных подростков, проявляется в поверхностности и облегченности суждений, узком кругозоре, ограниченном круге интересов преимущественно развлекательного характера, пассивности. Часто дети не желают учиться, не сформирован личностный смысл обучения.

Выстраивая профориентационную работу с учащимися, необходимо учитывать социальную среду, в которой подросток растет и взрослеет, а также совокупность когнитивных, мотивационных, ценностно-смысловых, рефлексивных характеристик личности подростка.

Работая с подростками мы должны помнить, что правильный выбор профессии положительным образом сказывается на формировании личности и на всей последующей деятельности, поэтому так важно уметь вовремя оказать помощь в профессиональном самоопределении.

Нужно, чтобы подросток поверил в себя, лучше узнал себя, необходимо его направить в ту область деятельности, где ему удастся реализовать свой потенциал, необходимо вдохновить подростка на конструктивную деятельность, и это будет оптимальной профилактикой девиантного поведения.

Библиографический список.

1. Медведев А.С., Чухрова М.Г. Психолого-педагогические принципы профилактики и коррекции наркозависимого поведения. – Минск: Ковчег, 2012. – 182 с.
2. Чухрова М.Г., Леутин В.П. Аддикция: зависимое поведение: Монография. Издание 2-е. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2014. – 251 с.
3. Чухрова М.Г., Орлова Т.Г. Социокультурная педагогика девиантного поведения: электронное учебное пособие. Новосибирск, 2019.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ – ОСНОВА ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ

Александровская Валентина Николаевна.

Украина, Донецк, Донецкий медицинский университет им. М. Горького, доктор философских наук, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой философии и психологии, alexandrovskaya_prof@mail.ru.

Аннотация. Показано, что личностные отклонения служат основой нарушения психосоциальной адаптации, которая создает личностный дискомфорт. Системообразующим фактором девиаций, алкоголизма и наркоманий, является субмиссивность – подчиненность личности своей потребности обрести зону комфорта, без критического осознания последствий и без попыток поиска другого пути.

Ключевые слова: девиантное поведение, алкоголизм, наркомания, психосоциальная адаптация.

PERSONAL DEVIATIONS - THE BASIS OF BEHAVIORAL DEVIATIONS

Alexandrovskaya Valentina Nikolaevna.

Ukraine, Donetsk, M. Gorky Donetsk Medical University, Doctor of Philosophy, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Philosophy and Psychology, alexandrovskaya_prof@mail.ru.

Annotation. It is shown that personal deviations serve as the basis for a violation of psychosocial adaptation, which creates personal discomfort. The system-forming factor of deviations, alcoholism and drug addiction, is submissiveness – subordination of the individual to his need to find a comfort zone, without critical awareness of the consequences and without trying to find another way.

Key words: deviant behavior, alcoholism, drug addiction, psychosocial adaptation.

При изучении девиантного поведения на первый план, как правило, выходит личность пациента. Начиная со второй половины прошлого века личности девианта уделялось большое внимание и сделано довольно много (П.Б. Ганнушкин, И.П. Пятницкая, А.Е. Личко, В.С. Битенский, Б.Г. Херсонский и другие отечественные ученые). Так, А.Е. Личко, изучая акцентуации характера у подростков, выявила, что в рамках «неустойчивого типа», для которого характерна импульсивность и ведомость, наиболее высока вероятность развития пристрастия к психоактивным веществам. Этому также могут способствовать характерные для «неустойчивых» генетически

детерминированные качества: побудительная неустойчивость, недостаток самоконтроля, желание получить удовольствие «здесь и сейчас» [цит. по: 2].

Многие исследователи пришли к выводу, что высокий риск нарко- и токсикомании можно отметить у подростков с эпилептоидным, неустойчивым, гипертимным типами характера (Грабовская Н.Г., Личко А.Е., Борохов А.Д., Исаев Д.Д.). Акцентуации характера и личностную преморбидность Н.Н. Пятницкая (1994) также рассматривает как predisponирующие факторы девиантного поведения [цит. по: 2].

По нашим данным, при клиническом обследовании 356 больных нарко- и алкозависимостями в возрасте от 14 до 38 лет было установлено следующее. Зависимость формируется преимущественно в подростковом возрасте у лиц с выраженными тенденциями к самоутверждению и немедленному выполнению своих претензий, и в то же время, отличающихся сниженной способностью к длительной, целенаправленной деятельности, раздражительностью, склонностью к избыточному фантазированию, демонстративному проявлению чувств, подражанию и лжи. Таким образом, налицо признаки психосоциальной дезадаптации, проявляющиеся как нарушение равновесия между потребностями и возможностями.

Достаточно часто употребляется термин «личностная незрелость» или «психический инфантилизм». Отмечается значимость таких особенностей, как неустойчивость внимания, несерьезность в выполнении заданий, тугоподвижность и ригидность мышления, затруднение в овладении сложными грамматическими формами. По мнению А.В. Надеждина, А.И. Иванова, В.П. Трифонова и С.Н. Авдеева, психический инфантилизм наблюдается практически у всех девиантных личностей [2].

Некоторые зарубежные ученые утверждают, что значительная часть молодых людей, задержанных или стоящих на учете с признаками девиантного поведения, чаще всего, мелких и крупных правонарушений и потребления ПАВ, имеет серьезные психологические и психиатрические проблемы: нарушения психоэмоциональной и волевой сферы, саморегуляции и самооценки, низкий образовательный и культурный уровень на фоне сниженных интеллектуальных способностей, а также неудовлетворенность жизнью [1].

По данным В.С. Битенского и его соавторов [цит. по: 2], диагноз психопатии мог быть поставлен до начала девиантных проявлений: злоупотребления ПАВ в 64% случаях наркомании, в 31% — токсикомании и в 48% случаев - злоупотребление без психической зависимости. Эта гипотеза не находит подтверждения в работе Роберта Хаэра [1], который проанализировал более 600 историй болезни психопатов. Лишь 10% психопатов, у которых зафиксирована возбудимая, мозаичная или неустойчивая форма, употребляют наркотики.

Анализ результатов многочисленных исследований показал, что вне сомнения, можно выделить ряд общих черт, свойственных девиантам: это слабое развитие самоконтроля, самодисциплины; низкая устойчивость к

всевозможным воздействиям, неумение прогнозировать последствия действий и преодолевать трудности; эмоциональная неустойчивость и незрелость, склонность неадекватно реагировать на фрустрирующие обстоятельства, неумение найти продуктивный выход из психотравмирующей ситуации. Эти качества способствуют социально-психологической дезадаптации, выход из которой личность находит в девиантном поведении [3].

Когда в поле зрения попадает подросток со сформированной склонностью к той или иной девиации, у него уже, как правило, имеются те или иные формы акцентуаций характера или психопатоподобных личностных аномалий. Имелись эти аномалии изначально и обусловлены генетически, или они сформировались в дисфункциональной семье и в процессе интоксикации или травматизации? Решить этот вопрос не всегда представляется возможным. По нашим наблюдениям, в некоторых случаях выявляется динамика патохарактерологических проявлений при развитии наркомании, которая, кроме конституционально-личностных, наследственных, метаболических и гормональных факторов, обусловлена преимущественно нейротоксическими эффектами. Следует принимать во внимание, что результаты, полученные преимущественно с помощью «прямого» метода исследования (клиническая беседа, интервьюирование, анкетирование) наркомана и опроса его родителей, преподавателей, не являются абсолютно объективными. Возможно, что те аспекты личности, которые интерпретируются, как причина употребления психоактивных веществ, являются его следствием. Вероятно, необходимо рассматривать становление тех или иных девиаций в подростковом возрасте в динамическом аспекте, когда некая акцентуация личности создает облегченные предпосылки для злоупотребления психоактивными веществами, что усугубляет акцентуацию и выводит ее на уровень транзиторной психопатии, которая может быстро купироваться в благоприятных для личности условиях. Поиск зоны комфорта закономерно приводит подростка к алкоголю или наркотикам, и это срабатывает по типу импринтинга, уходя на уровень подсознания. Можно считать, что системообразующим фактором девиаций, в частности, алкоголизма и наркоманий, является субмиссивность – подчиненность личности своей потребности обрести зону комфорта, без критического осознания последствий и без попыток поиска другого пути. Любое нарушение гомеостаза, сопровождающееся личностным дискомфортом, приводит к активации подсознательных механизмов добиться комфорта, что приобретает характер сверхценной идеи.

Учитывая большую роль личностных дисфункций, аномалий и акцентуаций, тех или иных психоэмоциональных расстройств, сопровождающих девиации, следует именно эти факторы считать определяющей первопричиной формирования мотивационных образований и склонности к разного рода девиациям, как попытки добиться состояния личностного комфорта. Следовательно, при планировании профилактической работы необходимо ориентироваться на методы, раскрывающие личностный смысл девиаций и побуждающие к осознанию этого личностного смысла с

тем, чтобы помочь подростку выбрать нормативный путь решения личностной проблемы.

Библиографический список.

1. Хаэр Р.Д. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. – СПб.: ООО «Диалектика», 2019. – 288 с.
2. Чухрова М.Г., Дресвянников В.Л., Маркова Е.В. Наркотическая зависимость: современные стратегии исследования (научная монография). – Saint-Louis, Missouri, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2015. 218 p.
3. Чухрова М.Г., Леутин В.П. Аддикция: зависимое поведение: Монография. Издание 2-е. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2014. – 251 с.

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ВОЛОНТЕРОВ-ПСИХОЛОГОВ КАК ФАКТОР РИСКА ПОТРЕБЛЕНИЯ ПАВ

Байкалова Марина Александровна.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», магистр психологии, murlisa@ngs.ru.

Аннотация. Волонтерская деятельность предъявляет особые требования к личности психолога, особенно в период пандемии. При переутомлении может возникнуть синдром эмоционального выгорания, а в качестве попытки купирования этого состояния – потребление психоактивных веществ, в частности, алкоголя.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, волонтерская деятельность, потребление алкоголя.

SYNDROME OF EMOTIONAL BURNOUT AMONG VOLUNTEERS-PSYCHOLOGISTS AS A RISK FACTOR FOR SUBSTANCE USE

Baykalova Marina Aleksandrovna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management, Master of Psychology, murlisa@ngs.ru..

Annotation. Volunteering places special demands on the personality of a psychologist, especially during a pandemic. If you are overworked, you may experience a burnout syndrome, and as an attempt to stop this condition – the consumption of psychoactive substances, in particular, alcohol.

Keywords: burnout syndrome, volunteer activity, alcohol consumption.

Синдром эмоционального выгорания – это настоящий бич нашего времени. Особенно актуальна эта проблема для лиц помогающих профессий. По утверждению К.Роджерса, в помогающих взаимодействиях «по крайней мере, одна из сторон намеревается способствовать другой стороне в личностном росте, развитии, лучшей жизнедеятельности, формировании зрелости, в умении ладить с другими — с одним человеком или группой» [1.- С.81].

Минувший 2020 год стал непростым для многих людей: пандемия, самоизоляция, проблемы с работой. В связи с этим участились обращения к психологам. Было организовано много волонтерских проектов, а на уже существующие выросла нагрузка.

Являясь участником нескольких волонтерских проектов, а именно «Волонтер.сиб», «Мы Вместе», «Красный крест». Волонтеры-психологи

работали в красной и зеленой зоне «ковидных» госпиталей, на телефоне горячей линии и в чат-боте Viber. Я наблюдала неоднократно обращение своих коллег на групповых супервизиях и терапевтических группах с жалобами на выгорание.

Само понятие «эмоциональное выгорание» в лексиконе появилось сравнительно недавно, около 20 лет назад.

Впервые термин «эмоциональное сгорание» ввел Х. Дж. Фрейденбергер. Этим термином он характеризовал психологические состояния «здоровых людей, которые находятся в тесном и интенсивном общении с клиентами в эмоционально перегруженной атмосфере во время оказания профессиональной помощи» [11].

Первые упоминания о феномене эмоционального выгорания в отечественной психологии можно найти в трудах Б.Г. Ананьева. Он употреблял термин «эмоциональное сгорание» для определения «некоторого отрицательного явления, возникающего у людей, профессия которых подразумевает тесное взаимодействие с другими людьми» [2].

К. Маслач в 1976 году определила такое состояние как «синдром физического и эмоционального истощения, включая развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе, утрату понимания и сочувствия по отношению к клиентам или пациентам» [8]. В 1981 году Э. Морроу предложил довольно оригинальный термин, отражающий внутреннее психическое состояние человека, испытывающего негативное воздействие. По его мнению, вокруг такого человека словно витает «запах горячей психологической проводки» [9].

В.В. Бойко определяет «выгорание» как «выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций из психотравмирующей ситуации» [3].

Термин выгорание в настоящее время имеет междисциплинарный характер и рассматривается с позиции как психологии, так и медицины.

После того как проблему эмоционального выгорания описал Х.Дж. Фрейденбергер [11], в середине 70-х годов XX века она стала предметом научных исследований. В дальнейшем ее прорабатывали такие ученые, как Р.Голембивски, 1988; М.Буриш, 1989 [4]; В.Шауфели, 1996; К.Маслач, 2000 [8] и другие. В настоящее время данная проблема все более актуальна. Она все больше изучается представителями отечественной науки (Т.В.Форманюк, 1994; Н.В. Гришина, 1998 [6]; А.Г.Макарова [7], В.В. Бойко, 2004 [3]; Н.Е. Водопьянова, 2005 [5]; В.Е. Орел, 2005 [10] и др.). Но при этом, отечественная наука рассматривает причины, механизмы возникновения и диагностический инструментарий для оценки выраженности эмоционального выгорания, но подходы и методы психотерапии разработаны фрагментарно.

Особенностью работы волонтеров-психологов является то, что они не получают какого-либо вознаграждения за свой труд. Не только материального, но и очень часто не видят и результатов своей работы и прогресса клиента, т.к. даже если клиент обращается повторно, он может связаться с другим дежурным

психологом. Вместе с тем, труд волонтеров-психологов исключительно напряженный, требующий внимания, терпения, самоотдачи, быстрой и адекватной реакции в непредвиденных ситуациях. В процессе работы идет процесс интенсивной потери энергии, душевных и моральных сил, а при неблагоприятном исходе работы, что совсем не редкость, возникает еще и неуверенность в собственных силах, чувство вины и сожаления, чувство бессилия, тревоги и депрессии. Эта палитра чувств и составляет суть синдрома эмоционального выгорания. Неприятные психологические переживания могут завершиться неосознанной попыткой самолечения в виде потребления психоактивных веществ (ПАВ), чаще всего, алкоголя. Потреблению алкоголя способствуют атактические мотивации (с целью расслабления), гедонистические мотивации (с целью получения положительных ощущений, удовольствия), желание изменить свое психоэмоциональное состояние, забыться, переключиться и т.п. При закреплении положительного эффекта алкоголя при его приеме может возникнуть стереотип со стремлением к алкоголизации при любом негативном переживании.

То, что внутренние ощущения являются значимым детерминантом поведения человека, представляется очевидным, поэтому в качестве профилактики и коррекции эмоционального выгорания необходимо с особым вниманием изучить внутренние переживания и особенности реакции человека на специфические условия волонтерской работы.

В настоящее время существуют различные методики профилактики синдрома эмоционального выгорания. Это личностно-ориентированные методики, саморегуляция и саморефлексия, аутогенные тренировки и релаксации. Также необходимо регулировать нагрузки и своевременно отдыхать, хотя это звучит декларативно, но имеет глубокий физиологический смысл.

Вместе с тем, представляется важным исследовать зависимость риска эмоционального выгорания от личностных и поведенческих особенностей волонтера, выяснить психофизиологические механизмы этого состояния с тем, чтобы эффективно профилактировать и осуществлять коррекцию.

Библиографический список.

1. Trecker H. Social Group Work: Practice and Principles. — Association Press, 1991.
2. Ананьев Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. — М.: Директ–Медиа, 2008.
3. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. — СПб.: Питер, 2003. — 105 с.
4. Буриш М. Синдром эмоционального выгорания. — Ярославль: Эксмо-пресс, 2014. — 214 с.
5. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 009 – 336 с. — №4(7). — С. 53–55.
6. Гришина Н.В. Помогающие отношения: профессиональные и

- экзистенциальные проблемы / под ред. А. А. Крылова, Л. А., Коростылевой. – СПб.: Питер, 1999. – 218 с.
7. Макарова А.Г. Синдром эмоционального выгорания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.myword.ru/index.php?Automodule=downloads&showfile=1292>
8. Маслач К. Выгорание: многомерная перспектива. – М.: Издательство Института психотерапии, 2004. – 147 с.
9. Морроу Э. Сгоревшие профессионалы. – СПб.: Питер, 2014. – 219 с.
10. Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – 330 с.
11. Фрейденберг Х. Дж. Избранные труды и положение. – М.: Сфера, 2014. – 317 с.

ПРЕДИКТОРЫ АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Васютина Елена Николаевна.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», магистр, elenavasytina@rambler.ru.

Аннотация. В статье представлен обзор литературы, описывающий причины аутоагрессии, от самообвинений, до наркоманий и самоубийства. Значимость глобальной проблемы очевидна: скрытый суицид – одна из причин рискованного поведения сегодняшней молодежи. Показано, что семейные факторы играют ведущую роль в проявлениях самоповреждающего поведения.

Ключевые слова: аутоагрессия, самоубийство, саморазрушающее поведение

PREDICTORS OF AUTOAGGRESSIVE BEHAVIOR IN ADOLESCENTS (LITERATURE REVIEW)

Elena Vasyutina.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, Master's degree student, elenavasytina@rambler.ru.

Annotation. The article presents a review of the literature describing the causes of autoaggression, from self-incrimination to drug addiction and suicide. The significance of the global problem is obvious: hidden suicide is one of the reasons for the risky behavior of today's youth. It is shown that family factors play a leading role in self-harming behavior.

Keywords: Autoaggression, suicide, self-destructive behavior

Цель исследования: анализ взаимосвязи аутоагрессивного, саморазрушающего поведения с неблагополучием социальной жизни и семьей.

Материал и методы исследования. Теоретические публикации легли в основу статьи.

Результаты и обсуждение.

На основе теоретических посылок ученых было обнаружено, что социальное неблагополучие является индикатором социального состояния общества. Проблемы аутоагрессии в теоретическом аспекте также представляют интерес.

Рассмотрим идею депривации социальных связей в теории социальной адаптации Э. Дюркгейма. Неблагополучие социальной жизни и аномия — это такое состояние общества, при котором наступают разложение, дезинтеграция

и распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок. Дюркгейм называет самоубийством "каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах". Социальные связи - главная черта его концепции. Самоубийство имеет социальный характер. Резкое изменение условий социальной среды - один из главных факторов. Самоубийства зависят от внешних по отношению к индивиду причин, которые следует искать внутри общества, а число самоубийств можно объяснить только социологически. Дюркгейм рассматривал аномию как самоубийство [6].

Далее эту концепцию продолжил развивать Мертон. Аномия возникает тогда, когда население не может легитимно достичь провозглашенных обществом в качестве нравственного закона целей. В таком случае на его долю достаются только незаконные способы, благодаря которым люди приспособляются к аномии. «Моя главная гипотеза как раз состоит в том, что отклоняющееся поведение можно социологически рассматривать как симптом расхождения между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными путями осуществления этих стремлений» [7, с. 24]. Мертон рассматривал аномию как причину не только как самоубийства, но и алкоголизма, наркомании, правонарушений, психических расстройств [7].

Также, А.Г. Амбрумова высказала теоретическую концепцию, согласно которой суицидальное поведение есть следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта. Больными хроническими психическими состояниями, погранично-психическими расстройствами и здоровыми в психическом отношении, рассматривая общеповеденческие реакции в экстремальных ситуациях от психической нормы до патологии. Суицидальное поведение рассматривается ею как следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого субъективно неразрешимого микросоциального конфликта. Самоубийство – результирующая различных социальных, культурологических, психологических и патопсихологических воздействий на индивида в континууме «норма — патология», построенного на базе определенного казуально-генетического представления о природе суицида. Данный континуум включает промежуточную зону между психической нормой и клинически выраженной психопатологической симптоматикой, состоящую из акцентуированных личностных структур и реакций. На основе эмпирического материала автором разработана типология суицидоопасных реакций личности в ответ на неблагоприятные средовые воздействия, среди которых лично-семейные конфликты, состояние психического здоровья, состояние физического здоровья, конфликты, связанные с антисоциальным поведением суицидента, конфликты в профессиональной или учебной сфере, материально-бытовые трудности [1].

Гишинский Яков Ильич придерживается теории Мертона: неудачи, когда индивид не может самоутвердиться через творчество, и ему остается только

негативное аутоагрессивное поведение, это алкоголь и самоубийство. Самоубийство — вид саморазрушительного, аутодеструктивного поведения (наряду с пьянством, курением, потреблением наркотиков, а также переизбытком). Самоубийство — весьма сложный, многоуровневый (философский, социальный, психологический, нравственный, юридический, религиозный, культурный, медицинский) междисциплинарный феномен; ближайшая непосредственная причина — это проблемы, прежде всего, психологические и социально-психологические. Генезис же самоубийства как социального явления, подчиняющегося определенным закономерностям, — предмет социологии [4].

Неблагоприятный детский опыт влияет на аутоагрессивное поведение подростка. Семья, как важнейший институт социализации личности, рассматривается одновременно и как фактор профилактики. А.А. Реан социально отклоняющееся развитие личности связал со структурной психосоциальной деформацией семьи. Семья и социальные девиации личности: конфликты в семье, споры, ссоры, непонимание, — еще один предиктор [11].

Г.Я. Пилягина рассматривает аутоагрессию человека как форму дезадаптивных поведенческих реакций на различные неблагоприятные в физическом и психическом плане жизненные ситуации, которые вызывают стресс, фрустрацию и тому подобные состояния. Фундаментальной чертой феномена аутоагрессии является характеристика поведения человека, как патологического по своей форме, носящего характер результирующей активности, обусловленной психологической, биологической (психической) и социальной дезадаптацией, возникающую преимущественно в экстремальной ситуации (состоянии) и направленную на изменение этой ситуации путём причинения ущерба своему психическому или физическому здоровью. Дезадаптация представляет собой нарушение способности адекватного приспособления (познавания и взаимодействия) с окружающей средой, конфликт внутриличностных потребностей, установок и условий, «запросов» внешней реальности [8, 9].

По мнению Е.М. Вроно, предикторами могут являться: депрессия в подростковом возрасте, соматическое неблагополучие (маска), резкое падение успеваемости, астеничность, внезапное проявление девиантного поведения. Родительский долг — обеспечить безопасность ребенка. Сигналами служат: нарушение сна, пищевые расстройства, смена поведения, снижение успеваемости, отсутствие друзей, самоповреждающее поведение.

Е.М. Вроно выделяет три «н»: непреодолимость трудностей, нескончаемость несчастья, непереносимость тоски и одиночества, и три «б»: беспомощность, бессилие, безнадежность [3].

Что касается профилактики суицидального поведения учащейся молодежи, то современная суицидология выделяет 3 ее уровня:

1. Первичный, включающий превенцию в семье, школе и обществе (преподаватель.)

2. Вторичный - состоящий из кризисной помощи в пресуицидальном и раннем постсуицидальном периоде (психолог).

3. Третичный уровень, или поственция, который состоит в помощи выжившим, а также членам семей и друзьям умерших суицидентов, преодолении «стигматизации» парасуицидентов (психиатр) [3].

Рассмотрев современные подходы к пониманию формирования аутоагрессивного поведения подростков, становится ясно, что большое влияние оказывают различные семейные факторы.

В период раннего детства — семья и играющие все большую роль в современных обществах дошкольные детские учреждения. Семья рассматривалась традиционно как важнейший институт социализации в ряде концепций. Именно в семье дети приобретают первые навыки взаимодействия, осваивают первые социальные роли [5].

Тенденции к аутоагрессии, лежащие как в самой личности, так и во внешних условиях. Так, в частности, попытки родителей сдерживать и контролировать агрессию ребенка при помощи физических наказаний только подкрепляют и увеличивают риск самоповреждающего поведения [2].

Специфика аутоагрессивного поведения подростков формируется под влиянием различных семейных факторов. Родители подростков с суицидальным поведением отличаются употреблением алкоголя и наркотиков, суицидальным поведением, использованием насильственных действий по отношению к членам семьи. Семьи подростков с высоким уровнем риска самоповреждающего поведения отличаются повышенной конфликтностью [6].

Рассмотрим психологические факторы, влияющие на аутоагрессивное поведение у наркотических аддиктов. По мнению М.Г. Чухровой и С.В. Пронина, есть определенная взаимосвязь и единая причинность наркомании и суицидального поведения. Также ими отмечено, что тревожное расстройство, как проявление нарушения психосоциальной адаптации, связано с попытками самоубийства. Действительно, предикторами аутоагрессивного поведения у наркозависимых являются: длительность заболевания, снижение самооценки, сопутствующая алкогольная зависимость, курение анаши и приём седативных препаратов бензодиазепинового ряда. Установлена корреляционная взаимосвязь между аутоагрессивным поведением и некоторыми наследственными факторами (алкоголизм родителей) [10].

Выявлены следующие предикторы суицидального поведения у наркозависимых: сниженное настроение, пессимизм, чувство несостоятельности, неудовлетворённость, чувство вины, ощущение неотвратимости наказания, отвращение к самому себе, невозможность самоутвердиться, идеи самообвинения, суицидальные мысли, раздражительность, нарушение социальных связей, нерешительность, утрата работоспособности, нарушение сна, утомляемость, утрата аппетита, потеря веса, охваченность телесными ощущениями, утрата либидо, что в целом ощущается как замкнутый круг [10].

Таким образом, семья и социальная адаптация являются важнейшими факторами возникновения аутоагрессии. Семья — это первый и важнейший институт социализации личности. Неблагоприятный опыт и низкая социальная поддержка способствуют развитию аутоагрессивного поведения. Неспособность справиться с огромными неосуществимыми целями приводит к фрустрации, негативному отношению к себе, чувству ненужности, никчемности, а отсутствие поддержки и конфликты в семье, — ведет подростков к риску самоповреждения. Непреодолимое чувство вины, одиночества, неумение переключиться, приводит к чувству тяжести и неспособности пережить это, и как следствие — саморазрушение, алкоголь, наркотики и самоубийство.

Библиографический список.

1. Абрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения. Методические рекомендации. — М.: Наука, 1980. — 55 с.
2. Белашина, Т.В., Кобзева, Д.А. Аутоагрессия как предиктор виктимного поведения личности. // Психология человека в образовании, — т. 2, — № 1, — С. 26–32.
3. Вроно Е.М. Предотвращение самоубийства подростков. Руководство для подростков. [Электронный ресурс]: URL: http://www.garmoniya.uglich.ru/uploads/files/1563958074_vrono.pdf
4. Гишинский Я.И., Румянцева Г. Самоубийства в России Дореволюционная Россия // Мир России — 1998, — № 4. — С. 159–166.
5. Григорьева А.А. Социально-психологическая специфика семей подростков с различными видами аутоагрессивного поведения // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — № 3. — С. 36–45.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. — М.: Мысль, 1994. — С. 287, 313.
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ Москва; Хранитель, 2006. — С. 873, 247.
8. Пилягина Г.Я. Аутоагрессия: биологическая целесообразность или психологический выбор // Таврический журнал психиатрии. — 1999. — Т. 3, — № 3. — С. 24–27.
9. Пилягина Г.Я. «Саморазрушающее поведение: феноменология, принципы патогенетической динамики и диагностики» Дис. докт. мед. наук. — К., 2004. — 436 с.
10. Пронин С.В., Чухрова М.Г. Психологические факторы, влияющие на аутоагрессивное поведение у наркотических аддиктов // Мир науки, культуры и образование — 2016. — № 4(59). — С. 154–156.
11. Реан А.А. Семья как фактор социальных девиаций личности // Психология семьи российский психологический журнал. — 2007. — № 1 — С. 25–28.

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РИСКА ПОДРОСТКОВОГО БУЛЛИНГА

Гаджиева Айтач Фейруз кызы.

Россия, Новосибирск, муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение г. Новосибирска "Средняя общеобразовательная школа № 48, педагог-психолог; ФГБОУ ВО «НГПУ», магистрант направления «Девиантология», aytach.gadzhieva@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются факторы буллинга среди подростков. Проводится анализ контекстуальных детерминант буллинга, акцентируется внимание на педагогических факторах риска данного феномена. Автором изложены отдельные направления профилактической работы в образовательном учреждении, ориентированные на превенцию педагогических факторов риска буллинга в подростковой среде.

Ключевые слова: буллинг, подросток, педагогические факторы буллинга.

TO THE QUESTION ABOUT PREVENTION OF PEDAGOGICAL RISK FACTORS OF ADOLESCENT BULLING

Gadzhieva Aytach Feyruz kyzy.

Russia, Novosibirsk, municipal budgetary educational institution of Novosibirsk «Secondary school No. 48»; NSPU, psychologist, Master's student of the program "Deviantology", aytach.gadzhieva@mail.ru.

Annotation. The article examines the factors of bullying among teenagers. The article analyzes the contextual determinants of bullying and attention is focused on the pedagogical risk factors of this phenomenon. The author describes certain areas of preventive work in an educational institution, focused on the prevention of pedagogical risk factors for bullying in the adolescent environment.

Keywords: bullying, teenager, pedagogical factors of bullying.

Современность развития общества характеризуется актуализацией проблемы насилия и травли в подростковой среде. М.И. Кошенова указывает, что для современных подростков любое насилие от психологического до физического лишь часть их обыденной жизни, где любые формы унижения друг друга – набирающий популярность «угрожающий тренд» [3]. Необходимо признать, что феномен буллинга среди тинейджеров – явление далеко не новое. Однако в последние десятилетия он трансформируется и находит все более разнообразные аспекты своего проявления, несущие риск для жизни и здоровья подрастающего поколения.

Под буллингом нами понимаются действия, направленные на причинение ущерба и вреда, систематически осуществляемые продолжительное время одним человеком или группой лиц, по отношению к человеку, который не может себя защитить.

Говоря о вредоносном влиянии буллинга, необходимо отметить, что он характеризуется не только сиюминутным процессуальным риском для его участников, но и отсроченными негативными последствиями, проявляющимися в их дальнейшей жизни – принятии себя и других, выборе поведенческих стратегий, жизненном сценарии и т.д. Именно поэтому проблема профилактики буллинга в подростковой среде является одной из ключевых для специалистов, реализующих психологическое сопровождение образования.

На наш взгляд, вопрос о выборе приоритетных аспектов решения профилактических задач, ориентированных на предотвращение травли и насилия среди подростков, предполагает анализ всего спектра факторов подросткового буллинга.

Среди ведущих детерминант буллинга выделяются факторы двух категорий: диспозициональные и контекстуальные. К диспозициональным детерминантам относятся предпосылки внутриличностного характера, которые определяют включенность личности в процесс насилия в роли агрессора, жертвы или других ипостасях ролевой буллинг-структуры.

Контекстуальные детерминанты представляют собой те средовые особенности, которые создают благодатную почву для «процветания» межличностных отношений на основе неравенства власти: семейный контекст развития подростка, специфика группы, в которую включен тинэйджер, и ее интер- и интрагрупповые характеристики.

К предикторам контекстуального характера относятся также и педагогические факторы, провоцирующие возникновение буллинг-ситуаций среди тинейджеров в образовательном пространстве. Так, согласно исследованию Яновой Н.Г. почти половина действий буллинга в ученической среде «связана с негативной оценкой со стороны учителей» [4, с.193]. В качестве буллинг-триггеров в профессиональном поведении педагогов школьники выделяют повышение голоса, высмеивание, несправедливую критику, предвзятую оценку и публичное унижение.

Частным проявлением негативного влияния педагогических детерминант на возникновение и развитие буллинг-ситуаций может стать «выделение педагогом кого-то из членов группы как в положительном аспекте (как «любимчика», привилегированного), так и в негативном (как человека, заслуживающего общественного порицания)» [1, с.24]. Нередко ситуациям насилия среди подростков в школе предшествуют толерантные реакции на травлю, случаи физической или психологической жестокости в отношении более низких по статусу. Указанное поведение педагогов зачастую следствие профессиональной деформации, затрудняющей реализацию адаптивной модели поведения [2].

Анализ основных педагогических факторов риска буллинга в подростковой среде позволил нам определить приоритетные направления психолого-педагогической профилактики в данной сфере.

На наш взгляд, важным направлением буллинг-профилактики является психолого-педагогическая помощь в преодолении эмоционального выгорания педагогов. В рамках данного направления актуальной является работа, нацеленная на осознание учителем самого себя в роли профессионала, собственных мотивов профессиональной деятельности, выявление признаков эмоционального выгорания и причин его возникновения, особенностей проявления профессиональных деформаций и путей их коррекции.

С помощью моделирования профессиональных ситуаций и ролевых игр в рамках работы с педагогами можно создать условия для выявления деформационных профессиональных проявлений, рефлексии паттернов профессионального поведения, провоцирующих проявление насилия среди учащихся, а также выработать продуктивные поведенческие стратегии в сложных профессиональных ситуациях.

Актуальным аспектом профилактики педагогических факторов риска подросткового буллинга в образовательной среде также является психолого-педагогическая помощь, предполагающая формирование у учителей адаптивных поведенческих паттернов, востребованных в профессиональном взаимодействии с другими субъектами образовательного пространства – учащимися, родителями, коллегами и администрацией.

Таким образом, мы считаем, что профилактика педагогических факторов риска буллинга среди подростков с учетом требований современности должна являться одной из приоритетных задач деятельности педагога-психолога образовательного учреждения. Содержание профилактических мероприятий и сроки реализации определяются спецификой профессионального развития конкретного педагогического коллектива, основными трудностями и ресурсами роста.

Библиографический список.

1. Гаджиева А.Ф. Риск-маркеры формирования буллинга в подростковой среде // Студенческая весна – 2020. XVI Международная научно-практическая конференция студентов и магистрантов: сборник статей, под ред. д-ра филол. наук, профессора А. Э. Еремеева: в 2 ч. Ч. 2. – Омск: Изд-во ОмГА, 2020. – С. 22–26.
2. Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. – СПб.: Речь, 2005. – 248 с.
3. Кошенова М.И. Нескромное обаяние насилия: в жанре научного эссе // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2019. – № 1. – С. 119–127. URL: pem.esrae.ru/24-252 (дата обращения: 09.10.2020).
4. Янова Н.Г. Психолого-педагогические риски буллинга в образовательной среде // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. – 2019. – №4 (15). – С. 189–197.

ВЛИЯНИЕ МАТЕРИНСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У РЕБЕНКА

Жарикова Анастасия Дмитриевна.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО Новосибирский Государственный педагогический университет, магистрант 3 курса, направление «Психолого-педагогическое образование», программа «Девиантология», факультет психологии, bossnot@bk.ru.

Аннотация. В работе рассматривается феномен материнской депривации. Дается определение термину девиантное поведение. Исследуются причины проявления материнской депривации на формирование девиантных форм поведения у ребенка. Рассматриваются особенности формирования личности у детей, лишенных материнской любви и особенности взаимодействия с такими детьми.

Ключевые слова: Материнская депривация, девиантное материнство, привязанность, ребенок, девиантное поведение, деструктивное поведение, социальная дезадаптация, личность, социально-психологические причины, эмоциональная отчужденность.

INFLUENCE OF MATERNAL DEPRIVATION ON THE FORMATION OF DEVIANT BEHAVIOR IN A CHILD

Zharikova Anastasia Dmitrievna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State pedagogical University, 3rd year master's student, direction «Psychological and pedagogical education», program «Deviantology», faculty of psychology, bossnot@bk.ru.

Abstract. The paper deals with the phenomenon of maternal deprivation. The term deviant behavior is defined. The article examines the causes of maternal deprivation on the formation of deviant behaviors in a child. The features of personality formation in children deprived of mother's love and the features of interaction with such children are considered.

Keywords: Maternal deprivation, deviant motherhood, attachment, child, deviant behavior, destructive behavior, social maladaptation, personality, socio-psychological causes, emotional alienation.

Материнство представляет собой сложный, многогранный процесс, имеющий свои особые физиологические механизмы, эволюционную историю, культурные и индивидуальные особенности. Изначально материнское поведение направлено на сохранение и оптимальное развитие физического и психического здоровья ребенка. Девиантное материнское поведение – поведение, не способствующее сохранению здоровья ребенка, затрудняющее,

препятствующее, усложняющее нормативный процесс развития. Девиантное материнское поведение можно рассматривать как отказ от ребенка, отказ становиться матерью в принципе; жестокое отношение к ребенку; отсутствие материнской заботы; сексуальное насилие и растление ребенка; детоубийство, в том числе преднамеренный аборт, в отличие от аборта по медицинским показаниям. Также к одной из форм можно отнести материнскую депривацию, то есть процесс полного эмоционального и психологического обделения ребенка матерью, а также отрыв ребенка от матери с раннего возраста. У ребенка, имеющего опыт социализации девиантной матерью, как правило, выявляется такой феномен, как полное или частичное отсутствие привязанности к родителям, подрыв доверия к взрослым в целом. Следовательно, у него формируется и отсутствие доверия к миру, которое наносит необратимые последствия для формирования здоровой личности и психики ребенка.

У детей, оказавшихся с рождения в условиях материнской депривации, формируется агрессия по отношению к людям, вещам; чувство собственной неполноценности; постоянные неадекватные фантазии; упрямство; неоправданные страхи; сверхчувствительность; частые эмоциональные расстройства; нестабильная самооценка; понижение любознательности, отставание в развитии речи, отсутствие самостоятельности; умственное отставание; неумение вступать в значимые отношения с другими людьми; низкий уровень эмоционального интеллекта. Депривация проявляется в социальной и нравственной дезориентации ребенка, его «психическом отчуждении», аддиктивном поведении, невозможности осваивать социально-одобряемые роли и высокие культурные ценности. У таких детей не формируются качества, необходимые для правильного восприятия окружающей действительности; фокус зрения смещен в сторону негативных оценок реальности, пессимизма и отчаяния. Последствия девиантного материнского поведения проявляются чаще всего в кризисы трехлетнего и подросткового возраста, когда ребенок сопротивляется требованиям взрослого, считая их неприемлемыми и непереносимыми для себя. Часто наличие одного из этих признаков влечет за собой появление других. Травмирующий комплекс может сохраниться у ребенка на всю его дальнейшую жизнь. Очень часто материнская депривация начинает проявляться еще на этапах беременности. Женщины, не желающие рождения здорового ребенка, часто халатно относятся к своему здоровью – не посещают женскую консультацию в положенные сроки, не проводят диагностические исследования на разных стадиях, не ограничивают себя в употреблении алкогольных, наркотических или иных токсичных веществ, подвергают тело большим физическим нагрузкам, не соблюдают режим дня и питания. Во время беременности у таких женщин часто отмечаются обострения психосоматических заболеваний, различные невротические реакции, депрессивные состояния. Помимо физического, так же присутствует и психологическое отвержение ребенка, такие будущие матери не разговаривают с малышом, не гладят живот, могут даже употреблять

нецензурные высказывания в отношении малыша, следовательно, уже на перинатальном этапе закладывается материнское девиантное поведение, которое влечет за собой деструктивное восприятие ребенка о мире, что мир жесток и опасен. Чаще всего у таких детей формируется устойчивое девиантное поведение, или социальная девиация) — это поведение, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся социальных и иных норм в определенных сообществах в конкретный период их развития. Причинами материнской депривации на этапе беременности чаще всего выступает внутриличный конфликт женщины, связанный с неблагоприятной ситуацией материнства. Это могут быть возрастные показатели (женщина является несовершеннолетней и не готова к материнству или наоборот возрастная беременная, у которой уже есть взрослые дети, внуки и тема материнства уже неактуальна), социальные показатели (низкий уровень дохода, отсутствие жилплощади, отсутствие партнера, отсутствие поддержки родственников), психологические (беременность наступила вследствие изнасилования), психические (женщина имеет психические отклонения и неадекватно воспринимает действительность), наличие аддиктивного поведения.

Девиантное поведение можно охарактеризовать как стойко повторяющееся, сопровождается явлениями социальной дезадаптации, имеет выраженное индивидуальное и возрастно-половое своеобразие. О девиации в отношении ребенка мы можем говорить при достижении им возраста более пяти лет. В данной ситуации ребенку необходимо помочь, а не осуждать или наказывать его. Такой ребенок нуждается в повышенной заботе и внимании, чем обычные дети. Не стоит отказываться от него и пускать всё на самотёк.

Для здорового развития формирования личности и психики ребенка, а также для его успешной социализации необходимо понимать причины, побуждающие его к отклоняющемуся поведению и уметь правильно на него реагировать. Доверие к миру у детей, переживших материнскую депривацию, может возникнуть только через эмоциональную теплоту в общении, материнскую заботу, а также через постоянство и повторяемость эмоционального контакта с ребенком.

Материнская депривация при отсутствии формального отказа и формальном сохранении семьи – распространенное, но до настоящего времени всё ещё малоизученное социально-психологическое явление, тем самым ставшее чрезвычайно актуальным в наши дни. Практика работы с такими женщинами свидетельствует о чрезвычайной сложности взаимодействия социальных и психологических факторов, нарушающих форму социального поведения женщин – материнство. Для профилактики девиантного материнства необходимо проводить работу по развитию навыков адекватного родительства с женщинами еще на этапе беременности.

ПЕРЕЖИВАНИЕ КРИЗИСА СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ ЛИЧНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Золотухина Елена Викторовна.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», магистрант факультета психологии, кафедры социальной психологии и виктимологии, e.zolotuhina@mail.ru.

Аннотация. Данная статья рассматривает обоснованность исследования кризиса совершеннолетия личности в современных российских условиях. Выделяется объект, предмет исследования. Ставятся цели и задачи исследования. Описывается методологическое основание исследования.

Ключевые слова: кризиса совершеннолетия, подростки, возрастные этапы, возрастные новообразования

EXPERIENCING A CRISIS OF PERSONAL PERFECTION IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY SOCIAL REALITY

Elena Zolotukhina.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, undergraduate student of the Faculty of Psychology, Department of Social Psychology and Victimology, e.zolotuhina@mail.ru.

Abstract. This article considers the validity of the study of the crisis of personality's majority in modern Russian conditions. The object, subject of the research is singled out. Research goals and objectives are set. The methodological basis of the research is described.

Keywords: adult crises, teenagers, age stages, age-related neoplasms

Актуальность исследования кризиса совершеннолетия личности в современных российских реалиях определена тем, что современное состояние общества характеризуется интенсивной динамикой изменений, в том числе и в онтогенетическом развитии человека: пролонгируется период детства и юности, увеличивается период обучения как общего, так и профессионального. Удлинение переходного периода к взрослости связано с обучением в вузе, службой в вооруженных силах, затянувшимся поиском работы. Пролонгированный переход к взрослению неоднозначно сказывается на процессах развития личности в этот период. С одной стороны, общество предъявляет высокие требования к выпускникам школ и вузов: социальный заказ формулируется не только как запрос на высокий уровень когнитивной, экономической и правовой компетентности, но и компетентности коммуникативной, высокого уровня самостоятельности, гибкости мышления и

поведения, умения планировать и корректировать профессиональную карьеру в условиях неопределенности и изменчивого рынка труда. С другой стороны, то же общество не предлагает адекватного и конструктивного социального поля для самореализации; «социальные лифты» фактически отсутствуют, аномия ценностей стала характерным маркером современного общества, что в совокупности обуславливает и «секвестированный» образа будущего, без которого сложно определить направление развития, и сложности поиска самоидентичности личности. Потеря смысла жизни, страх выбора жизненной стратегии, «жизнь в потоке» - всё чаще становятся запросом при обращении за консультативной помощью к психологам.

В современном российском обществе требования к отдельным возрастным периодам изменяются и влекут за собой изменение возрастных границ и задач возраста, изменяются представления о стабильных и переходных периодах развития. Если вопросы периодизации детства, в том числе и связанные с возрастными кризисами детства, давно и успешно разрабатываются в психологии развития, то кризис совершеннолетия, связанный с формированием готовности молодых людей к выбору активной жизненной позиции в учебной и профессиональной среде, в саморазвитии и определении собственных целей, требует уточнения и дополнительной разработки. Вместе с тем, многообразие принципов и теоретических подходов к развитию после детства свидетельствует о недостаточности понимания механизмов развития и необходимости дальнейшего движения в этом направлении.

Актуальной задачей является понимание закономерностей развития кризиса совершеннолетия личности. Важно определить источники, природу и вклад индивидуальных, типологических и общевозрастных составляющих в процессы развития кризиса совершеннолетия.

Объект исследования – психологическое содержание кризиса совершеннолетия в контексте современной социальной реальности.

Предмет исследования – субъективное переживание личностью кризиса совершеннолетия.

Цель исследования – выявить специфику переживания кризиса совершеннолетия личностью в современных социальных условиях.

Задачи исследования – теоретическое обоснование концепции переживания кризиса совершеннолетия личности как нормативного явления; изучении динамики, особенностей детерминации и специфики нормативного кризиса совершеннолетия личности, возрастных изменений структуры личности.

В связи с этим будет предпринято философское и общепсихологическое обоснование сущности кризиса совершеннолетия как нормативного явления; проведен анализ психологического содержания, условий возникновения и динамики кризиса совершеннолетия; анализ психологических новообразований возрастов и новообразований нормативных кризисов развития в период юности. Будет проведено изучение культурально - возрастных ожиданий и особенностей интериоризации образа возраста, особенностей системы

ценностей, временной транспективы и представлений о будущем как идеальной формы развития в разных фазах кризиса совершеннолетия и субъективного восприятия качества и ценности жизни в настоящем.

Методологическим основанием настоящего исследования являются культурно-историческая теория Л.С. Выготского; концепция ведущей деятельности как источника развития Д. Б. Эльконина; концепция «ситуативной недостаточности», предложенная В. Н. Мясищевым; концепция критических возрастов К.Н. Поливановой; теория эго-идентичности Э. Эриксона и Дж. Марсиа.

В данной работе теоретически и экспериментально будут проверяться следующие положения:

Смена возрастных этапов ранней и поздней юности обусловлена культурно-историческим содержанием возрастных задач и соответствующими им структурно-личностными изменениями. Возрастные кризисы юности являются закономерным и нормативным явлением онтогенеза и возникают вследствие изменения объективной составляющей социальной ситуации развития и субъективным открытием идеальной формы следующего возрастного этапа. Возрастные новообразования в период ранней юности опосредованы задачами следующей возрастной стадии, латентно формируются в предшествующей стадии, проявляются и интериоризируются в периоды нормативных кризисов. Интериоризация новообразований ранней юности в кризисе совершеннолетия определяет психологическую готовность к переходу на следующий возрастной этап и является новообразованием нормативного кризиса.

Библиографический список.

1. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Собр. соч. т.1. – М.: Педагогика. 1982, – 436 с.
2. Выготский Л.С. Проблемы возраста. Собр. соч. т.4., – М.: Педагогика. 1984. – 436 с.
3. Молчанов С.В. Психология подросткового и юношеского возраста – М.: Юрайт. 2019. – 351 с.
4. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. – М.: Академия. 2000. – 184 с.
5. Поливанова К.Н. Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2016. – № 5(2). – С. 5–10: [сайт] URL: <http://psyjournals.ru> (дата обращения: 16.11.2020).
6. Современная социальная реальность: вызовы, риски, перспективы: монография/ под науч.ред. О. А. Белобрыкиной. – Новосибирск: НГПУ, 2019. – 130 с.
7. Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. – Новосибирск: НГПУ, 2017. – 113 с.
8. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды: Проблемы возрастной и педагогической психологии. – М.: Междунар. пед. академия, 1995. – 224 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛЖИВОСТИ И КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ

Иванова Елена Вячеславовна.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», студент 4 курса, lenusy1999@mail.ru.

Филь Татьяна Александровна.

Россия, г. Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления», канд. психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии, педагогики и правоведения, fil@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проблема лжи, которая волнует человечество уже не одно тысячелетие. Считается, что наивысшего пика ложь как общественное явление и особенность межличностного взаимодействия достигла в XX веке, причем в мировом масштабе. По мнению авторов, это связано с существенно увеличившимися возможностями коммуникаций. Ложь и лживость рассматриваются авторами в контексте коммуникативных качеств личности.

Ключевые слова: ложь, лживость, коммуникативные качества личности.

THE RELATIONSHIP BETWEEN DECEIT AND THE COMMUNICATIVE QUALITIES OF THE INDIVIDUAL

Ivanova Elena Vyacheslavovna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management, 4th year student, lenusy1999@mail.ru.

Fil Tatyana Aleksandrovna

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management, candidate of psychological sciences, associate professor, head of the department of psychology, pedagogy and law, t.a.fil@nsuem.ru.

Annotation. The article deals with the problem of lies, which has been worrying humanity for more than one millennium. It is believed that the highest peak of lies as a social phenomenon and a feature of interpersonal interaction reached in the twentieth century, and on a global scale. According to the authors, this is due to significantly increased communication capabilities. Lies and deceitfulness are considered by the authors in the context of the communicative qualities of the individual.

Keywords: lie, deceit, communicative qualities of a person.

Одним из важнейших факторов эффективности человеческой деятельности, успешной социализации и реализации жизненных целей,

является общение. Умение человека устанавливать и вступать в межличностные отношения, обеспечивает создание благоприятной ситуации развития ребенка, его успешную социализацию, удовлетворяет потребность в общении, а неумение вступить в контакт с другими людьми и поддерживать этот контакт, приводит к серьезным трудностям в межличностных отношениях.

Целью исследования было рассмотрение некоторых компонентов коммуникативных особенностей личности в их взаимосвязи со склонностью к лжи.

Коммуникативные способности представляют собой комплекс индивидуально-психологических свойств и умений, которые формируются в процессе общения, и в последующем воздействуют на характер и продуктивность осуществления самого общения.

Отечественная психология содержит большое количество подходов к рассмотрению феномена коммуникативных способностей. Коммуникативные способности — это особые качества личности, которые, с одной стороны, относятся к чертам характера человека, с другой стороны, входят в состав его способностей, а с третьей являются составляющей межличностного общения. Большинство авторов рассматривают коммуникативные способности в качестве модификации основных черт и свойств человеческого характера [1, 7].

В современной научной литературе ведутся острые дискуссии о феномене лжи, ее возникновении, сущности, генезисе, формах проявления, функционировании, но, вместе с тем, научный статус этой категории вплоть до настоящего времени содержательно не определен. Заметим, что феноменология лжи носит междисциплинарный характер, выступая предметом изучения в ряде социально ориентированных отраслей науки – философии, юриспруденции, педагогике, психолингвистике, медицине, психологии и других. В русле психологического подхода понятие «ложь» рассматривается как осознанное и намеренное сообщение информации, не соответствующей действительности, допускаемое по отношению к сведениям, быстрая проверка достоверности которых либо невозможна, либо затруднительна [2, 3, 4, 5]. Возникновение лжи обусловлено потребностью достижения человеком «желаемой цели или стремления избежать нежелательных последствий. В тех случаях, когда лживость становится привычной формой поведения, она закрепляется и превращается в качество личности» [2, с. 190].

Наиболее пристальное внимание к изучению категории лжи и лживости как черты личности было обращено П. Экманом. Его работы, посвященные психологическому анализу феномена лжи, получили признание в качестве фундаментального исследования. Ложь он трактует «как обман, как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [6, с. 233]. Автор детально анализирует различные составляющие и формы лжи: умолчание, искажение, сообщение правды в виде обмана; полуправда; недосказанность. Особое внимание П. Экман уделяет причинам возникновения лживости в детском

возрасте, полагая, что до пяти лет дети не лгут, так как не обладают развитой способностью к различению реальности и вымысла [5]. В дошкольном возрасте на фоне развития у ребенка продуктивного воображения актуализируется способность к фантазированию – он играет, сочиняет, придумывает, а главное, искренне верит, что все, придуманное им, происходит в действительности.

Напротив, неблагоприятной симптоматикой, по мнению некоторых исследователей, выступает полное отсутствие детской лжи в период дошкольного детства, а также ее первичные проявления в более поздние периоды детства. Вместе с тем, чрезмерно выраженная у дошкольника способность к фантазированию при определенных социальных условиях и характере межличностных отношений окружающих с ребенком может перерасти в лживость. Известно, что дошкольный возраст является наиболее сензитивным для становления эмоциональной сферы, и эмоции в этот период, как показано Л.С. Выготским, А.В. Запорожцем, Е.Е. Кравцовой, выступают ведущей психической функцией, детерминирующей личностное развитие ребенка.

Так, по данным исследования О.А.Белобрыкиной, табуирование родителями активного выражения ребенком значимых эмоций ведет не только к симплификации эмоционального развития, но и оказывает негативное влияние на формирующуюся систему ценностно-нравственных основ личности. Именно со спецификой эмоционального реагирования ребенка П.Экман связывает формирование лживости как черты личности [6, с.105]. Л.И. Савва и А.Л. Солдатченко в своих исследованиях включили в структуру коммуникативности подростка личностный компонент, который включает информационные потребности и ценностные ориентации, а также деятельностьную составляющую и управленческий компонент [цит. по: 3].

Детерминантами лживости в детском возрасте выступают постоянные запреты и предъявление ребенку заведомо неосуществимых требований, невыполнение которых сопровождается у него острыми переживаниями чувства вины и стыда, страха перед неминуемым наказанием. Появление детской лжи может быть обусловлено и стремлением ребенка к самоутверждению, когда он либо испытывает восторг и чувство всемогущества от обмана, либо лживость используется им как средство привлечения к себе внимания окружающих, на которое взрослые выдают востребованную ребенком ответную реакцию [3, с.89].

Основой возникновения лживости, по мнению Э. Шостром, В.П. Шейнова, может послужить и раннее детское манипулирование, точнее, его несвоевременное распознавание взрослыми и неосознанное или сознательное поощрение и культивирование. Очевидно, что незнание или игнорирование родителями возрастных особенностей ребенка, подозрительность в отношении с ним или отвержение его личности, закономерно актуализируют у него защитные стратегии, где ложь может стать доминирующим мотивационным механизмом общения и взаимодействия с окружающими [цит. по: 3].

Сформировавшись на ранних этапах онтогенеза, лживость в последующих возрастных периодах жизнедеятельности человека может приобретать не только социально допустимые формы, такие, как «благородная» ложь, ложь во спасение, ложь как форма заблуждения, шутливая ложь, невольная ложь, но и патологические формы, часто выступающие в качестве атрибута тяжелых психических и социальных заболеваний [4].

Сегодняшнее массовое распространение фейков в условиях, когда были устранены внешние препятствия для проверки достоверности, существующие в реальной журналистике до интернет-периода, нам говорят, что перед нами вполне естественное состояние человеческого разума. Когда с экрана телевизора демонстрируют одно, а в жизни делают что-то другое, это тот же яркий пример сопровождающей нас лжи. На самом деле, мир может строиться на ошибках и нарушениях правил, которые необходимы только как идеал. Математик Вейнштейн, возглавляющий инвестиционный фонд Питер Тил, говорит: «эволюционные биологи Ричард Александр и Роберт Триверс недавно подчеркнули, что обман, а не информация, часто играет важную роль в системах естественного отбора. В частности, будущие системы естественного отбора человечества, скорее всего, должны быть связаны с экономической теорией, если мы более серьезно относимся к выбору, мы можем честно спросить, какая строгая система может связать измененную реальность слоев лжи, где абсолютно ничего не может быть принято в том виде, в котором она появляется» [9].

Ричарду Александру приписывают и следующую мысль: «социальная жизнь человека настолько существенно наполнена обманом, что единственная причина, по которой мы иногда, предположительно, делаем истину, может заключаться в том, чтобы облегчить распространение корыстной неправды в аудитории» [8, с. 23].

В процессе проведения эмпирического исследования и статистического анализа эмпирических данных нами было выявлено, что ложь тесно связана почти со всеми коммуникативными особенностями личности: ценностными ориентациями, эмпатическими способностями, особенностями психологической защиты. Лживость - это своего рода адаптивный механизм, позволяющий человеку сохранить свой статус и самооценку [10], и мы согласны с данной трактовкой.

Таким образом, проблема лжи и лживости в контексте коммуникативных качеств личности нуждается в углубленном изучении.

Библиографический список.

1. Большунова Н.Я. Характер и его развитие в современных социокультурных условиях: учебное пособие: в 2 ч. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012. – ч. 1. – 261 с.
2. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2007. – 794 с.
3. Тарасов А.Н. Психология лжи. – М.: Книжный мир, 2005. – 327 с.

4. Чухрова М.Г., Белобрыкина О.А., Колыхневич В.В. Лживость как компонент симптомокомплекса коммуникативных особенностей личности // Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск). – 2012. – No 3 (34). –С. 186–189.
5. Экман П. Почему дети лгут? – М.: Педагогика-Пресс, 1993. –272 с.
6. Экман П. Психология лжи. – СПб.: Питер, 2011. – 304 с.
7. Яськова И.А., Вотчин И.С. Оптимизация коммуникативного процесса, как формы общения: научно-экспериментальное исследование. – Горно-Алтайск: Изд. Г-АГУ, РИО «Универ-Принт», – 2001. – 139 с.
8. Barash D.P. All the Better to Fool You With, My Dear // Evolutionary Psychology. — 2011. –Vol. 9. — N 4.
9. What scientific concept would improve everybody's cognitive toolkit? [Электронный ресурс] URL: <https://www.edge.org/response-detail/11783> (дата обращения 15.01.2021)
10. Лживость как компонент симптомокомплекса коммуникативных особенностей личности [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lzhivost-kak-komponent-simptomokompleksa-kommunikativnyh-osobennostey-lichnosti> (дата обращения 15.01.2021)

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

Корчуганова Виктория Юрьевна.

Россия, Новосибирск, НГПУ, магистрант программы "Девиантология"; муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение г. Новосибирска "Средняя общеобразовательная школа №165 им. В. А. Бердышева, педагог-психолог, vikakorchuganova97@gmail.com.

Аннотация. В статье анализируется проблема влияния неблагополучной семьи на становления личной идентичности подростка. Внимание уделяется характеристике неблагополучной семьи, подросткового возраста и понятию личностной идентичности. Выводы об особенностях становления личной идентичности подростков из неблагополучной семьи сделаны на основе анализа научной литературы.

Ключевые слова: неблагополучная семья, подростковый возраст, личная идентичность

FEATURES OF THE FORMATION OF PERSONAL IDENTITY IN ADOLESCENTS FROM DYSFUNCTIONAL FAMILIES

Korchuganova Victoria Yurievna.

Russia, Novosibirsk, NSPU, Master's student of the program "Deviantology"; municipal budgetary educational institution of Novosibirsk " Secondary school No. 165 named after V. A. Berdyshev, teacher-psychologist, vikakorchuganova97@gmail.com.

Annotation. The article analyzes the problem of the influence of a dysfunctional family on the formation of a teenager's personal identity. Attention is paid to the characterization of a dysfunctional family, adolescence and the concept of personal identity. Conclusions about the features of the formation of personal identity in adolescents from a dysfunctional family were made during the analysis of scientific literature, as well as relying on a thesis devoted to the personality characteristics of adolescents from prosperous and dysfunctional families.

Keywords: dysfunctional family, adolescence, personal identity

Семья является важным институтом социализации ребенка на всех этапах развития, именно она формирует сознание, нормы поведения, оказывает влияние на формирование личностных особенностей ребенка на протяжении всех этапов взросления.

Подростковый возраст является весьма кризисным по своему содержанию возрастным периодом, характеризуясь, с одной стороны, нестабильностью психических состояний и ролевой неопределенностью, а с другой - возрастающими социальными требованиями подростку, к его ролям, которые он им еще не освоены.

Дети из неблагополучных семей переживают подростковый кризис более остро, потому что у них данный процесс усугубляется индивидуальными особенностями, которые формируются под влиянием семьи, социального окружения, школьной ситуации и пр.

Неблагополучие семьи определяется низким социальным статусом, невозможностью справиться с возложенными на нее функциями, низкой адаптивностью, затрудненностью и малой результативностью процессов семейного воспитания [1].

С позиции Т.И. Шульги, «главной характеристикой неблагополучной семьи является отсутствие любви к ребенку, заботы о нем, удовлетворения его нужд, защиты его прав и законных интересов» [5, с.13].

Л.В.Вершинина и И.Е.Максимова выделяет следующие критерии семейного неблагополучия:

- структурные дефекты семьи,
- дефекты материально-бытового характера,
- дефекты нравственных качеств личностей родителей,
- дефекты психологических отношений в подсистеме родители – ребенок, дефекты эстетических отношений [5].

Согласно концепции Э. Эриксона, идентичность означает осознание человеком тождественности самому себе, непрерывности во времени собственной личности и связанное с этим ощущение, что другие также признают это, в противном случае, происходит диффузия идентичности, регресс, инфантилизм, формируется устойчивое чувство тревоги и одиночества. Появляется страх общения, особенно с противоположным полом [3].

Если идентичность - состояние, то процесс его формирования - идентификация. Идентификация всегда связана с другими людьми, которые в течение короткого или длительного периода могут служить «образцами» для растущего человека [3]. Поиск личностной идентичности предполагает экспериментирование с доступными социальными ролями, социальными функциями, способами общения, профессиональными ориентациями.

Деструктивность семьи в значительной степени затрудняет процесс идентификации подростка. Так, например, не наблюдая в семье позитивные ролевые модели, ребенок начинает воспринимать и усваивать как нормативные те негативные (асоциальные) модели, которые демонстрируются родителями и другими членами семьи. Это впоследствии может повлиять на вхождение подростка в асоциальные группы и субкультуры. Такие подростки чаще всего ограничены в выборе социальных ролей, в силу агрессии, тревожности, застенчивости, они не популярны в классе, поэтому находятся в поиске групп, где их примут.

Анализ данных исследования И.Н. Рассказовой позволяет выделить в качестве основных проблем подростка из социально-неблагополучных семей:

- в эмоциональной сфере - негативные эмоциональные переживания, уязвимость, ранимость;
- в сфере межличностных отношений и коммуникации - зависимость от других людей [4].

Подростки испытывают серьезные трудности, из-за которых не могут устанавливать по-настоящему близкие, интимные отношения. В результате, не зная способов решения проблемы, они переживают чувство неполноценности, неудовлетворенности на протяжении всей жизни, что негативно отражается на их личной идентичности.

Как указывает Ю.В. Тищенко, подросткам, воспитывающимся в условиях семейного неблагополучия, свойственны негативное представление о себе, низкая самооценка, социальная дезадаптированность, отрицание собственных потребностей, неадекватное восприятие собственной компетентности. Согласно результатам исследования, проведенного Ю.В. Тищенко, ведущими предиктами семейного воспитания, определяющими проблемы в становлении личностной идентичности, являются: желание родителей взять на себя решение всех вопросов в жизни подростка; жесткость требований, директивность; неспособность к осознанию отдельности своего внутреннего мира и внутреннего мира подростка и др. [4].

Другая сложность касается вопросов морального становления подростков из неблагополучных семей. Ребенку сложно выбрать правильную с точки зрения морали стратегию поведения по причине противоречивости требований семьи и социума, в лице социальных групп и институтов, в которые он вовлечен. Так, например, установки неблагополучной семьи могут оказаться прямо противоположными требованиям школы, указывающим на невозможность применения физической силы по отношению к другим людям для разрешения споров и трудных ситуаций. Подобное отсутствие единства требований, установок и ценностей семьи и школы препятствует гармоничному формированию иерархии ценностей, процессу личной идентификации.

Одним из аспектов проблемы формирования личной идентичности подростка в контексте семейного неблагополучия является отсутствие одного из родителей в воспитательной системе семьи.

Так, согласно исследованиям М.Ю. Кузьмина и И.А. Конопак, лица, воспитывающиеся в неполных семьях, обнаруживают стабильно более низкую самооценку, чем испытуемые из полных семей. У них более выражена негативная идентичность, поиск своего места в мире [3]. Например, ситуация когда мама одна воспитывает ребенка, в становлении личной идентичности подростка данная ситуация создает трудность в формировании образа мужчины в силу отсутствия реального образца для подражания и установления собственной тождественности в ролевом взаимодействии с отцом.

Таким образом, становление личной идентичности подростков из неблагополучных семей характеризуется сложностью и проблематичностью,

что опосредуется как спецификой семейного неблагополучия, так и всем спектром личностных особенностей подростков, формируемых в условиях нарушенных детско-родительских отношений.

Библиографический список.

1. Галагузова М.А. Социальная педагогика. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2009. – 166 с.
2. Кузьмин М.Ю., Конопак И.А. Влияние структуры семьи на идентичность школьника // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2014. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-struktury-semi-na-identichnost-shkolnika> (дата обращения: 15.10.2020).
3. Симонова О.А. Теория идентичности Э.Г. Эриксона: социологические аспекты. – Брянск: Изд-во «Курсив», 2011. – 196 с.
4. Тищенко Ю.В. Влияние детско-родительских отношений на становление личной идентичности ребенка // Вестник БГУ. – 2010. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-detsko-roditelskih-otnosheniy-na- stanovlenie-lichnoy-identichnosti-rebenka> (дата обращения: 13.10.2020).
5. Шульга Т.И. Работа с неблагополучной семьей. – М.: Дрофа, 2005. – 254 с.

АТРИБУТИВНЫЙ СТИЛЬ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Кушнарук Вероника Александровна.

Россия, Иркутск, МБОУ СОШ №28, педагог-психолог,
kushnarukveronika@gmail.com.

Аннотация. Проблема девиантного поведения подростков с каждым годом приобретает все большую степень выраженности. Под влиянием социально-экономических, психологических факторов в формирующейся личности происходят изменения, определяющие поведение. Большую роль в объяснении причин своих поступков и происходящих событий играет каузальная атрибуция. У подростков с девиантным поведением атрибутивный стиль нуждается в коррекции.

Ключевые слова: подросток, девиантное поведение, атрибутивный стиль.

ATTRIBUTIVE STYLE FOR TEENAGERS WITH DEVIANT BEHAVIOR

Kushnaruk Veronika Alexandrovna.

Russia, Irkutsk, School No. 28, educational psychologist,
kushnarukveronika@gmail.com.

Annotation. The problem of deviant behavior in adolescents is becoming more and more pronounced every year. Under the influence of socio-economic, psychological factors in the developing personality, changes occur that determine behavior. Causal attribution plays an important role in explaining the reasons for one's actions and occurring events. In adolescents with deviant behavior, the attributive style needs correction.

Key words: teenager, deviant behavior, attributive style.

Одной из актуальных проблем образовательных учреждений на современном этапе, является увеличение числа учащихся подросткового возраста с проявлениями девиантного поведения. На формирование девиантного поведения оказывает влияние комплекс факторов, среди которых можно выделить внешние факторы, такие как социальное окружение, социально-экономическая ситуация и внутренние факторы, к числу которых относятся личностные особенности учащихся.

Анализируя психолого-педагогические исследования по проблеме девиантного поведения, мы отметили, что недостаточно изученным является вопрос об атрибутивном стиле подростков с девиантным поведением. Совершая различные правонарушения, подростки с девиантным поведением

часто объясняют свои поступки, оправдывая их влиянием каких-либо ситуаций, обстоятельств, людей.

Одной из черт подростков с девиантным поведением является то, что они практически не берут на себя ответственность за совершаемые действия и за свою жизнь. Проблема атрибутивного стиля в научной литературе на протяжении длительного времени привлекает внимание исследователей, что обусловлено особой ролью в детерминации поведения человека когнитивных факторов, а именно того, как человек интерпретирует возникающие ситуации.

В работах М.М. Далгатова, М. Селигмана, приводятся убедительные данные о том, что возникновение реакций человека обусловлено оценкой причин возникновения плохих или хороших событий [1; 2].

По мнению М.М. Далгатова, объясняя возможные причины, человек, таким образом, чувствует контроль над ситуацией. При определении причины того или иного события, как правило, люди обращаются к двум группам факторов: личностных и ситуативных. Личностными факторами являются намерения человека, его усилия, его знания и способности, ситуативными факторами выступают трудности, задачи, случай [1, с.26].

Б. Вайнер считает, что процесс атрибутирования включает в себя три основных типа атрибуции: локус контроля, стабильность и контролируемость. Это означает, что человек, объясняя причины появления тех или иных событий, определяет, прежде всего, являются они внутренними или внешними, стабильными или нестабильными, контролируемыми или неконтролируемыми [3, с.128].

Б. Вайнер объясняет склонность к негативным переживаниям, ощущению чувство беспомощности и безнадежности с ситуациями, когда у человека на протяжении продолжительного времени стабильно возникают неудачи в какой-либо деятельности, что приводит к формированию синдрома выученной беспомощности [3, с.132].

Подростки с девиантным поведением воспитываются в условиях, когда они не могут получить адекватной эмоциональной поддержки, у них часто не сформированы необходимые социальные умения и навыки, в связи с чем, сталкиваясь с ситуациями невозможности разрешить какое-то затруднение, с появлением таких чувств как вина и стыд, подростки привыкают объяснять причины различных событий внешними факторами, тем самым защищая свое «эго» от эмоциональной травмы.

Стили атрибуции условно разделяют на оптимистический и пессимистический или депрессивный. Для пессимистического стиля характерно объяснение неудач внешними стабильными и, как правило, глобальными причинами. При оптимистическом стиле неудачи приписываются обстоятельствам, но при этом они рассматриваются как нестабильные, неглобальные и которые могут быть преодолены.

Сформированная у подростков с девиантным поведением атрибутивная схема, в результате которой они не могут взять ответственность на себя в какой-либо ситуации, приводит к тому, что подростки занимаются

самооправданием и сформированная у них система оценки правильности поведения в той или иной ситуации искажается.

У подростков с девиантным поведением, как правило, выраженный характер носит пессимистический стиль атрибуции. Многие из них, как показывают данные нашего исследования, характеризуются довольно высокими показателями по шкале социального пессимизма: часто они, не имея необходимых навыков и умений, не в состоянии справиться с какими-либо ситуациями, склонны обвинять других в возникновении тех или иных проблем и, соответственно, находить неконструктивное их решение.

Атрибутивный стиль, проявляющийся у подростков с девиантным поведением, ведет к тому, что подростки с легкостью оправдывают свое поведение и не принимают критики в свой адрес, в связи с чем, важнейшим направлением работы с подростками, характеризующимися нарушениями атрибутивного стиля, является так называемая атрибутивная терапия, в рамках которой происходит изменение структуры представлений о причинах возникновения проблемных ситуаций.

В процессе такой терапии осуществляется замена ложного атрибутирования на более адекватное через нахождение рациональных стратегий поведения в различных ситуациях. С подростками, имеющими девиантное поведение, лучшими стратегиями психологического консультирования, направленного на изменение атрибутивного стиля, являются стратегии когнитивно-бихевиоральной терапии.

Библиографический список.

1. Далгатова М.М. Каузальная атрибуция и деятельность: феноменология, исследования, изменение. Монография. – М.: УМК «Психология», 2006. – 334 с.
2. Селигман М.П. Новая позитивная психология. – М., 2006. – 368 с.
3. Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 343 с.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Ларкина Лилия Владимировна.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», студентка 3 курса, магистерская программа «Девиантология», larkina-liliy@mail.ru.

Аннотация: в рамках данной статьи автором раскрываются основные особенности коммуникативного поведения подростков в социальных сетях.

Ключевые слова: интернет-коммуникации, социальные сети, межличностные коммуникации, гендерные особенности, виртуальное пространство.

FEATURES OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR IN ADOLESCENTS IN SOCIAL NETWORKS

Larkina Liliya Vladimirovna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk state pedagogical University, 3rd year student, master's program "Deviantology", larkina-liliy@mail.ru.

Abstract. In this article, the author reveals the main features of communicative behavior in adolescents in social networks.

Keywords: Internet communications, social networks, interpersonal communications, gender characteristics, virtual space.

Как известно к настоящему моменту времени, процесс общения подростков в рамках виртуального пространства разворачивается, как на социально-психологическом, так и на личностном уровнях. На социально-психологическом уровне происходит процесс формирования коммуникативных установок, а также соответствующей модели поведения, которая основывается на конкретных уровнях коммуникативной толерантности и эмпатии [2]. Для личностного уровня характерным можно назвать выбор подростком психологического пола.

По мере того, как происходит совершенствование информационно-коммуникационных технологий повышается комфортность виртуальной среды. В свою очередь в силу анонимности, доступности и многообразности виртуальной среды для молодого поколения межличностное общение переходит из реального пространства в виртуальное. Тем не менее, от «молодых» коммуникаторов социальные сети требуют определенных умений. В данном случае речь идет об умении презентовать себя в виртуальном

пространстве, вести диалоги или полилоги, а также выражать свои мысли, предавая им возможную эмоциональную окраску.

Далее следует обозначить следующие наиболее значимые понятия, которые связаны с процессом общения и употребляются в психологической литературе. Среди них выделяют: коммуникативный процесс как непрерывное взаимодействие участников коммуникации; коммуникация как обмен информацией между отдельными индивидами через общую систему знаков (символов). В рамках проведения описания, либо анализа коммуникативного процесса выделяют коммуникативные акты или дискретные единицы коммуникации.

В наши дни, многие современные ученые рассматривают интернет-коммуникации молодого поколения в нескольких различных направлениях.

В первую очередь речь идет об одном из способов, позволяющих получить новый социальный опыт [1, с. 10]. Отметим, что в процессе непосредственного общения особую важность получать не только мотивы, по которым молодой человек вступает в коммуникативный процесс, но и сам эффект общения. В том случае если базовые социальные потребности подростка удовлетворены, то молодой человек в конечном итоге получает положительный эффект от общения [4, с. 84]. По мнению многих исследователей, именно за счет виртуального общения, подростки стремятся компенсировать недостаточного реального общения. Благодаря возможностям виртуального общения, подростки приобретают так называемую возможность реализации эксперимента с собой, а также собственной идентичностью. В то же время происходит формирование оптимальных условий, которые необходимы для многократной репликации образа в виртуальной личности. Желание испытать абсолютно новый опыт играет роль самостоятельной ценности [3, с. 64].

Во-вторых, коммуникации в рамках виртуальной среды, рассматриваются современными исследователями в том числе и в зависимости от психологических характеристик самих подростков (коммуникантов). Для интернет-коммуникантов, как правило характерным следует назвать высокий или низкий самоконтроль в общении в рамках виртуального пространства. В реальном пространстве самоконтроль данных подростков располагается в диапазоне нормального уровня самомониторинга.

В то же время, изучение содержательной стороны коммуникации и восприятия информации в целом, могут быть выделены в качестве третьего направления исследований коммуникативного процесса. В иных проводимых изысканиях проводится анализ гендерных различий в содержании коммуникативного акта.

В-четвертых, коммуникация в виртуальном пространстве рассматривается через новое формирование себя в его рамках, или как самоидентификация через уже наработанные в реальном мире символы (возраст, пол) [1, с. 13].

В результате чего, к основным характеристикам эффективного общения современные ученые относят: наличие потребности в общении у коммуникантов; присутствие коммуникантов в едином дискурсе; совпадение мотивов общения коммуникантов.

И так, участие в диагностировании коммуникативных особенностей приняли в рамках проводимого исследования приняли 110 подростков в возрасте 13-14 лет, среди которых 57 мальчиков и 53 девочки.

Следующие представленные методики были выбраны для проведения эмпирического исследования. Речь идет о методике диагностирования доминирующей стратегии психологической защиты в общении, а также методике диагностики типа коммуникативной установки. Автором данных методик является профессор Бойко Виктор Васильевич.

Первый из проводимых этапов был направлен на исследование параметров времени, которое было проведено респондентами в виртуальной сети. После чего было выделено 5 отдельных групп. И так, молодые люди, вошедшие в 1 группу, проводят в сети до 1 часа; из 2 группы – 1-2 часа; из 3 группы – 3-4 часа; и 4 группы – 5-6 часов; для подростков из 5 группы, характерным можно назвать нахождение в сети более 6 часов в день.

Статистический анализ данных, был реализован, преследуя цели сравнения разных аспектов виртуального общения, а также определения основной специфики изменений данных аспектов в непосредственной зависимости от времени, которое было проведено молодыми людьми в виртуальной сети.

Таким образом, для реализации сравнительного анализа показателей типа коммуникативной установки подростков необходимо было выявить наличие, а также степень выраженности негативных коммуникативных установок. Данные «коммуникативные установки» отражают так называемую готовность подростков недоброжелательно относиться к большей части окружающих их людей. Формирования подобного рода установок происходит по причине ярко выраженных эмоций имеющих отрицательных спектр, а также под влиянием неблагоприятного опыта человеческого взаимодействия.

При проведении сравнительного анализа использовался Н-критерий Краскела-Уоллиса. Таким образом, в ходе анализа удалось выявить различия в имеющихся выборка по шкалам «обоснованный негативизм» (13,64801) и «брюзжание» (15,95247).

Как удалось выяснить, что подростки из 4 и 5 групп, по большей мере проявляют тенденции к высоким показателям по шкале «обоснованный негативизм». В свою очередь молодые люди из 1-3 групп, могут быть отнесены к низким показателям по шкале «обоснованный негативизм».

В то же время, в 1 группе к высокому показателю брюзжания было отнесено 7 респондентов, когда как в 5 группе склонность к указанному показателю был характерна только для 1-го испытуемого.

Метод корреляционного анализа данных, которые были получены ранее был использован с целью установления взаимосвязи между типами

коммуникативной установки общения и между временем, проводимым молодыми людьми в виртуальной сети.

Таким образом, по результатам анализа достоверной может считаться уверенная положительная связь с временем, которое было проведено подростком в интернет-пространстве. Также следует обозначить обоснованный негативизм (0,30) и слабую отрицательную связь между временными показателями и:

- брюзжанием (-0,23);
- общим уровнем негативных установок (-0,15).

Для брюзжания следует назвать характерным склонность делать необоснованное обобщение, как области взаимоотношения с партнерами, так и в наблюдении за социальной действительностью, которая основана по большей мере на негативных фактах. В качестве основных причин являющихся основополагающими возникновению брюзжания, могут быть обозначены следующие: сдержанность в проявлении эмоций; опасение неудач; пессимистичность взглядов; неудовлетворенность собственной жизнью, а также проявление зависти к другим людям.

Как видно из результатов проведенного исследования, в следствии увеличения времени, непосредственно проведенного в виртуальной сети, у молодых людей наблюдается слабая тенденция к снижению негативного параметра «брюзжание».

Это связано с открытием новых возможностей в интернет-пространстве. Подросток, вступая в виртуальный мир, может «примерять» на себя множество ролей при общении с другими людьми; может сгладить (скрыть) недостатки, которые препятствуют положительной коммуникации в реальной жизни, либо полностью оставаться инкогнито. Все это способствует уверенности подростка и повышает его позитивный настрой на межличностную коммуникацию в Сети Интернет. Следовательно, справедливо будет полагать, что в состоянии спокойствия, которое подросток приобретает, проводя значительное время в интернет-пространстве, наступает и снижение такого негативного параметра, как «брюзжание».

Понижение общего уровня негативных установок ввиду повышения времени, посвященному интернет-сети, можно объяснить повышением эмоционального фона подростков в интернет-пространстве. Можно предположить, что подростки из данной выборки имели удачный личный опыт в коммуникации в виртуальном пространстве. Вступая в межличностную коммуникацию в Сети, эти подростки проявляют небольшую тенденцию к увеличению положительных суждений о людях, продуцированию положительной энергии.

При проведении сравнительного анализа показателей доминирующей стратегии психологической защиты были выявлены достоверные различия между частотой применения психологической стратегии агрессии (13,049) у респондентов выделенных групп. Можно сделать вывод о том, что тенденцию к высоким показателям по шкале «агрессия» в большей степени проявляют

подростки из 3, 4 и 5 групп, в то время как низкими показателями отличаются представители группы 1 и 2.

Для установления степени взаимосвязи между временем, проводимым подростками в Сети, с выделенными стратегиями психологической защиты мы применили метод корреляционного анализа данных.

В результате исследования были выявлены связи между временем, проведенным подростками в Сети, и следующими компонентами:

- слабая отрицательная связь с миролюбием (-0,15);
- слабая отрицательная связь с избеганием (-0,18);
- умеренная положительная связь с агрессией (0,30).

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты, могут быть объяснены так называемым наличием определенных преимуществ виртуальной сети, в сравнении с реальным общением. Так, обретая возможность оставаться анонимным, у подростка может повышаться чувство уверенности в себе, и, следовательно, он может позволить себе общение на менее корректном уровне, нежели в реальной жизни. Также, в связи с возможностью общаться с большим количеством людей, вне зависимости от расстояния, подросток может перенимать опыт при взаимодействии с людьми с различным мировоззрением и жизненной позицией. Все это может способствовать снижению выбора такой стратегии защиты как миролюбие в ситуациях межличностного взаимодействия.

Отметим, что связь с избеганием трактуется, с точки зрения слабой и отрицательной. Если подростки, проводящие в Сети до 3-4 часов в день, как правило, покидают зону конфликта, избегая распрей, то среди подростков, проводящих в Сети от 5 часов, такие показатели наблюдаются несколько реже. Можно предположить, что с увеличением времени в Сети, подростки менее склонны к избеганию ситуаций, связанных с тратой эмоциональных и интеллектуальных ресурсов.

В результате чего, удалось выяснить, что у подростков выделенных групп наблюдается так называемая тенденция к увеличению частоты использования такой стратегии защиты как агрессия в контексте времени, проведенного в виртуальном пространстве, в ситуациях межличностной коммуникации.

Из этого следует, что в контексте межличностной коммуникации, применение той или иной стратегии психологической защиты зависит от конкретных обстоятельств жизни, с которыми сталкивался подросток, от факторов внутрисемейного микроклимата, от взаимоотношений с родителями

Библиографический список.

1. Лучинкина А.И. Особенности информационного пространства СМИ // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2018. – № 1 (11). – С. 9–13.
2. Мухтарова В.Л. Гендерные особенности общения подростков в социальных сетях [Электронный ресурс] // Научно-практический журнал «Энигма». – Режим доступа: <https://enigma->

sci.ru/domains_data/files/ROOT_DIRECTORY/GENDERNYE%20SOBENNOSTI%20OBSHENIYa%20PODROSTKOV%20V%20SOCIALNYH%20SETYaH.pdf
(дата обращения: 28.09.2020).

3. Разуваева Т.Н., Романенко А.А., Саенко Д.М. Тревожность как фактор возникновения суицидального риска у подростков. // Коллекция гуманитарных исследований. – 2018. – № 2 (11). – С. 59–65.

4. Солдатова Г.У., Журина М.А. Актуальные онлайн-угрозы психическому здоровью детей и подростков: опасное общение и интернет-зависимость // Психическое здоровье человека XXI века. Сборник научных статей по материалам Конгресса. – 2016. – С. 84–88.

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК УГРОЗА ПОДРОСТКОВОЙ ПСИХИКЕ

Ларкина Лилия Владимировна.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», студентка 3 курс, магистерская программа «Девиантология», larkina-liliy@mail.ru.

Аннотация. В рамках данной статьи автором раскрываются теоретические аспекты кибербуллинга, как угрозы подростковой психике.

Ключевые слова: кибербуллинг, травля, насилие, подросток, жертвы.

CYBERBULLYING AS A THREAT TO THE ADOLESCENT PSYCHE

Larkina Lilia Vladimirovna.

Russia, Novosibirsk, FGBOU VO "Novosibirsk State Pedagogical University", 3rd year student, master's program "Deviantology", larkina-liliy@mail.ru.

Abstract. In this article, the author reveals the theoretical aspects of cyberbullying as a threat to the adolescent psyche.

Keywords: cyberbullying, bullying, violence, teen, victims.

В настоящее время, особую обеспокоенность на различных уровнях (международном, национальном, муниципальном и т.д.) продолжают вызывать: насилие, травля и притеснение в рамках образовательных учреждений. В отношении издевательств, которые имеют место в образовательной среде, не сложно сказать, что они «старый, как этот мир».

В данном случае речь идет о различных формах жестокого обращения, нарушения динамики, либо баланса отношений. Все вышесказанное выливается в обстоятельства, при которых более сильный (с физической и психологической точек зрения) подросток, получает так называемое удовольствие от того, что притесняет более слабого. Таким образом, в отношении более слабого подростка происходит причинение физической боли, или нанесение ему психологической травмы.

Следует отметить, что в такое понятие, как «насилие» включаются различные компоненты, такие как «агрессия», либо «агрессивные действия». Данные «компоненты» обладают важным аспектом, так как предполагают наличие определенного намерения.

К настоящему времени известно, что в понимании большей части исследователей «агрессии», предстает в качестве определенного действия, имеющего своей основной целью причинение вреда [2, с. 293]. Агрессия может быть свойственна для каждого человека. Дело в том, что она является

инстинктивной формой поведения, цель которой направлена в сторону самозащиты, либо выживания в мире.

Агрессия в различной ее степени проявляется всеми людьми подросткового возраста. Только лишь с годами человек может научиться контролировать свою агрессию, либо скрывать ее от окружающих.

В наши дни, все чаще и чаще используется такое понятие, как «кибербуллинг». Под кибербуллингом следует понимать, агрессивное, умышленное, а также продолжительное по времени действие. Данное действие может быть совершено, как одним лицом, так и группой лиц с использованием электронных форм контакта, а также повторяющееся неоднократно в отношении жертвы, которой достаточно трудно защитить себя.

В рамках представленного определения, имеют место общие для любого насильственного действия признаки. Здесь следует говорить о многократности насильственных действий, а также намеренности нанесения вреда.

В действительности, пришедшее в нашу речь новое понятие «кибербуллинг», обладает многими сходными чертами с буллингом, который имеет место долгие годы. Например, насилие в том и другом случае отвечает базовому определению понятия «буллинг». Таким образом имеет место неоднократное проявление жестокости с целью нанесения вреда в отношении жертвы, при естественном соблюдении определенного неравенства сил, между жертвой и обидчиком [4, с. 399]. Помимо всего прочего, кибербуллинг, собственно, как и «буллинг» обязательно сопровождается негативными переживаниями жертвы.

Если речь идет о подростковом буллинге, то здесь имеет место неоднократное и умышленное нанесение вреда группой или одним подростком другому. Фактически «жертва» в представленной ситуации не в состоянии защитить себя, либо не может покинуть ситуацию [1, с. 26].

В том случае если происходит намеренное нанесение вреда со стороны группы или одного подростка в отношении других детей, то предполагается осознание обидчиками ненормативности своего поведения, а также одновременно его целенаправленного характера с возможным пониманием последствий и причин наносимого ущерба. Дети-свидетели и дети-жертвы, в ситуации буллинга не могут самостоятельно выйти из нее. В свою очередь преследования носят характер повторяющихся действий и определяют контекст жизни ребенка. Представленные выше обстоятельства имеют существенную важность, как в случае проявления агрессии на улице или в школе, так и в ситуации касающейся кибербуллинга.

Для буллинга, является характерной следующая отличительная особенность – это желание обидчиков осуществлять контроль за ситуацией или поведением жертвы. Буллинг, в отличие, например, от ситуативной агрессии может отличаться желанием обидчика доминировать, намеренностью унижения, а также как следствие этому укреплением собственного положения в группе.

В буллинге, как и в иных видах проявления насильственных действий, непосредственная жертва оказывается бессильна оказывать сопротивление и в

конечном итоге плохо контролирует ситуацию. Данные особенности следует назвать присущими для всех видов и форм буллинга.

Необходимо также учитывать то, что разрушительные последствия для развития личности от буллинга, могут быть характерны не только в отношении жертв издевательств, но и обидчиков, а также просто свидетелей насилия.

Далее обозначим целый ряд следующих последствий для жертвы, имеющих психологический характер. В данном случае речь идет об: агрессивном поведении, снижении самооценки, тревожности, депрессии, недоверии, пугливости, частой смене настроения, страхе, а также склонности к суициду. Таким образом, следует отметить, что жертвы кибербуллинга еще более уязвимая группа, которая нуждается в психологической поддержке. Как уже было отмечено ранее, последствия от кибербуллинга могут сказаться не только на жертве, но и на обидчике, а также наблюдателе.

Преследователи (обидчики) также, как их жертвы страдают от психологических последствий проявления своего девиантного поведения. Став взрослыми, они могут остаться одиноким, так как проявление буллинга развивает у таких людей нарциссизм, высокую самооценку, авторитарность, агрессию, цинизм, а также проблемы с социальной адаптацией.

По истечению времени, достигнув более взрослого возраста, негативные последствия касаются в том числе и свидетелей травли. Таким образом, они могут страдать от эмоционального расстройства, неуверенности, нервозности и т.д.

Однако, целый ряд существенных отличий, может быть представлен в отношении кибербуллинга. Например, у преследователя в ситуации с кибербуллингом имеет место относительная анонимность. В свою очередь свидетелями насилия становится уже более существенная по объему аудитория, т.е. все те лица, которые имеют доступ к размещенной информации. Жертва в данном случае испытывает более значительный уровень тревоги, так как она не в состоянии определить, кто и откуда на нее нападает. Например, указанная выше анонимность и вовсе может стать причиной, по которой у обидчиков возникнет феномен растормаживания. Речь идет о появлении уверенности в отсутствии угрозы наказания и вседозволенности.

Насилие в том случае, когда речь идет о кибербуллинге не имеет, каких-либо ограничений не по времени, не по пространству, так как может быть реализовано в любой момент времени [5, с. 184]. Так как отсутствует, какой-либо контакт между жертвой и обидчиком, то обратная связь получает искаженность, при этом непосредственные участники коммуникаций, даже могут не догадываться об этом. В подростковом возрасте, особенно существенной является коммуникативная опосредованность кибербуллинга.

Именно тогда, когда человек находится в подростковом возрасте чрезвычайное значение для него имеет взаимодействие и общение с другими людьми. Во-первых, под общением следует понимать особый канал, из которого человек получает всю необходимую информацию об окружающем мире, людях и т.д. Во-вторых, общение выступает в качестве одного из

способов идентификации себя в различных сферах деятельности. В-третьих, общение для подростка, а именно общение с его непосредственными сверстниками является богатым источником эмоциональных переживаний.

Признание общения ведущей деятельностью подростка является уже давно утвердившемся положением психологии. В рамках общения происходит формирование основных личностных новообразований характерных для подросткового возраста. Например, в личности подростка специфическим и центральным считается возникновение у него представления о том, что он уже не ребенок. Указанное представление может проявляться в так называемом стремлении быть и считаться взрослым человеком. Таким образом, основные переживания подростков строятся на том какую именно роль он играет среди взрослых и среди сверстников, а также какова его ценность и значимость для окружающих его людей.

Активность подростка направлена на перестройку системы отношений между ним и средой, прежде всего, в социальном смысле.

На сегодняшний день существует подробная классификация видов кибербуллинга:

- флейминг – «спор ради спора», процесс обмена сообщениями в местах многопользовательского сетевого общения (чаты, интернет-форумы, социальные сети и др.);
- троллинг – размещение провокационных сообщений, комментариев с целью подведения человека к реакции и развития конфликта;
- клевета – распространение заведомо ложной информации, сведений о человеке, порочащих его репутацию;
- киберсталкинг – преследование или домогательство с помощью интернета;
- секстинг – пересылка или распространение фотографий, или видео интимного характера;
- гриферство – нанесение морального или материального ущерба в видеоиграх;
- раскрытие секретов – обнародование личной информации о человеке в интернете;
- выдавание себя за другого человека – создание поддельных профилей, с которых можно производить травлю, не раскрывая информации о себе;
- кетфишинг – воссоздание профиля жертвы, при помощи воровства его фотографий и личных данных, размещения с его страницы неблагоприятного контента;
- диссинг – передача или публикация порочащей информации о жертве в режиме онлайн;
- фрейпинг – получение обидчиком контроля над чужой учетной записью и рассылка с профиля нежелательного контента от имени жертвы [3].

В результате чего, можно сделать вывод, что актуальность проблемы кибербуллинга достаточно высока. В наши дни, кибербуллинг – это серьезнейшая угроза для психологического здоровья детей так, как например

травля в интернете может происходить круглые сутки изо дня в день. В этом случае у подростка фактически не остается никакого шанса на то, чтобы почувствовать себя защищенным, так как комментарии и сообщения могут приходить неожиданно и в любое время дня и ночи. В конечном итоге это оказывает серьезное психологическое влияние на подростка. Для глобальной сети-Интернет присущей является «анонимность». Именно благодаря ей подросток даже может не знать о том, какой конкретный человек пытается над ним издеваться, поэтому указанные обстоятельства вызывают у него еще большую панику. Необходимо отметить, что последствия эмоционального насилия в отличие от физического, в будущем, когда ребенок становится взрослым, влияют на его психологическое здоровье.

В настоящее время специалистами разработаны различные практические рекомендации, а также методики, предназначенные для родителей и учителей. Тем не менее, по-прежнему только немногие знают об их существовании. На сегодняшний день, важно предпринимать все возможные усилия для того, чтобы все большее количество людей было ознакомлено с данными методиками и рекомендациями. Также следует учитывать то, что некоторая часть методов может уже быть не актуальной и не рабочей, так как кибербуллинг развивается быстрыми темпами меняя свои формы, поэтому на постоянной основе требуется разработка новых форм, направленных на противодействие данному явлению.

Библиографический список.

1. Волкова И.В. Характеристики подросткового буллинга и его определение // Вестник Мининского Университета. – 2016. – № 3. – С. 26–33.
2. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Российский психологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 293–311.
3. 10 форм кибербуллинга от kids.kaspersky.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stop-ugroza.ru/life/10-form-kiberbullinga-ot-kids-kaspersky-ru/> (дата обращения: 14.10.2020).
4. Mehari K.R. Cyberbullying Among Adolescents: Measures in search of a construct / K.R. Mehari, A.D. Farrell, T.H. Le // Psychology of Violence. – 2014. – Vol. 4. – No. 4. – Pp. 399–415.
5. Strabic N., Milakovic A.T. Cyberbullying among children and its comparison to traditional forms of peer violence / N. Strabic // Criminology & Social Integration Journal. – 2016. – Vol. 24. – No. 2. – Pp. 184–201.

ВЛИЯНИЕ РОЛЕЙ И ПОЗИЦИЙ В УЧЕБНОМ КОЛЛЕКТИВЕ НА РИСК ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРАВЛИ

Леонова Анастасия Константиновна.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», студентка 2 курса магистратуры кафедры социальной психологии и виктимологии; Центр психолого-педагогической помощи молодёжи «Радуга», педагог-психолог первой квалификационной категории; psy_leonova@mail.ru.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования риска возникновения буллинга у студентов со склонностью к разным ролям и позициям в ситуации травли. Результаты математического анализа позволили автору выявить психологические факторы, повышающие риск возникновения травли в студенческом коллективе. Даны рекомендации, направленные на профилактическую работу в студенческой среде.

Ключевые слова: травля, подростки, учебный коллектив, студенческая среда.

THE INFLUENCE OF ROLES AND POSITIONS IN THE EDUCATIONAL COLLECTIVE ON THE RISK OF BULLYING

Leonova Anastasia Konstantinovna.

Russia, Novosibirsk city, Novosibirsk State Pedagogical University, 2nd year student of the magistracy of the Department of Social Psychology and Victimology; Center for psychological and pedagogical assistance to youth "Raduga", educational psychologist of the first qualification category, psy_leonova@mail.ru.

Annotation. The article presents the results of a study of the risk of bullying among students with a tendency to different roles and positions in a bullying situation. The results of mathematical analysis allowed the author to identify psychological factors, an increased risk of bullying in the student environment. Recommendations are given, aimed at preventive work in the student environment.

Key words: bullying, adolescents, educational collective, student environment.

В условиях динамично меняющегося мира, экономического и общественного напряжения, «спутанности» системы ценностей и распространения идей насилия возникает необходимость обеспечения эффективной социализации старших подростков и юношества. Данный возраст характеризуется конфликтностью, противоречивостью, частой сменой настроения и склонностью к крайностям [2,5]. Среди социально-психологических проблем в старшем подростковом возрасте, сопровождающих профессиональное образование, немаловажное значение имеет явление травли.

Насилие в коллективе приводит к снижению успеваемости, эмоциональным проблемам, увеличению риска возникновения суицидов.

В условиях обучения в учреждении среднего профессионального образования, в связи со сменой учебного заведения старший подросток оказывается в новой социальной среде, приобретает социальный статус студента, осваивает новые социальные роли, что требует определенного времени на период адаптации. Помимо особенностей (психологических, физиологических и т.д.), обусловленных возрастом, на подростка в этот период оказывает влияние и групповая динамика нового коллектива [4, 6].

Психологические особенности личности определяют склонность студента занимать ту или иную роль и позицию в ситуации травли. Рассматривают следующие роли и позиции в процессе травли:

1. Психологическая роль *инициатора* (обидчика) характеризуется высоким потенциалом общей агрессивности. Они имеют склонность нападать не только на жертв, но и на педагогов и родных.
2. Психологическая роль *помощника* инициатора характеризуется стремлением помогать и подражать «обидчику». Помощники пользуются прямым агрессивным воздействием: обзывают и бьют.
3. Психологическая роль *защитника* – такие учащиеся обладают наибольшим авторитетом среди сверстников. Они реже всех проявляют агрессивные воздействия по отношению к сверстникам и подвергаются им.
4. Психологическая роль *жертвы* – такие подростки испытывают психологическое насилие, изолированность, одиночество, ощущение опасности и тревоги.
5. Психологическая роль *наблюдателя* (свидетеля) – такие учащиеся не вмешиваются в конфликты, не поддаются ни под чье влияние, просто смотрят со стороны [3].

Несмотря на наличие исследований, посвящённых проблеме травли, неизученным аспектом является склонность учащихся к определенной роли и позиции в ситуации травли.

Цель нашего эмпирического исследования: выявление риска возникновения травли у студентов со склонностью к разным ролям и позициям в ситуации травли.

Материал и методы исследования. Эмпирической базой исследования является Высший колледж информатики Новосибирского государственного университета (ВКИ). Количество испытуемых составило 156 человек от 15 до 18 лет, учащиеся Высшего колледжа информатики (ВКИ) Советского района, из них 97 юношей и 59 девушек.

Для диагностики выявления риска возникновения травли и склонности к разным ролям и позициям в ситуации травли были использованы следующие методики: «Опросник риска буллинга» А.А. Бочавер, В.Б. Кузнецовой, Е.М. Бианки, П.В. Дмитриевского, М.А. Завалишиной, Н. А. Капорской, К.Д. Хломова [1]; Методика на выявление «буллинг-структуры» Е.Г. Норкиной [4].

Полученные результаты.

1. Риск травли в студенческой среде

По данным исследования, у 17% респондентов выявлен риск возникновения травли, у 83% риск травли не выявлен.

Результаты в процентном соотношении представлены на рисунке 1.

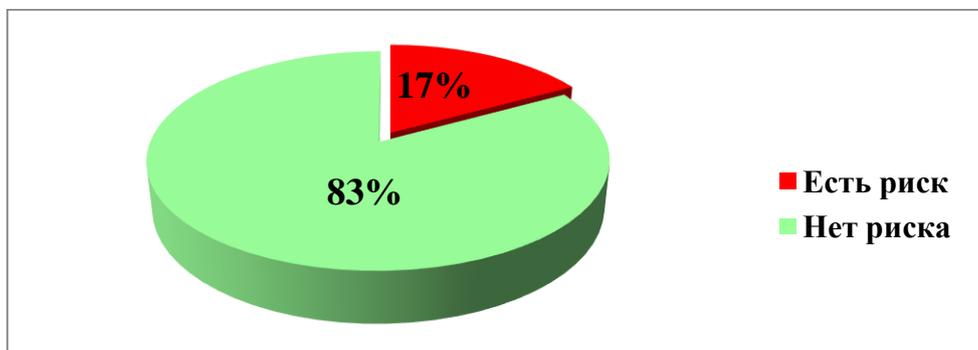

Рисунок 1. Риск травли у учащихся в студенческой среде

Таким образом, можно говорить о том, что 17% учащихся сталкивались с высоким уровнем агрессивности, тревожностью, социальной изоляцией и неуважением в свой адрес в учебном коллективе.

Несмотря на то, что у 83% респондентов риск травли не выявлен, можно предположить, что в некоторых учебных группах имеется негативная психологическая атмосфера, фоновое напряжение, которое может быть связано с низким качеством отношений в коллективе и несоблюдением правил общения.

2. Склонность студентов к разным ролям и позициям в ситуации травли

В ходе исследования обнаружено, что часто избираемой ролью выступает роль защитника (82%). Такие студенты обладают наибольшим авторитетом среди сверстников. Достаточно часто избираемой ролью является роль жертвы (19%). Учащиеся, занимающие её, испытывают психологическое насилие, изолированность и одиночество, склонны ощущать опасность и тревогу.

Наименее избираемой ролью в ситуации травли является инициатор (8%), который имеет высокий потенциал агрессивности. Учащиеся, склонные к роли инициатора, могут нападать (вербальная и/или физическая агрессия) не только на сверстников, но и на педагогов, родных. В наименьшем соотношении представлены роли наблюдателя (1%), который занимает позицию свидетеля, и помощника (1%), который стремится помогать и подражать инициатору. Результаты в процентном соотношении по выборке представлены на рисунке 2.

Исходя из полученных результатов, ролями, к которым более склонны учащиеся в студенческой среде, являются роли защитника и жертвы. Данный результат может свидетельствовать о наличии в некоторых группах психологического насилия, ощущения опасности, тревоги и социальной изолированности некоторых участников группы.

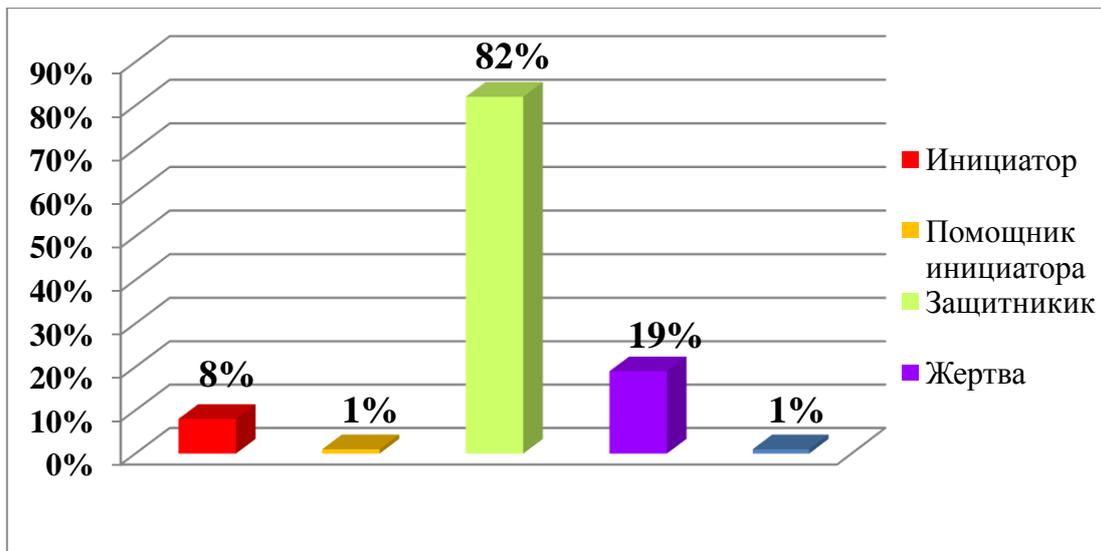

Рисунок 2. Роли и позиции студентов, участвующих в травле

3. Выявление риска возникновения травли у студентов со склонностью к разным ролям и позициям в ситуации травли

По результатам проведенного корреляционного анализа с использованием непараметрического критерия rs-Спирмена обнаружены 3 положительные и 4 отрицательные взаимосвязи между риском травли и склонностью к разным ролям и позициям в ситуации травли (рисунок 3).

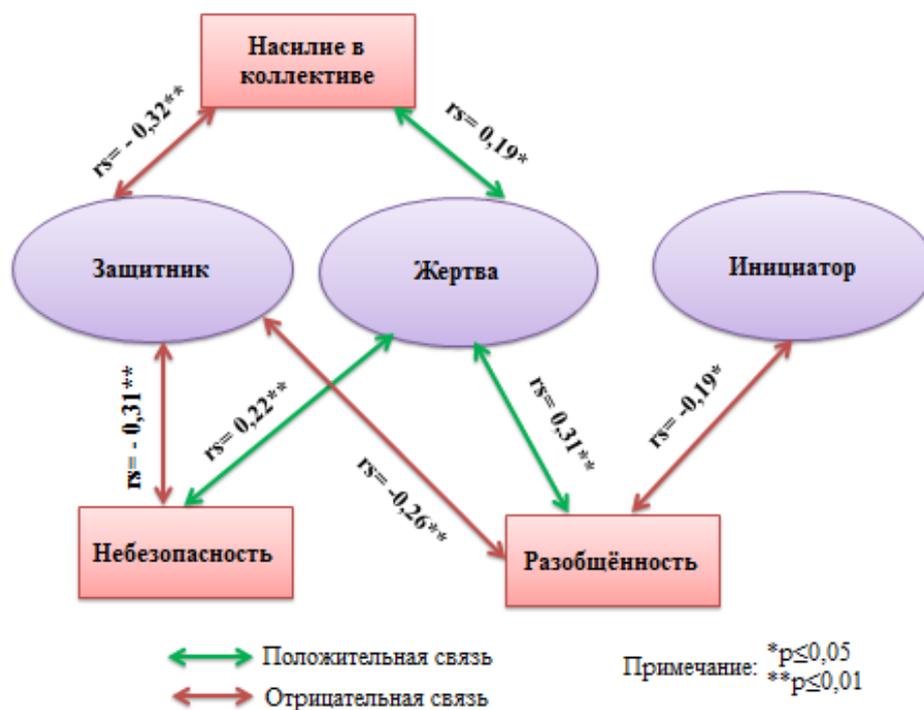

Рисунок 3. Корреляционная матрица взаимосвязи риска травли с психологическими ролями и позициями

Проанализируем результаты корреляционного анализа.

- Получена положительная взаимосвязь между шкалой небезопасности и психологической ролью жертвы, что может свидетельствовать о том, что чем больше учащийся ощущает в коллективе небезопасность (агрессивность со стороны сверстников, неуважение к себе, тревожность напряжение), тем больше он склонен испытывать психологическое насилие, тревогу и одиночество.
- Положительная взаимосвязь между шкалой разобщенности и ролью жертвы свидетельствует о том, что чем больше дистанция между подростками в коллективе, отсутствие сплоченности и поддержки, тем больше учащиеся склонны испытывать психологическое насилие, тревогу, опасность и одиночество.
- Обнаружена положительная взаимосвязь между насилием в группе и ролью жертвы. Данный результат говорит о том, что чем больше студент испытывает психологическое или физическое насилие в группе, тем он более склонен находиться в роли жертвы, быть социально изолированным, испытывать опасность, тревогу и одиночество.
- Выявлена отрицательная взаимосвязь между шкалой небезопасности и психологической ролью защитника, это говорит о том, что чем больше студент ощущает в коллективе небезопасность (агрессивность со стороны сверстников, неуважение к себе, тревожность напряжение), тем менее он склонен быть в роли защитника в ситуации травли и являться авторитетом среди сверстников.
- Обнаружена отрицательная взаимосвязь между шкалой разобщенности и психологическими ролями инициатора и защитника. Данный результат говорит о том, что чем больше дистанция между подростками в коллективе, тем меньше учащиеся склонны быть в роли инициатора (проявлять вербальную и физическую агрессию) и являться авторитетом среди сверстников.
- Выявлена отрицательная взаимосвязь между шкалой насилия в группе и ролью защитника. Данная корреляционная связь может говорить о том, что чем больше студент испытывает психологическое или физическое насилие в группе, тем он менее склонен быть в роли защитника в ситуации травли и являться авторитетом среди сверстников.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что если студенты будут ощущать в коллективе небезопасность (агрессивность со стороны сверстников, неуважение к себе, тревожность, напряжение) и отсутствие поддержки, то риск травли в коллективе будет возрастать.

Сравнительный анализ

Математическая обработка данных показала наличие значимых различий по шкале небезопасности. Результаты в средних значениях по выборке представлены на рисунке 4.

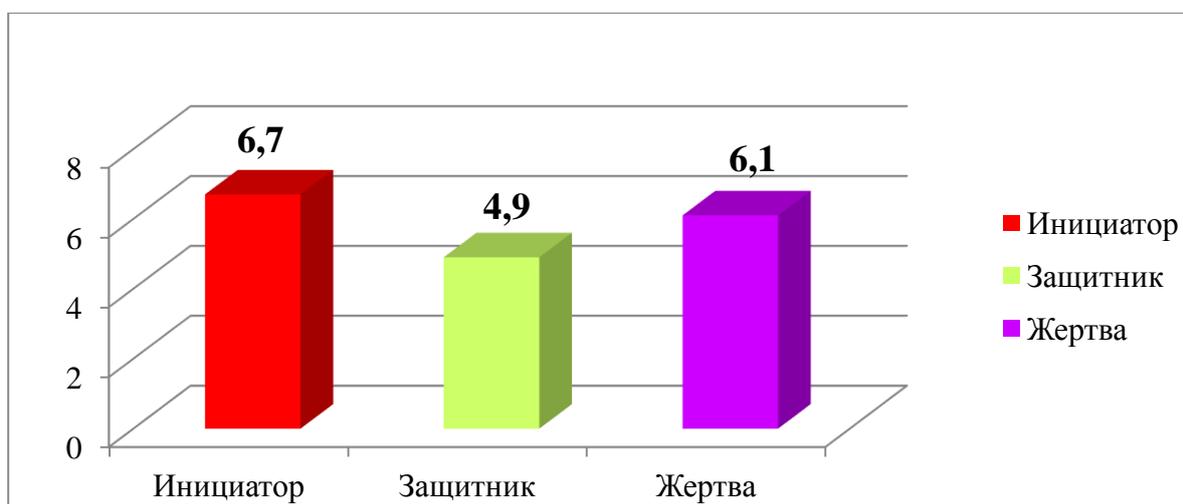

Рисунок 4. Значимые различия по шкале небезопасности (критерий Н-Краскала-Уоллиса)

Среди учащихся у инициаторов (6,7) по сравнению с другими ролями более выражена небезопасность в учебной среде. Можно предположить, что подростки с психологической ролью инициатора проявляют агрессивность по отношению к другим, чтобы компенсировать свои недостатки или самоутвердиться за счет другого.

Обнаружены статистически значимые различия при помощи непараметрического критерия сравнения Н-Краскала-Уоллиса по шкале разобщенности. Результаты в средних значениях по выборке представлены на рисунке 5.

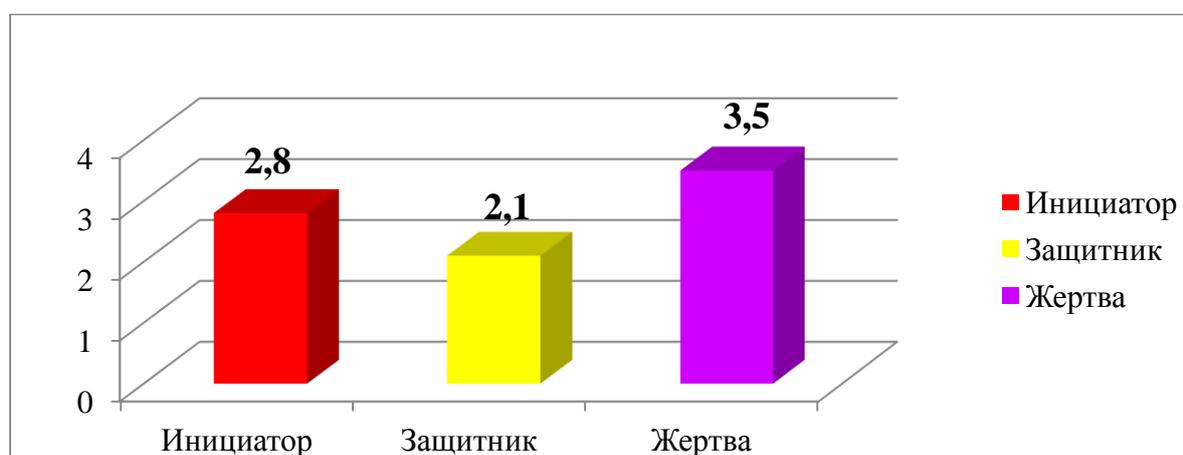

Рисунок 5. Статистические значимые различия по шкале разобщенности (критерий Н-Краскала-Уоллиса)

Среди учащихся у жертв (3,5) в ситуации травли по сравнению с другими психологическими ролями более выражено напряжение в коллективе, тревога и отсутствие поддержки. Это можно объяснить тем, что на жертву в коллективе оказывается давление, которое вызывает у учащегося определенные состояния, в связи с чем жертва испытывает дискомфорт в учебной группе и не чувствует себя в безопасности.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что 17% студентов сталкивались с высоким уровнем агрессивности, тревожностью, социальной изоляцией и неуважением в свой адрес в учебном коллективе. Выявлено, что часто избираемыми ролями в студенческой среде выступают роли защитника и жертвы. Данный результат может свидетельствовать о наличии насилия в некоторых учебных группах.

Обнаружено, что чем больше учащийся ощущает в коллективе небезопасность, тем больше он склонен испытывать психологическое насилие, тревогу и одиночество; чем больше студент испытывает психологическое или физическое насилие в группе, тем он более склонен находиться в роли жертвы, быть социально изолированным, испытывать опасность, тревогу и одиночество. Можно предположить, что

Результаты исследования позволяют предположить, что если студенты будут ощущать в коллективе небезопасность (агрессивность со стороны сверстников, неуважение к себе, тревожность, напряжение) и отсутствие поддержки, то в коллективе будет высокая выраженность риска травли.

Проведенное исследование показывает, что в студенческой среде на риск возникновения травли влияет небезопасность (неуважение, низкое качество отношений, пренебрежение и несоблюдение правил общения); наличие в коллективе студентов, которые чувствуют изолированность и одиночество в группе, наличие студентов, которые имеют высокий потенциал агрессивности.

Всё вышесказанное позволяет нам определить направления профилактической работы по предупреждению в среднеспециальном учебном учреждении такого опасного явления, как травля (буллинг):

- диагностики уровня травли в студенческой среде в динамике;
- проведение семинаров-тренингов с педагогическим составом учебного заведения для развития необходимых навыков и знаний для предотвращения, решения конфликтов и ситуаций психологического насилия;
- проведение дискуссий, тренингов с подростками, направленных на уважительное отношение к другому и коммуникативную компетентность, а также умение конструктивно преодолевать конфликтные ситуации;
- проведение семинаров для родителей, направленных на повышение компетентности в области родительского воспитания и личностных особенностей своего ребенка.

Библиографический список.

1. Бочавер А.А., Кузнецова В.Б., Бианки Е.М., Дмитриевский П.В., Завалишина М.А., Капорская Н.А., Хломов К.Д. Опросник риска буллинга (ОРБ) // Вопросы психологии. – 2015. – № 5. – С. 146–157.
2. Жарова Д.В., Терех Е.Ю. Психологические особенности подросткового буллинга // Научно-педагогическое образование. – 2018. – № 1(19). – С. 79–83.
3. Норкина Е.Г. Методика на выявление «буллинг-структуры» // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 3(8). – С. 170–174.

4. Огородник С.И., Масолова М.И. Особенности и трудности адаптации первокурсников в учреждениях среднего профессионального образования // Молодой ученый. – 2016. – № 20 (124). – С. 649–651.
5. Сидоренко Е.А. Особенности старшего подросткового возраста // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2011. – № 2. – С. 30–31.
6. Лялюк А.В., Тучина О.Р. Социальные представления абитуриентов и студентов о рисках образовательной среды современного вуза // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28. – № 11. – С. 56–67.

УДК 159.92

ДЕФИЦИТАРНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ПРЕДИКТОР РАЗВИТИЯ ХИМИЧЕСКОЙ АДДИКЦИИ У ПОДРОСТКОВ

Мензарарь Алёна Маратовна.

Россия. Новосибирск, Новосибирский Государственный Педагогический Университет, студентка магистратуры. a.mnzrr@gmail.com.

Голен Марат Викторович.

Россия. Новосибирск, Новосибирский военный институт имени армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, преподаватель, marvigol@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается один из самых распространенных в подростковой среде видов девиантного поведения – химическая аддикция. Предлагается рассмотреть генез аддиктивного поведения через призму социального интеллекта. Анализируются возможные корреляции между дефицитарностью отдельных компонентов социального интеллекта и риска развития табакопотребления в подростковой среде.

Ключевые слова: социальный интеллект, химическая аддикция, структура социального интеллекта, курение, подросток, аддиктивное поведение.

DEFICIENCY OF SOCIAL INTELLEGENCE CAUSE OF ADOLESCENTS CHEMICAL ADDICTION

Menzarar Alena Maratovna.

Russia. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, student. a.mnzrr@gmail.com.

Golen Marat Viktorovich.

Russia. Novosibirsk, Novosibirsk military Institute named after General of the army I.K. Yakovlev of troops national guard of the Russian Federation, lecturer, marvigol@mail.ru.

Abstract: The article considers one of the most popular in adolescents type of the deviant behavior – chemical addiction. Invited to consider motives of the addictive behavior through the prism of the social intelligence. Analyses possible correlations between insufficient level of social intelligence components and the risk of dependence in adolescents.

Keywords: social intelligence, chemical addiction, structure of social intelligence, adolescence, smoking, addictive behavior.

Требования современности к подросткам растут пропорционально ожиданиям от них. Социально адекватный подросток должен быть воспитан,

сдержан, умен, мотивирован на успех, его способности к формированию и поддержанию коммуникативных связей должны быть развиты не ниже среднего. Такой подросток безопасен и удобен как для локального социального окружения (семья, друзья, педагоги и т.д.), так и для государства в целом, поскольку его ценностные ориентации, так или иначе, отвечают долгосрочным программам развития страны. Существенной проблемой, стоящей особняком в рамках рассматриваемого явления, представляется невозможность всех подростков отвечать транслируемым нормам и ожиданиям. Вероятно, это обусловлено возрастными особенностями подростничества, в частности, протестным поведением, снижением критичности как свойства нормальной психической деятельности, острой потребностью в безусловном принятии, искаженным восприятием действительности, сформированном на фоне активных внутренних сопротивлений. Такое состояние может повлечь за собой проблемы во взаимоотношениях с близкими и сверстниками. Подросткам приходится адаптироваться к своему новому состоянию и вырабатывать новые стратегии поведения, которые, в свою очередь, оказывают созидательное или деструктивное влияние на него как на социальную единицу.

Мы предполагаем, что способность справиться с таким энергозатратным периодом находит свое отражение в структуре социально-психологического знания, в частности, лежит в плоскости изучения социального интеллекта. В контексте данной статьи уместным представляется рассмотрение именно деструктивных последствий кризиса подростничества – дефицитарности компонентов социального интеллекта как одной из возможных причин формирования зависимого поведения и развития различных аддикций.

Аддиктивное поведение – актуальное и популярное изучаемое явление в психиатрии, психологии и наркологии. За рубежом в 80–х годах аддиктология была выделена в отдельное направление, ее целью было изучение причин, механизмов возникновения, возможностей коррекции аддиктивных форм поведения [5]. До 80-х годов в США также изучали различные проявления аддиктивного поведения (чаще наркомании), еще в начале 20–х годов разрабатывались программы для химически зависимых. Их целью, прежде всего, выступало лечение и возможность дать пациенту шанс на другую жизнь. Однако, из-за неуместных форм лечения (напр., детоксикация), должного эффекта применяемые методы не оказывали. Только в 50-х годах двадцатого столетия к классическим медицинским методам подключалась социально-психологическая поддержка (групповая терапия, психологическое консультирование, различные государственные системные меры, направленные на улучшение качества жизни бывших наркоманов и т.д) [1].

Современная аддиктология давно ушла лишь от наркозависимости. Так, основоположник советской аддиктологии Ц.П. Короленко, первый в России классифицировал аддикции на химические и нехимические [2]. К базовым зависимостям добавились такие формы проявления аддиктивного поведения, как сексуальные, любовные зависимости, игровые (азартные, интернет) аддикции и другие. Все из рассматриваемых форм зависимого поведения в

разной степени актуальны в настоящее время, однако больший интерес для нас представляют химические аддикции, в частности, табакопотребление, именно в подростковом возрасте, поскольку в этот период повышается риск вовлечения в зависимое поведение.

По данным Всемирной ассоциации здравоохранения на 2016 год каждый третий подросток в возрасте 15 лет хотя бы раз пробовал курить, в 13 лет этот показатель равен 20% от опрошенных, т.е. каждый пятый. Безусловно, во всем мире идет борьба с развитием табакокруения среди всех возрастов, более того, превентивные меры (такие как информирование, раннее выявление, повышение цен на сигареты) уже показывают позитивную динамику: в среднем, в каждой группе подростков показатели упали на 15-20%. В России на 19% упало производство сигарет (по данным на апрель 2020 за аналогичный период прошлого года) [7]. Однако обусловлено это может быть не только снижением потребности количества курильщиков, но и переходом на альтернативные способы употребления табака (электронные сигареты, снюсы и т.д.). Таким образом, проблема распространенности употребления табака среди подростков не теряет своей актуальности и сейчас.

Как мы уже говорили выше, причин, приводящих к развитию химических аддикций среди подростков, много, однако в рамках данной статьи наибольший интерес представляет дефицитарность социального интеллекта как возможного предиктора развития зависимости. Изучение социального интеллекта представляет большую ценность в структуре любых взаимоотношений, поскольку как дефиниция социально-психологического знания, он является набором навыков и умений, позволяющих участникам коммуникации выстраивать позитивную интеракцию.

Рассмотрим модель структуры социального интеллекта (рис.1), разработанную доктором психологических и педагогических наук А.И. Савенковым (институт педагогики и психологии образования ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет») [4]. Им выделяется три группы критериев, описывающих концепцию социального интеллекта:

- когнитивный (социальные знания, социальная память, социальная интуиция, социальное прогнозирование);
- поведенческий (социальное восприятие, социальное взаимодействие, социальная адаптация);
- эмоциональный (социальное восприятие, сопереживание, способность к саморегуляции).

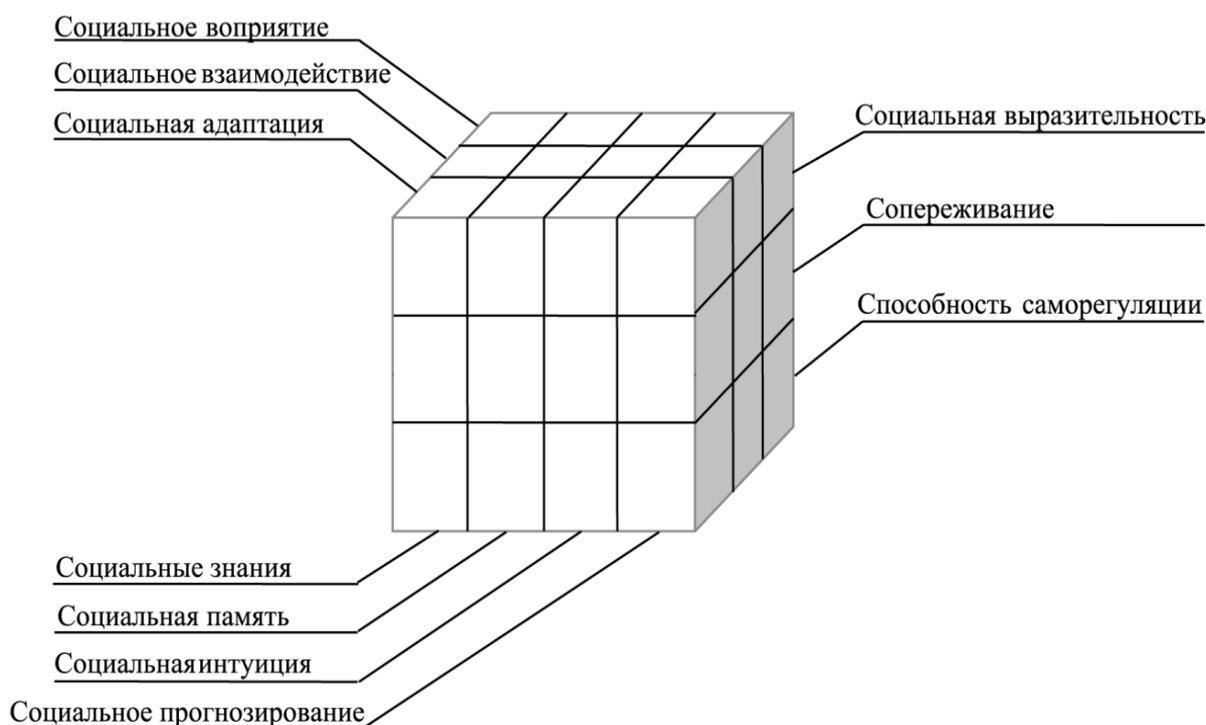

Рис.1 Модель структуры социального интеллекта

Опираясь на предложенную концепцию и работы других ученых (Дж. Гилфорд, Г. Оллпорт, Д.В. Ушаков, Р. Стернберг и др.), мы можем предположить, что ребенок, вступивший в период подростничества может испытывать дефицит отдельных компонентов социального интеллекта. Так, способность к саморегуляции, вероятно, может быть снижена, в то время как потребность в социальном взаимодействии может быть высокой, а уровня социальных знаний может быть недостаточно. Безусловно, различные составляющие социального интеллекта могут быть дефицитарны у человека любого возраста, тем не менее, с одной стороны, подростковый период наиболее опасен из-за невозможности восполнения дефицитов, с другой, - подростничество – уникальное время, богатое на опыт, способный позитивно влиять на становление социально-грамотной личности. Уязвимость – фактор риска не только для развития дефицитарней социального интеллекта, но и фундаментальное состояние для развития девиантного поведения в целом и химической аддикции в частности [3].

Дети в подростковом возрасте испытывают острую потребность в причастности к группе [5]. Удовлетворение этой потребности может быть реализовано по-разному: одни занимаются в группе спортом, танцами, пением, другие занимаются волонтерством, третьи встречаются в литературном клубе, четвертые – бегают курить на школьных переменах. Эти способы хоть и разные, даже противоречивые, но являют собой одну цель – решить внутренние задачи. Испытывая острую потребность в общении и при этом множество внутренних сопротивлений, подросток может быть вовлечен в аддиктивную среду. Мы крайне редко сталкиваемся с осознанным потреблением табака

среди подростков: курящий ребенок практически всегда находится в компании с другими детьми и не курит дома, что выступает поводом для предположения о том, что развитие химической аддикции может напрямую зависеть от потребности подростка в принятии, общении, позитивной коммуникации. Влияние аддиктивной среды (в нашем случае курящей компании) на изменение в балансе различных составляющих социального интеллекта представляется вполне уместным.

В целом, говоря о дефицитности социального интеллекта, как предикторе развития химической аддикции, отметим, что исследований на данную тему не опубликовано, и мы можем только предполагать о возможных корреляциях. Вероятно, подросток, склонный к развитию химической аддикции, может компенсировать определенные компоненты социального интеллекта, будучи вовлеченным в курящую компанию, но сам процесс вовлечения может быть обусловлен дефицитами в структуре социального интеллекта. На наш взгляд, взаимовлияние аддиктивного поведения и социального интеллекта очевидно и представляет собой широкое поле для исследований.

Библиографический список.

1. Андерсон П. Пути решения проблем, связанных с употреблением алкоголя. СПб.: СПМАПО, 1995. – 183 с.
2. Короленко Ц. П. Психодинамическая психиатрия и аддиктология: монография Ц.П. Короленко, Т. А. Шпикс, И. В. Турчанинова; под науч. ред. Ц. П. Короленко. – Новосибирск: ООО «Немо Пресс», 2020. – 277 с.
3. Кошенова М. И. Дефицитность социального интеллекта как предиктор делинквентного поведения // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / под науч.ред. О. А. Белобрыкиной. – Новосибирск: НГПУ, 2017. – С. 89–102.
4. Савенков А.И. Структура социального интеллекта [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2018. – Том 7. – № 2. – С. 7–15. doi:10.17759/jmfp.2018070201
5. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2011. – 527 с.
6. Штульман А. Д. Проблемы аддиктологии в историческом контексте становления системы помощи зависимым людям в США // Международная научно-практическая конференция «Аддиктивное поведение: профилактика и реабилитация». Материалы конференции. – М.: МГППУ, 2011.
7. WHO global report on trends in prevalence of tobacco smoking 2000–2025, second edition. Geneva: World Health Organization; 2018 (<http://www.who.int/tobacco/publications/surveillance/trends-tobacco-smoking-second-edition/en/>).

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ

Радованович Мила.

Сербия, Нови Сад, Национальный центр профилактики травматизма и безопасности, семейный консультант, drmirjana.milankov@gmail.com.

Аннотация. Автор обращает внимание на роль семьи в профилактике девиантного поведения и призывает к активному анализу своей семейной ситуации. Автором разработана программа консультирования семьи, которая позволит гармонизировать семейные отношения и предотвратить таким образом девиации у ребенка.

Ключевые слова: девиантное поведение, профилактика, семья, семейное консультирование.

FAMILY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF BEHAVIORAL DEVIATIONS

Radovanovich Mila.

Serbia, Novi Sad, National Center for Injury Prevention and Safety, family consultant, drmirjana.milankov@gmail.com.

Annotation. The author draws attention to the role of the family in the prevention of deviant behavior and calls for an active analysis of their family situation. The author has developed a program of family counseling, which will allow to harmonize family relations and thus prevent deviations in the child.

Keywords: deviant behavior, prevention, family, family counseling.

Девиантное поведение у подростков – это многофакторное явление, в формировании которого имеют значение социальные, психологические, педагогические, генетические и другие факторы. Однако наибольшая роль принадлежит семье. Неблагополучие в семье и дисфункциональные семьи, гипо- и гиперопека родительского отношения и воспитания, рассматриваются как обязательное условие развития девиантного поведения. Так, при гиперопеке формируется незрелая личность (психический инфантилизм) без мотивации к труду, с установкой на получение удовольствия, без ответственности за свои поступки. Эмоциональное отвержение родителями подростков является одним из предрасполагающих факторов употребления психоактивных веществ. Жесткий контроль, недоверие к подростку, противоречивое отношение к его самостоятельности, требование уважать родителей и отказ в уважении к нему, неустойчивый тип воспитания в целом провоцируют легкое формирование аддиктивного поведения. Неумение организовать свой досуг связано, в большей степени, не с отсутствием условий для его проведения, а с

эмоциональной атмосферой в семье. В связи с этим, с целью профилактики девиантного поведения, необходимо больше внимания уделять семье.

Каждый раз, когда мы встречаем новые события, новые обстоятельства и роли в жизни, это может стать травмирующим событием, или возможностью для личностного развития. Такие ситуации побуждают нас смотреть на себя, знакомиться с реакциями в новых ситуациях, раскрывать убеждения, которые мы переняли на протяжении всей жизни, признавать наши паттерны поведения.

Одна из таких ролей - воспитание детей. Через отношения, которые мы строим с ребенком, но и с партнером, с которым мы делимся воспитанием, через задачи и испытания подобные ситуации мы тоже представляемся. Мы видим наши реакции на некоторые ситуации, с которыми мы могли не столкнуться в нашей жизни, например, как мы реагируем в ситуации, когда не разделяем с партнером похожие взгляды о воспитании детей или как мы справляемся в ситуации, когда ребенок упорно повторяет какое-то поведение мы считаем неприемлемым. Тогда мы увидим, что нам нужны новые навыки, новые подходы к повседневным проблемам.

Если мы примем тот факт, что на протяжении всей жизни мы развиваемся и учимся, подобные ситуации послужат нам приглашением работать над собой и как возможность развивать навыки и совершенствоваться в общении, отношениях с окружающими, планировании и организации времени, преодолении стресса, неприятные эмоции... Инвестируя в личностное развитие через роль родителей, мы можем добиться большего уровня удовлетворенности и функциональности в семейных отношениях, а также во всех других жизнях.

Нами разработана программа консультирования семьи, которая позволит выявить возможные точки напряжения, провоцирующие дисфункциональное развитие детей, наметить пути компенсации и гармонизировать отношения. Гармоничная семья – залог здорового, самодостаточного, уверенного в себе и успешного ребенка. Программа включает пять индивидуальных встреч в прямом эфире в Нови-Саде или онлайн. [#porodica](https://milaradovanovic.com/usluge/#porodica) [#roditeljstvo](https://milaradovanovic.com/usluge/#roditeljstvo) [#deca](https://milaradovanovic.com/usluge/#deca) [#podrska](https://milaradovanovic.com/usluge/#podrska) [#licnirazvoj](https://milaradovanovic.com/usluge/#licnirazvoj)

[#porodica](https://milaradovanovic.com/usluge/#porodica) [#roditeljstvo](https://milaradovanovic.com/usluge/#roditeljstvo) [#deca](https://milaradovanovic.com/usluge/#deca) [#podrska](https://milaradovanovic.com/usluge/#podrska) [#licnirazvoj](https://milaradovanovic.com/usluge/#licnirazvoj)

Individualni program za roditelje
„Zadovoljan roditelj-zadovoljno dete“

- Želite da istražite sebe kroz ulogu roditelja?
- Da naučite da prepoznate i održite svoje granice?
- Da prepoznate izvore stresa i postanete veštiji u njegovom prevazilaženju?
- Da naučite kako da napravite dobar balans između porodičnih i profesionalnih obaveza?
- Da razvijete veštine prepoznavanja i kontrole emocija?
- Da razvijete komunikacijske veštine?

I na taj način..

- unapredite svoje roditeljske veštine
- unapredite kvalitet odnosa sa detetom i partnerom/kom
- bolje funkcionišete kao porodica
- povećate nivo kvaliteta života u svim aspektima

...onda je ovaj program za vas

Mila Radovanović,
psiholog-porodični savetnik
info@milaradovanovic.com
0641150602

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ходос Лариса Аршаковна.

Россия, г. Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», аспирант, larisa.09@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме стабильности брака. В содержании рассматриваются факторы стабилизации супружеских отношений. Значительное внимание в работе уделено психологическим факторам стабильности семейных взаимоотношений. Автор приходит к выводу, что для сохранности брака и его укреплению влияет совокупность внутренних и внешних факторов, а также желание и участие самих супругов в построении долговременных отношений.

Ключевые слова: проблема стабильности брака, супружеские отношения, факторы стабильности супружеских отношений, деструктивные и функциональные стабилизаторы семейных отношений.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF STABILITY OF MARITAL RELATIONS

Khodos Larisa Arshakovna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, postgraduate student, larisa.09@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the currently relevant problem of marriage stability. The author analyzes the marital relations stabilization factors. Considerable attention is given to the psychological factors of family relationships stability. The author comes to the conclusion that the preservation and strengthening of marriage depends on a combination of internal and external factors as well as the desire and personal involvement of the spouses in building a long-term relationship.

Keywords: the problem of marriage stability, marital relations, marital relations stability factors, destructive and functional stabilizers of family relations.

В последние годы проблема стабильности брака стала предметом многочисленных исследований. Брак является фундаментальным институтом общества, обеспечивающий его стабильность и способный воспроизводить новое поколение его членов. Однако, как показывает статистика, число разводов в мире с каждым годом непрерывно растет. В связи с этим институт семьи утрачивает свою стабильность и надежность.

Состояние семьи является как результатом, так и причиной многих процессов, которые происходят в обществе. Она не только испытывает на себе воздействие внешних факторов окружающей среды, но и во многом определяет

и воспроизводит эти факторы сама. Следует отметить, что на стабильность брака влияет совокупность физических, материальных, культурных, сексуальных и психологических факторов [3]. Взаимодействие перечисленных факторов определяет потенциал брака. Однако, психологический фактор является центральным в этом списке, определяющий единство и целостность человеческого поведения, остальные же факторы сосредоточены на нем.

Каждая семья имеет свои регуляторы, обеспечивающие ее стабильность и устойчивость, которые называются стабилизаторами. Именно стабилизаторы способствуют тому, чтобы брак был устойчив и противостоял разрушению супружеских отношений. Стабилизаторы бывают двух видов: функциональные и дисфункциональные. Функциональные стабилизаторы помогают выполнять поставленные задачи перед супругами, к ним относятся: совместное проживание на одной территории, общий бюджет, общие материальные и духовные ценности, совместная деятельность и увлечения, общие традиции и ритуалы и т.д. Дисфункциональные стабилизаторы, напротив, препятствуют выполнению задач, например, болезни, дети, деструктивное поведение [2]. В разные периоды супружеской жизни работают разные стабилизаторы.

Рассмотрим несколько примеров стабилизаторов и их влияние на супружеские отношения.

Дети стабилизируют брак своих родителей. Супруги объединяются общей целью, связанной с воспитанием детей. Вот только, когда дети вырастают и покидают родительский дом, они сталкиваются с тем, что у них нет ничего общего, что бы их связывало. Это объясняет проблему, почему некоторым детям так сложно сепарироваться от родителей. Однако, дети не должны быть стабилизаторами, потому что они вырастают, развиваются и должны жить отдельно от родителей [5].

Дисфункциональным стабилизатором может быть супружеская измена. Супруги у которых существует неосознаваемый страх близости с партнером, нередко, изменяют второй половине. Схема, по которой действуют супруги в случае измены, примерно, выглядит следующим образом: происходит измена, как следствие, скандалы и выяснение отношений по поводу измены, после чего наступает примирение. Напряжение, связанное с неразрешенными конфликтными ситуациями после примирения, вновь начинает нарастать, доходит до критической отметки, и действия супругов повторяются вновь по привычной им схеме [2].

Болезнь является распространенным стабилизатором. Члены семьи объединяются в лечении больного и считают себя обязанными не бросать его, даже в тех случаях, когда супружеские отношения являются неудовлетворительными.

Важную роль в семье занимают установленные в ней правила, которые влияют на стабильность брака. Правила составляют основу для построения семейной жизни и являются ориентиром для каждого члена семьи. Благодаря им человек знает о своих границах, правах и обязанностях. Правила указывают

на то, что разрешено, а что нет, что считается хорошим и плохим. Именно, дефицит правил зачастую является причиной конфликтов и разногласий.

Семейные правила составляют внешнюю основу семейной мифологии [4]. Семейный миф – это бессознательное соглашение между членами семьи, которое помогает им поддерживать образ семьи, ее целостность и идентичность, устанавливать правила и регулировать общение. Цель мифа – помочь семье выжить в трудных кризисных ситуациях.

Семейные ценности относятся к значимым факторам в стабилизации супружеских отношений. Они являются источником мотивации поведения супругов в различных сферах жизни. Благодаря семейным ценностям семья становится сплоченной и крепкой. К семейным ценностям, также относятся ритуалы и традиции, передаваемые из поколения в поколение, которые помогают укрепить семью и уменьшить беспокойство ее членов. Без традиций члены семьи обычно разобщены, чувствуют тревогу и одиночество.

Общие занятия и увлечения – один из самых действенных стабилизаторов. Это может быть воспитание и развитие детей, объединение профессиональным делом, совместный отдых или участие в общих делах.

Значимый фактор стабильности семьи - совместимость супругов [1]. Главный критерий совместимости - удовлетворенность людей друг другом. Отношения в такой супружеской паре основаны на умении учитывать индивидуальные интересы и потребности и потребности семьи.

Стабильность брака определяется взаимными ожиданиями ее членов. Большинство людей, вступающих в брак на ранних стадиях отношений, разочаровываются в последствии. Страсть, которая была в начале отношений, угасает со временем, и это является причиной расставания многих семейных пар. Важной задачей супругов является способность соединять идеализированный и реалистичный образ партнера.

Сексуальные отношения относятся к стабилизаторам, которые обладают защитным фактором, помогающие паре противостоять внешним обстоятельствам. Исследования причин разводов показали, что сексуальная дисгармония является наиболее уязвимой стороной супружеских отношений. В кризисные периоды сексуальные отношения супругов могут как стабилизировать брак, так и его разрушить.

Не только внутрисемейные стабилизаторы являются регуляторами семейных отношений. Например, макросистема может выполнять эту функцию. Это характерно для обществ, где брак считается ценностью, а сам факт развода осуждается и считается чем-то постыдным. В таком случае стабилизатором семьи является общественное мнение.

В заключение следует отметить, что на стабильность брака влияет совокупность внутренних и внешних факторов, которые характеризуют его прочность и устойчивость в противовес факторам, которые являются причинами его распада. Они поддерживают супружеские отношения и выполняют защитную функцию. Однако, хотелось бы подчеркнуть, что брачный союз не гарантирует человеку счастливой семейной жизни. Для

сохранения и укрепления брака необходимо желание и участие супругов преодолевать трудности, уметь договариваться, учитывать интересы и потребности другого человека и как следствие, обретение прочной и надежной опоры в долговременных отношениях.

Библиографический список.

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. – М.:МГУ, 1995. – 118 с.
2. Варга А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с.
3. Васильченко Г.С., Решетняк Ю.А. Брачный клиринг // Вопросы кибернетики. – 1978. – Вып. 28.
4. Пэпп П. Семейная терапия и ее парадоксы. – М.: Класс, 2004.
5. Шилов И.Ю. Фамилистика. Психология и педагогика семьи. – СПб.: Нева, 2000. – 416 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Чухлебова Ирина Николаевна.

Россия, г. Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», студентка 4 курса, griffon2011@yandex.ru.

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема взаимосвязи социального интеллекта и качества жизни. При рассмотрении данной взаимосвязи мы понимаем, что развитие социального интеллекта напрямую зависит от индивидуальной способности человека, от индивидуального эмоционального интеллекта. Чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем легче адаптация человека в обществе и тем выше удовлетворенность человека и соответственно выше качество жизни человека. Еще интересная особенность к рассмотрению в данной статье, что развитие социального интеллекта следует начинать в подростковом возрасте.

Ключевые слова: социальный интеллект, качество жизни, эмоциональный интеллект, повышение уровня эмоционального интеллекта.

RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL INTELLIGENCE AND QUALITY OF LIFE

Chukhlebova Irina Nikolaevna.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk state pedagogical University, 4th year Student, griffon2011@yandex.ru.

Abstract: this article deals with the problem of the relationship between social intelligence and quality of life. When considering this relationship, we understand that the development of social intelligence directly depends on the individual ability of a person, on individual emotional intelligence. The higher the level social intelligence, the easier the adaptation of the individual in society and the higher the satisfaction of the person and consequently higher quality of life. Another interesting feature to consider in this article is that the development of social intelligence should begin in adolescence.

Keywords: social intelligence, quality of life, emotional intelligence, increasing the level of emotional intelligence.

Актуальность темы исследования на сегодняшний день проблема социального интеллекта активно изучается. Есть множество научных работ и подходов к изучению в данной области среди отечественных и зарубежных психологов. Социальный интеллект высокого уровня дает неоспоримые преимущества. Например, уметь управлять побуждающими к действию

эмоциями [1], что дает возможность сократить время на пути к достижению своих и общественных целей, а также сохранить здоровье себе и окружающим. Способность понимать эмоции окружающих - этот фактор открывает возможность правильно отреагировать на ситуацию, что еще более важно, так как каждый человек желает получить результат, причем положительный. Способность оказывать влияние на эмоции других людей – данный фактор позволяет улучшить качество жизни себе и окружающим, что благотворно влияет на обстановку в малом и большом коллективе, в семье и на работе [1].

Качество жизни – это емкий термин, характеризующий эффективность всех сфер жизни и деятельности человека, уровень удовлетворенности материальных, социальных и духовных потребностей человека. Уровень интеллектуального, культурного и физического развития, а так же степень безопасности жизни. Если рассматривать определение Всемирной организации здравоохранения, то мы имеем дело с физическим, психологическим и эмоциональным состоянием и здоровьем человека, основанным на его восприятии своего места в социуме. Если мы обратимся к определению «качество жизни» через призму Организации Объединенных Наций, то мы увидим социальное и экономическое положение всего населения стран. Но чаще всего качество жизни характеризуется по показателям здравоохранения, образования, демографии, экономических показателей, экологической обстановки, условий жизни, занятости и реализации конституционных прав человека.

В целом, социальный интеллект напрямую связан с социумом, а интеллект человека – это индивидуальное качество психики каждого человека, состоящее из способности к обучению и запоминанию на основе опыта, понимание и применение абстрактных концепций и использование своих знаний для управления окружающей человека средой.

Таким образом, мы имеем сложный конструкт для адаптации человека в социуме. Человек должен выполнить сложную задачу – реализовать себя как индивидуальность в обществе, понять как ему влиться в коллектив, насколько качественно и продуктивно будет складываться его жизнь и деятельность.

Первичное исполнение эмоционального интеллекта (современная интерпретация) носил название социального. «Социальный интеллект, если мы понимаем его как интеллект (отмечает Ушаков Д.В.), это способность к познанию социальных явлений, которая составляет лишь один из компонентов социальных умений и компетентности, а не исчерпывает их» [2].

Значит, будем иметь в виду, что социальный интеллект – это способность понимать других людей, которая позволяет человеку приспособиться в обществе.

Э. Торндайк рассматривал социальный интеллект как «способность понимать других людей и действовать, и поступать мудро в отношении других» [2]. В дальнейшем эти определения уточнялись и дополнялись. Американский психолог Д. Векслер внес предложение определять «социальный интеллект» как «приспособленность индивида к человеческому бытию» [2].

Социальный интеллект – это, несомненно, самый важный элемент в жизнедеятельности человека, в социальной жизни человека, так как позволяет человеку качественно адаптироваться в обществе, качественно улучшить свою жизнь и состояться профессионально. Многие зарубежные психологи дополняли понятие социального интеллекта, Г.Олпорт мыслил о социальном интеллекте, как о «способности высказывать быстрые, почти автоматические суждения о людях, способность прогнозировать наиболее вероятные реакции человека. По мнению Дж. Гилфорда (создателя первого надежного теста для измерения социального интеллекта), социальный интеллект – это «система интеллектуальных способностей, связанных с познанием поведенческой информации, способность к предвидению последствий поведения», а также это система способностей, которые не зависят от факторов общего интеллекта, это особый «социальный дар».

Дж. Гилфорд также описал три переменные социального интеллекта: содержание, операции, результаты. Он выделил одну переменную – познание и построил свои исследования на познании поведения. Эта способность включает в себя 6 факторов:

1. Познание элементов поведения — способность выделять из контекста вербальную и невербальную экспрессию поведения (способность, близкая к выделению "фигуры из фона" в гештальт — психологии).
2. Познание классов поведения — способность распознавать общие свойства в некотором потоке экспрессивной или ситуативной информации о поведении.
3. Познание отношений поведения — способность понимать отношения, существующие между единицами информации о поведении.
4. Познание систем поведения — способность понимать логику развития целых ситуаций взаимодействия людей, смысл их поведения в этих ситуациях.
5. Познание преобразований поведения — способность понимания исходного значения сходного поведения (вербального и невербального) в разных ситуационных контекстах.
6. Познание результатов поведения — способность предвидеть последствия поведения, исходя из имеющейся информации [3].

Социальный интеллект в подростковом возрасте представляет особый интерес, так как подросток – это «маленький взрослый», который активно обрабатывает и генерирует множество эмоций и обладает колоссальным количеством заряда энергии. Подростковый возраст – это сензитивный период для научения и консолидации большого объема информации. Но проблема с подростком состоит в том, чтобы он выбрал себе для ориентира правильный пример, качественного взрослого, иначе, картина будет печальной. Общество пополнится очередным девиантным представителем в лице подростка. Социальный интеллект подростка, я считаю, наиболее важен к рассмотрению, как феномен современной психологии. Исходя из анализа литературы отечественных и зарубежных психологов по проблеме исследования

социального интеллекта в подростковом возрасте это актуальная проблема современной психологии.

Активное развитие социального интеллекта у подростков, думаю, благотворно скажется на обществе, так как подросток будет направлен на созидание и улучшение качества своей жизни, будет видеть результаты своего развития, в учебной деятельности, в своем состоянии эмоциональном, психологическом и социальном. Повышение уровня социального интеллекта избавит общество от негативного девиантного поведения подростков и далее, как следствие мы получим здоровое общество и повышение уровня качества жизни.

Жизненные неудачи напрямую связаны с неспособностью понимать свои и чужие эмоции. Своевременное выявление трудностей в области социального интеллекта и их исправление поможет успешности, развитию и самоосознанию людей и облегчит взаимоотношения и достижение совместных задач.

Библиографический список.

1. Аверин В.А. Психология детей и подростков: Учебное пособие / 2-е изд., перераб. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 1998. – 379 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект пресс, 2000. – 376 с.
3. Десфонтейнес Л.Г. Взаимосвязь социального интеллекта и ценностных ориентаций личности. // Теория и практика общественного развития (2015, №10)

ПРИНЦИПЫ ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФИИ В ТЕРАПИИ ЗАВИСИМЫХ СОСТОЯНИЙ

Ким Хен Су.

КНДР, Пхеньян, НИИ молекулярной биологии, доктор медицины, Gjj Fjjj yuff367@yandex.ru.

Аннотация. Для восточной медицины характерно холистическое восприятие человека, в единстве его души и тела. В терапии зависимых состояний широко применяются методы, восстанавливающие целостность человека. При этом восточная медицина не отрицает патофизиологические изменения при зависимых состояниях, а, напротив, предлагает методы их коррекции.

Ключевые слова: методы восточной медицины, зависимые состояния, нейрофизиологические корреляты аддикций.

PRINCIPLES OF EASTERN PHILOSOPHY IN THE TREATMENT OF DEPENDENT STATES

Kim Hyun-soo.

North Korea, Pyongyang, Research Institute of Molecular Biology, Doctor of Medicine, Gjj Fjjj, yuff367@yandex.ru.

Annotation. Eastern medicine is characterized by a holistic perception of a person, in the unity of his soul and body. In the treatment of dependent states, methods that restore the integrity of a person are widely used. At the same time, Eastern medicine does not deny pathophysiological changes in dependent states, but, on the contrary, offers methods for their correction.

Key words: methods of oriental medicine, dependent states, neurophysiological correlates of addictions.

Восточные методы при лечении зависимых состояний выдержали многовековую конкуренцию и доказали свою эффективность. Эти методы в своей основе имеют различные способы воздействия на организм, но их объединяет одно общее – они стимулируют процессы саморегуляции. Человек рассматривается как открытая саморегулирующая система с полярным противовесом процессов напряжения и расслабления, которые находятся в здоровом организме в динамическом равновесии. При этом каждый человек индивидуален по функциям и требует особого подхода, основанного на комплексе диагностических признаков. В идеале и западный официальный подход призывает к этому. Но если в традиционной восточной медицине был отработан тонкий механизм определения состояния человека по сотням

признаков, существовала система обучения специалиста, то официальный западный подход делает ставку на другие критерии – обследование больного с помощью технических средств и различных по инвазивности инструментальных методов. В результате исчезает холистическое восприятие человека, исчезает искусство глубокого анализа, и утрачиваются скрытые резервы, которые и должны обеспечивать высокий терапевтический результат.

В Китае, КНДР, Японии и других странах Азии происходит слияние европейской и национальной медицины, которое уже сейчас приносит положительные результаты. Формируется медицина, в том числе наркология, нового уровня, с иными качественными характеристиками. Применение народных принципов и методов в наркологии приводит к уменьшению наркотической доминанты и освобождению от алкогольной или наркотической зависимости. Специфический массаж, мануальная терапия, иглотерапия способны нормализовать энергетический баланс у зависимого человека, вскрыть его внутренние ресурсы и помочь справиться с зависимостью.

Определение типа больного, его природы, его отношения к стрессу, его стрессоустойчивости является одним из основных и начальных этапов его лечения. Обучение не сопротивляться напряженным ситуациям, не бояться их, а приветствовать их и использовать в своих целях. Входить в ситуацию, использовать ее для борьбы. Человек обладает огромной энергией, и чем больше он ее использует, тем больше он ее получит.

Восточные психотехники, стимулирующие воображение, конструктивное, творческое представление того, к чему нужно стремиться, когда напряженность – это просто возможность. Воображение сфокусировано на подлинном, оно вольно творит в пределах настоящего. Специальные практики глубокого расслабления на трех уровнях – тела, ума, сердца – поднимают пациента на огромные высоты. Расслабление является одним из самых сложных явлений – очень насыщенным, многомерным. Обучение расслаблению в стрессовой ситуации позволяет больному справиться с зависимостью и не использовать алкоголь или наркотики в качестве универсального средства от стресса.

С точки зрения «западной» медицины и физиологии, можно предположить, что при зависимых состояниях направление коррекционных мероприятий должно касаться нормализации межполушарных взаимоотношений с усилением функциональной активности левого полушария головного мозга, тренировки осознанности и отреагированности негативных эмоций, нормализации согласованной деятельности полушарий мозга. Это мнение подкрепляется исследованиями М.Г. Чухровой и соавт. (2014), где показано, что патопсихологические качества аддиктов, такие, как алекситимия, неконструктивные психологические защиты, деформация поведения как сформированный стереотип ответа на эмоциональный конфликт, - имеют нейрофизиологические корреляты. Среди испытуемых со склонностью к аддиктивному поведению отмечено значительное увеличение левых профилей моторной и сенсорной функциональной асимметрии мозга наряду с

преобладанием правополушарной стратегии решения вербальных и зрительно-пространственных задач. Выявлено уменьшение латеральных различий функциональной асимметрии мозга, усиление функциональной активности правого полушария при сниженной функциональной активности левого полушария и слабой согласованной деятельностью полушарий головного мозга, что сопровождается нарушением передачи эмоциогенной информации из правого полушария в левое и проявляется в инверсии эмоционального отражения. Инверсия эмоционального отражения приводит к затруднению осознаваемости эмоционального напряжения и появлению эмоциогенного пищевого поведения. Показано, что нарушение согласованной деятельности полушарий мозга и инверсия эмоционального отражения приводят к сосредоточению на определенном круге аддиктивных переживаний, связанных с повышенной потребностью в приеме пищи и избыточной массой тела. Некоторые восточные техники помогают устранить эти нейрофизиологические паттерны и добиться редукции инверсии межполушарного переноса эмоциональной информации, т.е. усилить «осознанность» своего поведения наркозависимыми и алкозависимыми личностями.

Библиографический список:

1. Чухрова М.Г., Леутин В.П. Аддикция: зависимое поведение: Монография. Издание 2-е. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2014. – 251 с.

СОЗДАТЬ ЗАВИСИМОСТЬ, ИЛИ ДОКТОР, КАК ПРИЧИНА БОЛЕЗНИ

Кривошеков Михаил Анатольевич.

Россия, г. Новосибирск, ФГБУ ВО Новосибирский государственный педагогический университет, студент факультета психологии, Sirin1985@mail.ru.

Аннотация: В статье проводится анализ возникновения и течения зависимых состояний с точки зрения гормонально-стрессорных реакций. Под этим же углом зрения рассматривается возникновение зависимости от психотерапевта, что является альтернативой первичной зависимости.

Ключевые слова: аддикция, положительный и отрицательный стимул, психотерапия, окситоцин, дофамин, адренокортикотропный гормон.

CREATE A DEPENDENCY, OR THE DOCTOR AS THE CAUSE OF THE DISEASE

Krivoshchekov Mikhail Anatolevich.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, student of the Faculty of Psychology, Sirin1985@mail.ru.

Abstract. The article provides an analysis of the occurrence and course of dependent states from the point of view of hormonal and stress reactions. From the same point of view, the emergence of dependence on a psychotherapist is considered, which is an alternative to primary dependence.

Key words: addiction, positive and negative stimulus, psychotherapy, oxytocin, dopamine, adrenocorticotrophic hormone.

Изучение возникновения и течения зависимостей особо актуально в современной действительности, где борьба с зависимым поведением выходит на первый план. По причине зависимости человек преждевременно теряет трудоспособность, здоровье или накопленные ранее богатства, как свои, так и семейные. При этом не стоит исключать и подростковую зависимость, которая не позволяет использовать все силы и ресурсы, которые пытается в нем взрастить государство, тратя большие средства на их развитие.

Рассматривая зависимости, как феномен, мы можем разделить их на химические или психологические, причем любое из данных разделений будет условным. В любых формах зависимости присутствует дофамин, как биохимический компонент, что подразумевает рассмотрение всех зависимостей через биохимические процессы, определяющие психологическую реакцию. Отличие заключается только в том, что при химической стимуляции выброса

гормона, он перестает вырабатываться в организме, что вполне естественно, так как для организма не имеет значения, как происходит стимуляция [11].

Каждая зависимость проходит несколько стадий: предрасположенность к зависимости, измененное состояние, привыкание к измененному состоянию и перевод его в двигательный стереотип. Используются ли препараты дополнительной стимуляции или их роль заменяет человек, стимул или вещь не так важно, так как механизм всегда работает по определенной схеме [4].

Первым этапом выступает предрасположенность, при этом мы не будем рассматривать генетическую, так как она имеет наименьший удельный вес среди всех возможных причин зависимого поведения. Основная модель предрасположенности к зависимости закладывается в детстве, путем копирования поведения значимого взрослого, либо через социальную стимуляцию данной зависимости. Так, например, при алкогольной зависимости ребенок стремится копировать поведение взрослого, у которого настроение и прием ПАВ тождественны в особые дни, праздники. Вторым стимулом будет выступать социальное стремление взросления и повторение поведения взрослого среди значимых людей из близкого окружения, например, друзей. Также важно отметить завуалированную пропаганду использования алкогольной и наркотической продукции, транслируемой через телевидение, передаваемой в анекдотах и считающейся частью традиции.

На втором этапе человек впервые сталкивается с чем-то, вызывающим скачок дофамина и последующее привыкание. При этом зачастую это происходит под влиянием социальных стереотипов. Например, для мальчика считается престижно иметь сексуальные отношения со множеством партнерш, при этом новые партнерши вызывают новый дофаминовый всплеск, которые впоследствии закрепляются до двигательного стереотипа. На этом этапе важно, насколько ситуация является новой, и стрессовой, так как новизна запускает выброс окситоцина, а стресс - плеяду гормонов участвующих в памяти, таких, как АКТГ (адренокортикотропный гормон) и вазопрессин [4]. При этом окситоцин, оставляя ощущение доверия к воздействию, либо фигуре, стирает о ней память, АКТГ – закрепляет состояние в памяти, а вазопрессин, разделяет фигуры на свои и чужие [6]. Происходит разделение фигур на свои, которые делаем счастливыми и чужие, которые за это счастье наказывают. То есть мы можем наблюдать ситуацию, когда зависимое поведение и социальное окружение его пропагандирующее становится положительным, а семья, осуждающая данное положение отрицательным [10]. По сути, именно на этом этапе мы и обнаруживаем любовную зависимость, которая сохраняет первый образ, стирая его плохие черты, в результате получая идеальный объект, который в дальнейшем и ищется в других людях.

Третьим этапом происходит закрепление зависимого поведения до двигательного стереотипа [8]. Стимуляция дофамина на этом этапе происходит за счет внешней стимуляции, так как внутренняя выработка затруднена, что делает человека зависимым от внешних химических, биологических или виртуальных стимулов. На данном этапе человек, обретает свою целостность и

изначальные биологические параметры только за счет дополнительной стимуляции извне. Как пример, можно привести йод, который не вырабатывается в организме, но при этом требуется для его (организма) существования.

После схематического описания возникновения зависимого поведения, нам следует рассмотреть работу психотерапевта, чтобы понимать, чем же занимается доктор, организующий лечение. И тут мы сталкиваемся с большим количеством направлений, разделенных Корвасарским на три большие группы: динамическое, КПТ (Когнитивно-поведенческая терапия), гуманистическо-экзистенциальное направление [5]. Динамическое направление использует противостояние, как жизненный двигатель и видит нарушение в конфликте между не осознаваемым и требуемым. КПТ, работает через преобразование нежелательного поведения или когнитивной особенности в желательное, а гуманистическое направление считает, что человек сам знает, как должно произойти его излечение. Каждое из направлений использует свои методики и техники, но есть ряд особенностей во взаимодействии клиента и психотерапевта.

При первоначальной встрече устанавливается рапорт между клиентом (пациентом) и психоконсультантом или доктором. Достигается это либо за счет эмпатического слушания, в гуманистическом направлении, либо через копирование, как в НЛП. В динамическом направлении данная процедура упускается и заменяется либо на анамнез человека и окружения, как в лично-ориентированной терапии Корвасарского, либо вообще игнорируется, как в психоаналитических направлениях.

Что же происходит при установлении рапорта? Данная методика, если она проводится впервые, запускает тот же механизм, что и при второй стадии зависимости, то есть под воздействием окситоцина стимулирует выброс стрессовых гормонов. Это приводит к «стиранию» информации, кроме доверия к консультанту, которое закрепляется в памяти через АКТГ, и череду повторений при дальнейших встречах. Именно поэтому мы видим возникновение зависимости от терапевта в тех школах, которые используют длительный курс лечения и меньше в краткосрочных сессиях, как в НЛП-направлении.

Далее идет разбор травмирующей ситуации, исключая КПТ, которая не фиксируется на самой проблеме. При это мобилизируются механизмы, ответственные за память тремя путями, через повторение, через положительную стимуляцию, либо через стрессовое воздействие. По сути, закрепляется травма, если она еще не была закреплена. При этом закрепленное ранее доверие никуда не уходит, поэтому клиент действительно верит, что данная процедура производит лечение. Г. Айзенк приводил данные, которые говорят о том, что помимо КПТ ни одно из направлений не приводит научные статистические данные по эффективности [1]. Данное утверждение, правда, относится к психологии 20-го столетия, в современное время появляются

данные по разным психотерапевтическим школам и направлениям, но их по-прежнему меньше, чем используемых для лечения средств.

Далее происходит решение заявленной проблемы, при этом ряд школ находит еще и новые проблемы, закрепляет их у клиента, по возможности решает, удлиняя нахождение пациента, продлевая количество сессий [1]. При этом если решение проблемы было удачно, то зависимость от психолога закрепляется вследствие дофаминовой стимуляции. Если же проблему решить не удалось, то ищется та проблема, которую возможно решить, либо на которую можно переложить решение. При этом реальность вторичных проблем никто обычно не проверяет. Так, мы имеем детские травмы, травмирующие модели воспитания, конфликты интересов, несовпадения характеров, астрологическую синастрию и прочие интересные проблемы, вместо изначальной.

Сама же зависимость закладывается на первом этапе, на котором идет подстройка под клиента. По сути, мы можем сравнить это с цыганским гипнозом, в результате которого человек начинает выполнять определенные, нужные гипнотезеру действия. Отличия заключаются только в том, что психотерапевт действительно уверен в том, что он лечит пациента, и даже видит результаты своей работы. Правда никто не проверял тот факт, что при повышенном доверии любое внушение имеет гипнотическую силу [2].

Мы получаем ситуацию, при которой отрицательный стимул, который клиент получал в социуме, конвертируется психологом при помощи положительной стимуляции в зависимость. Разбирая отличия в стимулах, можно сказать, что отрицательный стимул ведет к обману, а положительный к запоминанию, через дофаминовую систему и перенесение поведения в двигательный стереотип. При этом, если у психолога клиент получает положительную стимуляцию, а за пределами его кабинета отрицательную, то он снова и снова будет приходить туда, где ему хорошо. Как мы видим, в современной действительности проблемы, с которыми клиенты обращаются к психологу, дробятся на более мелкие, с которыми они ранее могли справляться самостоятельно, что говорит о зависимом поведении и поиске причины для посещения терапевта.

Заключение. Психолог, наряду с другими факторами жизни, может выступать как объект зависимости, при использовании техник, на это направленных. Так, эмпатическое слушание и подстройка по позе создавались для вызывания доверия у клиента. Доверие формируется через окситоцин и закрепляется через стрессовые гормоны. В результате сам психолог становится предметом зависимости, на который переключается клиент, заменяя одну проблему на другую. При этом мы не можем говорить, что в этом есть негативный эффект, все зависит от того, как психолог распорядится данной ситуацией.

Научный руководитель: д.м.н. Чухрова М.Г.

Библиографический список.

1. Айзенк Г. Ю. Парадоксы психологии/ Ганс Айзенк – М: Эксмо, 2009. – 352 с.
2. Бехтерев В. М. Тайна мозга: гипноз и внушение. – М: Издательство АСТ, 2019. – 320 с.
3. Благосклонская Я.В., Шляхто Е.В., Бабенко А. Ю. Эндокринология: учебник для медицинских ВУЗов. – СПб: СпецЛит, 2012. – 421 с.
4. Жуков Д.А. Биологические основы поведения. – М.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр прессы», 2004. – 540 с.
5. Карварсарский Б.Д. Психотерапия. – СПб: Питер, 2000.
6. Кветной И.М., Вездесущие гормоны. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 190с.
7. Кветной И.М., Сенсационные открытия современной биомедицины/ И.М. Кветной – М: издательство АСТ, 2016. – 284с.
8. Курпатов А. Красная таблетка: посмотри правде в глаза/ А. Курпатов – М: Издательство Капитал, 2019. – 352с
9. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. – М: Книга по требованию, 2013. – 426 с.
10. Старшенбаум Г.В. Энциклопедия начинающего психолога. – М: издательство АСТ, 2018. – 432 с.
11. Таганович А.Д. Патологическая биохимия / А.Д. Таганович, Э.И. Олецкий, И. Л. Котович. – М: издательский дом БИНОМ, 2019. – 448 с.
12. Чухрова М.Г., Леутин В.П. Аддикция: зависимое поведение: Монография. Издание 2-е. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2014. – 251 с.

ФАКТОРЫ РИСКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ У ОПИЙНЫХ АДДИКТОВ

Пронин Сергей Владимирович.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», кандидат медицинских наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии, pronin53@gmail.com.

Аннотация. Выявлены возрастно-половые аспекты, влияющие на рисковое поведение, связанное с возможностью ВИЧ инфицирования у опийных аддиктов. Существенное влияние оказывает уровень депрессии, наличие последствий черепно-мозговой травмы, структура потребления психоактивных веществ. В практике психотерапевта рекомендуется уже при проведении первичного интервьюирования выявлять факторы поведенческого риска, влияющие на возможность инфицирования, связанного с сексуальной активностью и приемом наркотиков.

Ключевые слова: опийная наркомания, ремиссия, сексуальное поведение, ВИЧ-инфекция.

RISK FACTORS OF BEHAVIOR IN OPIUM ADDICTS

Pronin Sergey Vladimirovich.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Victimology, pronin53@gmail.com.

Annotation. Age and gender aspects that influence risk behavior associated with the possibility of HIV infection in opium addicts have been identified. The level of depression, the presence of the consequences of traumatic brain injury, and the structure of psychoactive substance use have a significant impact. In the practice of a psychotherapist, it is recommended to identify behavioral risk factors that affect the possibility of infection associated with sexual activity and drug use already during the initial interview.

Key words: opium addiction, remission, sexual behavior, HIV infection.

Актуальность исследования. Низкая мотивация необходимости контроля за своим здоровьем у лиц, находящихся в устойчивой ремиссии по отношению к наркотикам, неизбежно приведет к быстрому «выгоранию» иммунитета, и как результат ранней инвалидности и смертности, связанной с иммунодефицитными состояниями (ВИЧ и т.п.), коморбидностью - гепатит В-С, последствия черепно-мозговых травм (ЧМТ), психическими нарушениями, депрессии, приводящей к снижению уровня иммунного реагирования [1, 2, 3].

Очень верно отражает ситуацию фраза С. Пила, что химическая аддикция базируется на опыте, который наркотик дает человеку, и месте, которое этот опыт занимает в жизни человека. Все, что дает сравнимый опыт, может также вызвать аддикцию (Peele S., 1981).

Выделяются следующие факторы рискованного поведения - гомосексуализм; потребители внутривенных наркотиков и их партнеры; лица, имеющие многочисленные гетеросексуальные контакты с разными партнерами; низкий уровень использования кондомов (J. Mental health AIDS, Volume 7, Issue 3 – Spring 2006). В своем обзоре J. Schneider и R. Irons (2001) приводят результаты различных исследований о сосуществовании сексуальной и химической аддикции, которая может достигать 45% среди ВПН.

По данным М.А. Rodriguez [et al.] (2006) поведение, ассоциируемое с приемом наркотиков, является одним из ведущих факторов риска ВИЧ инфицирования, где 76 % это мужчины и из них 56 % ВПН. Прослеживается ассоциирование гепатита С, сифилиса и ВИЧ среди ВПН. Отмечены серопозитивные реакции на ВИЧ у 14 %, сифилис 8 %, антитела к вирусу гепатита С – 67 % в Москве; 3 %, 20 %, 70 % в Волгограде; 9 %, 6 %, 54 % в Барнауле и 30 % в Санкт-Петербурге (Rhodes T. et al., 2006; Shabolts A.V. et al., 2006). В Новосибирске, по данным Е.Ф. Бочарова (2015) наблюдается активизация полового пути передачи ВИЧ инфекции.

Критерии включения пациентов в исследование. Диагноз, зависимость от наркотиков опиоидного ряда установленные в соответствии с критериями DSM-IV TR и ICD-X. Структура исследования включала оценку мотивации пациентов необходимости контроля за своим здоровьем, коморбидности – гепатит В-С, ЧМТ и сексуальной активности. Оценивалась структура потребления ПАВ, готовность к лечению и влияние программ лекарственной коррекции опиоидного абстинентного синдрома (ОАС) на рискованное поведение.

Нами отрабатывались следующие гипотезы: 1) на положительную установку профилактики вредных последствий у опиоидных аддиктов может влиять их возраст, пол, длительность наркотизации и тип используемых психоактивных веществ (ПАВ); 2) сексуальная активность снижается при депрессивных самооценках.

Общая характеристика пациентов. Участвовало в опросе 350 мужчин, возраст $26,4 \pm 4,7$ лет ($M \pm SD$) ($P=0,0001$). Начало наркотизации $20,6 \pm 4,3$ лет ($P=0,041$). Женщин 70 ВПН, где возраст $23,7 \pm 4,0$ лет, начало наркотизации $19,5 \pm 3,6$ лет.

Результаты исследования. Нами были выявлены гендерные и возрастные различия в поведенческом реагировании на готовность к лечению. Чаще нейтральное, безразличное отношение у мужчин. У женщин, наоборот, отрицательная установка. Позитивная мотивация необходимости лечения у мужчин отмечается после 28, а у женщин 23 лет.

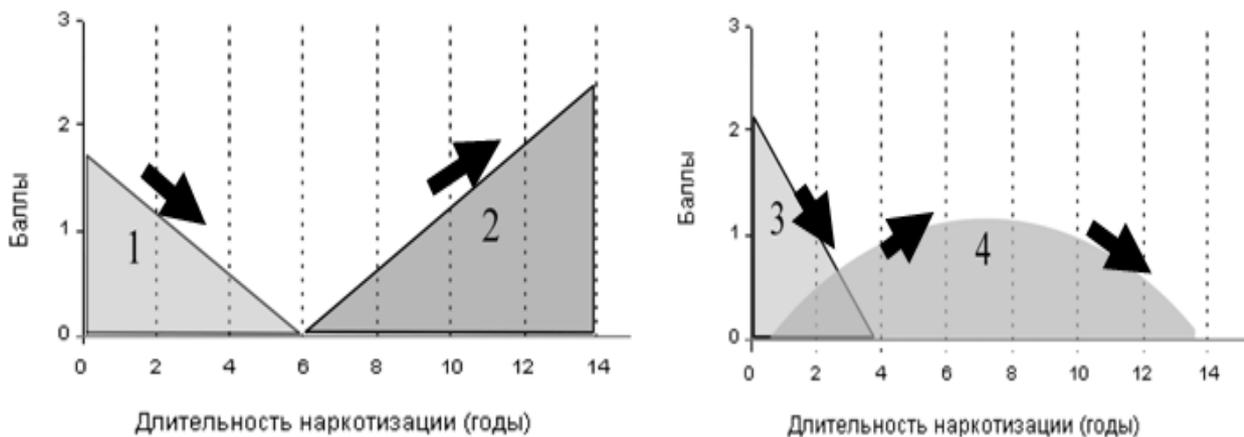

Рис. 1 Либи́до (ось ординат) в зависимости от длительности наркотизации у ВПН (ось абсцисс).

Условное обозначение вариантов рискового поведения:

«1» - пациенты отмечали в анамнезе гепатит В-С+ЧМТ;

«2» - «стажированные» без коморбидности;

«3» - был отмечен гепатит В-С;

«4»- в прошлом были ЧМТ.

Для удобства отражения на рисунке не представлена динамика депрессивных оценок. Стрелками показаны тренды рискового поведения.

Выделены (рис.1) четыре варианта рискового поведения связанные с сексуальной активностью. «Стажированный» - обозначен на рисунке цифрой «два», соответствует выдвинутой гипотезе, снижение депрессивных самооценок приводит к росту сексуальной активности ($P=0,0001$). Самое удивительное здесь, что такая взаимосвязь начинает проявляться через 5-6 лет наркотического «стажа» и это увеличивает риск ВИЧ инфицирования.

Следующие варианты поведения – усиление сексуальной активности на фоне явно высоких депрессивных самооценок отмечены у лиц перенесших ЧМТ – обозначен на рисунке цифрой «четыре», которая может быть достаточно высокой весь период наркотизации. Это же наблюдается и у пациентов, отмечавших в анамнезе перенесенные гепатиты В-С на рис.1 цифра «три» ($P=0,0001$), где риск ВИЧ инфицирования достоверно выше и равен $OR=2,5-4,4$ (Norah A., 2002). На первый взгляд это идет в разрез с контекстом традиционной точки зрения, согласно которой депрессия всегда сопровождается снижением либидо. Хотя по наблюдениям J. Vancroft (2004) у 15% гетеросексуалов и 25% гомосексуалов депрессия может вызывать усиление сексуального влечения.

При сравнении влияния структуры потребления, например, между героином и кустарными опиатами, не выявлено отличий в рисковом поведении. Этот феномен можно объяснить «химической» всеядностью героиновых наркоманов. Хотя считается, что у потребителей кустарных опиатов («ханки», «химки» и т.п.) он должен быть выше, т.к. приготовленный наркотик берется

шприцами разных наркоманов из одной чашки, короткий период действия – увеличивает частоту приема наркотика в течение дня соответственно и риск ВИЧ инфицирования.

Сочетанное употребление приема героина и алкоголя влияет на такой поведенческий аспект, как признание необходимости и готовность начать лечение, где прием алкоголя в три раза чаще приводит к отказу от столь нужной медицинской помощи ($P=0,18$). По данным Роусона с коллегами (Rawson et al., 2002), которые сравнивали компульсивную сексуальную активность при приеме различных ПАВ, обнаружили, что стимуляторы и алкоголь в большей степени, чем опиаты, способствуют проявлениям сексуальной аддикции.

В абстинентный период психопатоподобное поведение в 2,4 раза чаще отмечается у женщин и может проявляться предложением сексуальных услуг, чтобы заработать на наркотики.

В заключении важно подчеркнуть, что выявляются возрастно-половые аспекты, влияющие на рисковое поведение, связанное с возможностью ВИЧ инфицирования у опийных аддиктов. На это существенное влияние оказывает уровень депрессии, наличие последствий ЧМТ, структура потребления ПАВ. На основе полученных данных можно рекомендовать в практике психотерапевта уже при проведении первичного интервьюирования выявлять факторы поведенческого риска, влияющие на возможность инфицирования, связанного с сексуальной активностью и приемом наркотиков. Необходимо прояснить у пациента роль факторов, снимающих «тормоз» страха перед риском инфекций, передающихся половым путем. В данном случае знание внутренних причин ненормативного поведения и динамики его развития позволяет не только влиять на него, но и формировать позитивную мотивацию контроля за своим здоровьем у пациента в контроле, и препятствовать иммунному «выгоранию».

Библиографический список.

1. Бохан Н.А. Нейробиологические проблемы изучения аддиктивных расстройств (обзор региональных исследований // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2010. – № 1 (48). – С. 59–63.
2. Кабанов М.М. Реабилитация психических больных. – СПб.: Медицина, 1978. – 232 с.
3. Чухрова М.Г., Дресвянников В.Л., Маркова Е.В. Наркотическая зависимость: современные стратегии исследования (научная монография). – Saint-Louis, Missouri, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2015. 218 p.

ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Бурундукова Виолетта Александровна.

Россия, Новосибирск, ГУФСИН России по Новосибирской области, начальник психологической службы ГУФСИН России по НСО, psihologi_nsk@mail.ru.

Тынс Алена Валерьевна.

Россия, Новосибирск, ГУФСИН России по Новосибирской области, старший аналитик психологической службы ГУФСИН России по НСО, psihologi_nsk@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности преступности несовершеннолетних, и на этом основании ставится проблема изучения тех факторов и условий, а также динамики подростковой преступности, намечаются профилактические и коррекционные подходы.

Ключевые слова: делинквентное поведение, преступность несовершеннолетних.

FEATURES OF JUVENILE DELINQUENCY IN MODERN CONDITIONS

Burundukova Violetta Alexandrovna.

Russia, Novosibirsk, GUFSSIN Russia across the Novosibirsk region, head of psychological service GUFSSIN of Russia on NSO, psihologi_nsk@mail.ru.

Tins Alena Valerievna.

Russia, Novosibirsk, GUFSSIN of Russia for the Novosibirsk region, senior analyst of the psychological service of the GUFSSIN of Russia for the NSO, psihologi_nsk@mail.ru.

Annotation. The article deals with some features of juvenile delinquency, and on this basis, the problem of studying those factors and conditions, as well as the dynamics of juvenile delinquency, and outlines preventive and corrective approaches.

Key words: delinquent behavior, juvenile delinquency.

Понятие подростковой преступности охватывает возрастную группу от 14 до 18 лет, поскольку уголовная ответственность, согласно Законодательству, наступает с 14 лет, а совершеннолетие – с 18 лет.

С сожалением можно констатировать, что подростковая преступность в нашей стране не имеет устойчивых трендов к снижению. Это обусловлено рядом социальных, психологических, экономических и педагогических причин. Большинство делинквентных подростков, состоящих на учете в

правоохранительных органах (до 80%, по нашим данным) живет в неблагополучных семьях, что в свою очередь, связано с плохими жилищными и материальными условиями, напряженными отношениями между членами семьи и низкой заботой о воспитании детей [1]. Дети не учатся, ничем не заняты, у них не организован досуг, ими никто не занимается, и они с легкостью попадают в преступные группировки, где ощущают свою нужность и внимание со стороны старших. Среди несовершеннолетних правонарушителей довольно много лиц, которые, хотя и являются вменяемыми, имеют определенные отклонения от нормы. Например, по данным М.М. Коченова, судебно-психологического эксперта, почти 60% из них имеют какие-то отклонения в психике: умственную отсталость, психопатизацию, педагогическую запущенность. Среди психически здоровых юношей преступность в 1,7-2 раза ниже, чем у олигофренов, и в 15-16 раз ниже, чем у психопатов [2]. При этом, вне сомнения, наличие психической патологии вовсе не способствует делинквентному поведению, если подросток находится в благоприятной среде.

В настоящее время события, которые происходят в мире, нестабильность, миграция, неуверенность в завтрашнем дне, деформация жизненных ценностей привела наше общество к серьезным последствиям. Одним из которых стало омоложение преступности. Если 15 лет назад среди преступлений, совершаемых подростками в возрасте от 10 до 14 лет, преобладали мелкие кражи и хулиганские действия, не направленные против личности (порча общественного имущества), то рост агрессивных тенденций в подростковой среде – реальность нынешнего времени. Молодежная преступность возросла в 1,5 раза, а подростков – почти в два раза. Обращает на себя внимание факт увеличения числа преступлений, влекущих тяжкие телесные повреждения.

Как показывают наши исследования, большинство преступлений совершаются подростками вблизи их места обитания, если можно так выразиться: в образовательных учреждениях (школах, техникумах), в подвалах домов, на заброшенных стройках. В общественных местах несовершеннолетние могут учинять хулиганские действия и массовые беспорядки, как болельщики различных футбольных команд. Грабежи, разбои, причинение вреда здоровью или иные преступления против личности, нападения на граждан совершаются обычно в вечернее время, а кражи, ограбления, кражи из квартир, угоны автомобилей, торговля наркотиками, половые преступления - могут совершаться и в дневное время суток. Жертвами преступных посягательств несовершеннолетних нередко становятся их знакомые из числа сверстников или младших по возрасту детей. Это могут быть соседи по дому, одноклассники, ученики младших классов в школе. В отношении этих категорий потерпевших обычно совершаются преступления против личности, изнасилования, вымогательство. Жертвами уличных нападений (грабежей и разбоев) становятся незнакомые люди, однако потерпевшими, как правило, являются наименее защищенные категории граждан, которые не могут оказать сопротивление, – одинокие прохожие, женщины, пожилые люди, лица в

состоянии алкогольного опьянения. Предметами преступных посягательств несовершеннолетних могут быть продукты питания, алкоголь, одежда, предметы бытовой техники – телефоны и т.п. При этом наблюдается вандализм, порча имущества, разрушительные действия. Зачастую преступления совершаются в состоянии алкогольного опьянения.

Тревогу вызывает тот факт, что подросток, совершивший правонарушение и отбывающий наказание в колонии для несовершеннолетних преступников, попадая затем в колонию для взрослых преступников, навсегда усваивает преступную идеологию, и с большой долей вероятности вновь попадет на преступный путь. Вместе с тем, подростковый возраст и психика подростка пластичны, и при правильной коррекционной и профилактической работе могут быть обнадеживающие результаты. Для психолога важно выяснить, какой личностный смысл имело совершение того или иного преступления для подростка. Часто подросток действует в составе преступной группы, поддаваясь общему влиянию или прямым приказам старших криминальных товарищей, и не имеет возможности, моральных сил или навыков отказаться от совершения преступления. Зачастую подросток подвергается шантажу. Т.е., неокрепшая подростковая психика успешно эксплуатируется криминальными элементами, и в дальнейшем, в местах лишения свободы, эта эксплуатация продолжается.

Можно выделить три этапа вовлечения подростка в преступную группу. На первом этапе подросток приобретает статус человека низшего ранга, который при желании может стать «своим» в преступной группе с искаженным представлением о моральных и нравственных нормах. При этом он охвачен вниманием, им интересуются «авторитеты», он получает то, чего лишен в семье и социуме

На втором этапе постигаются определенные криминальные знания и умения как теоретического, так и практического характера. Подростка наталкивают и провоцируют на совершение преступлений, подстраивая специально для него криминальные ситуации, зачастую используя шантаж.

Третий этап формирует в подростковом сознании убежденность в том, что криминальный способ существования – единственно правильный и возможный, наиболее легкий и эффективный. Окончательно устраняются из сознания принципы коллективного существования в социуме: необходимость учебы, работы, семьи, привязанностей. Жизнь одним днем, получение удовольствия и материальных благ противозаконным путем – это признак доблести, успеха и счастливой жизни.

Четвертый этап закрепляет в сознании подростка негативное отношение общества к криминальному образу жизни, происходит противопоставление себя и общества, что усугубляет сложившийся стереотип криминального поведения, «легкой» жизни, утверждается в сознании низкая ценность человеческой жизни и своей собственной, вследствие чего пропасть между нормальным и криминальным образом жизни все больше усугубляется.

Таким образом, анализ особенностей и причин противоправного поведения несовершеннолетних требует изучения не только их личностных качеств, но и факторов социального окружения, в которых формировался несовершеннолетний, условий, в которых происходило становление его ценностно-нормативной сферы. При этом следует отдавать себе отчет, что деформированные нравственные нормы, заложенные в душу подростка с раннего детства путем подражания, действующие на уровне подсознания, искореняются с большим трудом, при филигранной работе психолога, с использованием и индивидуальных, и групповых методов работы, и в сочетании с коррекцией социального окружения, что крайне сложно.

Библиографический список.

1. Клинические и психологические факторы прогноза и превенции агрессии у осужденных: методические рекомендации / Н.А. Бохан, С.И. Гусев, С.А. Иванова, В.А. Гаврилова, О.И. Трифонов, М.В. Трофимова. – Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2012. – 40 с.
2. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. – М.: Генезис, 2010. – 352 с.

РЕБЕНОК В ПРОСТРАНСТВЕ СЕМЬИ

Миланков Мирьяна.

Сербия, Нови Сад, Национальный центр профилактики травматизма и безопасности, президент и основатель, профессор, MD, PhD, drmirjana.milankov@gmail.com.

Аннотация. Автор является одним из руководителей и членом Международной сети безопасных сообществ – одного из важнейших профилактических проектов Всемирной Организации Здравоохранения. В статье обращается внимание на разрушение традиционной семьи в современной Европе и высказывается тревога в отношении подрастающего поколения, которое лишено нормальной социализации.

Ключевые слова: безопасные сообщества, семья, разрушение института семьи.

CHILD IN THE SPACE OF THE FAMILY

Mirjana Milankov.

Serbia, Novi Sad, President and founder National Center for Injury Prevention and Safety Promotion International Safe Community Support Center European Safe Community Network Global Network Associate Safe kids Worldwide OMEP Serbia, Professor, MD, PhD, drmirjana.milankov@gmail.com.

Annotation. The author is one of the leaders and a member of the International Network of Safe Communities, one of the most important prevention projects of the World Health Organization. The article draws attention to the destruction of the traditional family in modern Europe and expresses concern about the younger generation, which is deprived of normal socialization.

Key words: safe communities, family, destruction of the family institution.

Especially significant for a person are his interpersonal relationships with a close circle of people, that is, with his family. All the changes taking place in modern European society, of course, have an impact on the institution of the family and the nature of family relationships.

The modern European family is going through a complex systemic crisis, the consequence of which is the deformation of family relationships, the role functionality of each family member, and a change in the composition of the family. This leads to changes in the socialization processes of the younger generation. Family reproduction in developed European countries is reduced by 15-20% annually. The number of divorces is steadily increasing from year to year. The average length of family life has dropped sharply: every third marriage falls apart before it lasts even

five years. The problem of an “incomplete family”, on the one hand, is already a common fact, and on the other, it leads to serious consequences for children who are brought up in a deformed structure of the basic socialization system, which is the family. Social distancing of one of the agents of socialization - mother or father - leads to serious emotional problems in the child, such as the loss of basic trust in the world, self-doubt, and an unformed psychotechnical system of regulation. The child does not master the social-role male or female functional. Today in Serbia, every fourth child is brought up in a single-parent family, and in nine cases out of ten the father is absent. A new generation of men is growing up who simply have no idea how to play the role of husband and father, and women who do not have the skills of productive social interaction with a man. Also, the social status of the family is declining, the deformation of family foundations is observed, family traditions are lost, cultural transmission between generations is disrupted.

Disorder in family relationships creates a situation of critical functioning for each family member, which leads to their experience of stress and social frustration. Dissatisfaction with interpersonal family relationships is complemented by the need to interact daily with the rest of society, which today is characterized as a risk society. This fact aggravates the state of stress resulting from family trouble, which leads to a constant increase in anxiety, forcing people to resort to choosing non-constructive ways to reduce stress, choosing destructive roles. All this in a vicious circle increases the growth of general anxiety in society.

Children, as a social group, in this situation of general anxiety of the population, turn out to be the least protected, and as a result, vulnerable. First, they also experience a general anxiety that grows in society, faced with it not on the street, at school. In children's society, more and more often there is an indifferent attitude of children towards each other, and sometimes even extreme cruelty and a lack of tolerance towards their own kind, children's aggression.

Secondly, being in the system of disharmonious family relationships, which was induced by parents, children are exposed to the pathological influence of these agents of socialization. Parents with basic deficiencies such as lack of attraction, understanding, role competence are sometimes simply unable to build harmonious relationships with the personality of their child, which calls into question the whole process of ontogenetic socialization, transferring it into a victimogenic channel. The family space should provide a person with unconditional love, acceptance, respect, provide the trust necessary for social experimentation, the timely and full development of cognitive functions. If the child does not receive this, then he will most likely follow the path of deviant realizations.

СОХРАНЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Трошкина Ирина Николаевна.

Россия, Республика Хакасия, Абакан, Государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение Республики Хакасия "Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории", зав. сектором экономики и социологии, кандидат философских наук, i.troschkina2012@yandex.ru.

Аннотация. Автор обращает внимание на роль родного языка в формировании правокультурных ценностей и моральных норм, препятствующих девиациям. С утратой родного языка утрачиваются элементы этнической культуры, воспитывающие в человеке нравственные качества. Показано, что преобладающая часть респондентов признает хакасский родным языком (70,1 %), однако использовать родной язык для общения предпочитают лишь около половины из них (32,6 %). Автор предлагает программу повышения этнокультурных основ общества, как основу профилактики девиантного поведения.

Ключевые слова: хакасский язык, языковые предпочтения, этническая культура, социальная превенция девиаций.

PRESERVATION OF THE NATIVE LANGUAGE AS A FACTOR OF PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR (ETHNO-REGIONAL ASPECT)

Troschkina Irina Nikolaevna.

Russia, Republic of Khakassia, Abakan, State Budgetary Research Institution of the Republic of Khakassia "Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History", Head of the Department. Department of Economics and Sociology, Candidate of Philosophical Sciences, i.troschkina2012@yandex.ru.

Annotation. The author draws attention to the role of the native language in the formation of legal and cultural values and moral norms that prevent deviations. With the loss of the native language, the elements of ethnic culture that bring up moral qualities in a person are lost. It is shown that the majority of respondents recognize Khakass as their native language (70.1 %), but only about half of them (32.6%) prefer to use their native language for communication. The author offers a program to improve the ethno-cultural foundations of society, as a basis for the prevention of deviant behavior.

Keywords: Khakass language, language preferences, ethnic culture, social prevention of deviations.

Девиантное поведение характеризуется устойчивым отклонением в поведении от общепринятых норм, принятых в социуме. К негативной девиации относят: преступность, алкоголизм, наркоманию, табакокурение, проституцию, педофилию, вандализм, экстремизм, азартные игры, самоубийство и проч. Чаще девиантное поведение возникает в подростковом возрасте, когда отмечается особая пластичность оценки, восприятия действий и поведения, происходит становление мировоззрения [1].

Динамика девиантного поведения за двадцатилетний период XX в. в России по такому компоненту как преступность, свидетельствует о снижении количества отклонений от норм, при этом стабильно высокими остаются показатели социально значимых направлений (кража, незаконный оборот наркотиков, взяточничество). Особенностью динамики является изменение долей девиантов по возрастам – основное количество преступлений переходит от возрастной категории 18-24 года к 30-49, при общем снижении таковых показателей у всех возрастных групп [2]. Доминирование экономических преступлений, изменение возрастных показателей свидетельствуют об увеличении доли девиантов, осознающих свои поступки, которые направлены на улучшение своего экономического положения.

Одним из главных факторов, оказывающих влияние на динамику развития девиаций, является неустойчивость системы правокультурных ценностей и моральных норм, изменяющих вектор социализации [3]. Динамика ценностной основы общества от родственной, присущей индивидам с определенной этнической культурой, к чуждым нормам, приводит к смешению ценностных систем, воспитывающих в индивиде различные нравственные качества (добродетели / пороки). В связи с этим, особую научную значимость приобретает проблема выявления механизмов возрождения добродетелей, которые кроются в элементах этнической культуры.

Основными элементами этнической культуры являются: родной язык, общность территории, национальные традиции и обычаи, религия, общее историческое прошлое, национальная литература и народное творчество, национальная одежда, жилище и быт, общность характера и поведения и др., где родному языку отводится ведущая роль. Родной или материнский язык – это тот язык, который осваивается в порядке первой очередности естественным путем передачи знаний от родителей-носителей к детям. В некоторых случаях, когда речь ведется о социальной общности, материнский язык рассматривается как язык своего этноса, своей культуры. Усвоение родного языка эффективнее проходит в детском возрасте (до 5 лет) посредством имитации, повторения и практики.

Через понятийный аппарат, смысловые значения и иные компоненты родного языка происходит становление картины мира, сознания индивидов. В этой связи возникает необходимость в изучении роли родного языка для индивида. Нужно подчеркнуть, что в целом отмечается снижение числа носителей родных языков, при этом наличествует устойчивая тенденция

языковых предпочтений относительно выбора его в качестве родного-материнского [4].

На примере представителей хакасского этноса мы попытаемся рассмотреть вопрос роли родного языка [5]. Результаты исследования подтверждают положение о не соответствии показателей языкового поведения, оценки языковой компетентности респондентами и языковых предпочтений хакасов. Из 69,3 % опрошенных, оценивающих свое знание и владение языком, как достаточно хорошее, только половина (32,6 %) отличается активным языковым поведением (предпочитает общаться, читать газеты, журналы и книги на хакасском языке). В то же время значительная часть респондентов признает родным языком язык своего этноса (70,1 %).

Высокий статус показателя языкового предпочтения над иными связан с доминированием у этноса культурно-ценностного критерия языка над функциональным [6], значимой роли этнического маркера, выступающего в символической роли, когда для этноса становится важным само наличие родного языка, а не его знание и уровень владения им [7].

Иными словами, хакасский язык как фактор этнической самоидентификации, является ведущим, но не единственным компонентом, оказывающим влияние на этническое самосознание. Причиной повышения уровня этнического самосознания в тот или иной исторический период является сужение компонентов этнокультурной системы, приводящее к возрастанию роли исторической памяти, повышению этнической самоидентификации [8, 9].

Несмотря на высокие показатели значимости хакасского языка в качестве родного,стораживает позиция респондентов о признании ими родными русского и хакасского, а также только русского языков.

Преобладающая часть респондентов родным языком признает хакасский (70,1 %), четверть опрошенных – русский и хакасский (22,9 %), малая часть – русский язык (5,5 %) (рис. 1).

Очевидно, что признание двуязыковой основы, второго языка как родного-материнского, связано с недостаточным его уровнем знания. Средние отклонения показателей отмечаются у респондентов, не очень хорошо знающих, а также не знающих хакасский язык; 47,1 % опрошенных, признающих знание родного языка как не очень хорошее, склонны рассматривать двуязыковую основу родного языка, среди не знающих – позиции языкового предпочтения фактически равны между признанием русского (36,4 %) и русского-хакасского языков (38,2 %).

Основными критериями определения родного языка для респондентов явилось признание его языком своих родителей, на втором месте – «язык на котором я думаю», далее – «язык, который я лучше знаю», на последней позиции – «язык на котором я чаще разговариваю».

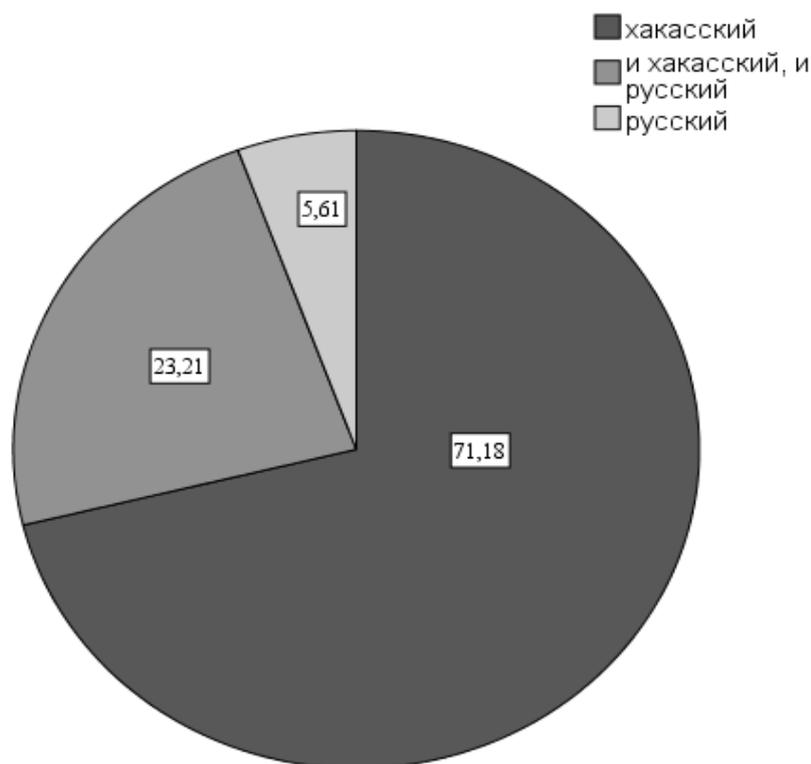

Рисунок 1. Соотношение опрошенных с разными типами языкового поведения, в % от ответивших

В связи с тем, что признание родным языком обусловлено в большей части историко-культурными основами этноса, то основными механизмами возрождения добродетелей, снижения уровня девиантного поведения, является повышение у респондентов активного языкового поведения, повышение уровня языковой компетенции, а также дальнейшее развитие этнокультурных основ общества.

Первоочередными мерами должны стать:

- расширение перечня общественных структур, занимающихся возрождением хакасского языка на местах;
- содействие в становлении и развитии сети самозанятых, малых средних и крупных семейных предприятий хакасов в местах их компактного проживания;
- установление, расширение экономических связей между носителями хакасского языка в регионе и за ее пределами (бизнес-сообщества и иные субъекты экономического процесса);
- формирование единого языкового информационного пространства;
- развитие подпрограммы по возвращению хакасов на свою историческую родину с созданием условий для языковой и этнокультурной адаптации мигрантов;
- формирование основ современного хакасского языка с учетом проникновения черт разговорного языка в литературу «высокого стиля» и др.;
- разработка адаптивной методологии преподавания хакасского языка;

- оказание научного, учебно-методического, материально-технического и информационного содействия образовательным организациям, осуществляющим преподавание хакасского языка, включая содействие в создании учебников и учебных пособий и др.

Библиографический список.

1. Кириченко Ю.Н., Медведев А.В., Платицын Р.А. Особенности девиантного поведения среди несовершеннолетних и пути его устранения // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых- 2019. Сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции. В 6-ти томах. Ответственный редактор А.А. Горохов, 2019. – С. 71.
2. Преступность по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/http://docs.cntd.ru/document/804956793> (дата обращения: 14.01.2021 г.).
3. Рахманин Р.А. Девиации поведения как объект системы социальной превенции в современном российском социуме: анализ теоретических концепций // Вестник АГУ. Выпуск 1 (254), – 2020. – С. 129.
4. Газимагомедов Р.И. Этническая идентичность и этнические ценности в массовом сознании городской молодежи Дагестана // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 1. – С. 22–26.
5. Лушникова О.Л., Трошкина И.Н., Шапошников Г.М. Отчет социологического исследования «Оценка этноязыковой ситуации в Хакасии», 2020. – С. 38.
6. Исраилова Л.Ю., Исраилова Л.Ю. Проблемы языкового предпочтения чеченцев-билингвов // *Lingua-universum*. – 2020. – № 2. – С. 73.
7. Харитонов В.Г. Культурные и языковые предпочтения населения республики: по данным социологических исследований // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 4.
8. Дробижева Л.М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX века (в конце 80-х - начале 90-х гг.) // Духовная культура и этническое самосознание. Вып. 2. М., – 1991. – С. 65–82.
9. Чухрова М.Г., Атаманова Г.И., Хомушку С.Д., Юдина С.Д., Чухров А.С. Этнокультуральный подход к превенции алкогольного потребления у тувинцев // Профессиональное образование в современном мире. – 2019, – т. 9, № 4. – С. 3346–3355.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Шнитов Роман Владиславович.

Россия, Новосибирск, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», студент 4 курса, romansnitov04@gmail.com.

Аннотация. Причинами нарастания тенденций терроризма являются: рост кризисных явлений, межэтнических конфликтов, неспособность общества регулировать сложные социально-политические и национальные процессы, стремительная смена систем ценностей и идеалов, включение в политические процессы широких масс населения, которым не хватает политической культуры. Путь насилия и террора воспринимается как «кратчайший» путь к цели.

Ключевые слова: терроризм, социально-психологические причины терроризма, экстремизм.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF MODERN TERRORISM

Shnitov Roman Vladislavovich.

Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management, 4rd year student, romansnitov04@gmail.com.

Annotation. The reasons for the growing trends of terrorism are: the growth of crisis phenomena, interethnic conflicts, the inability of society to regulate complex socio-political and national processes, the rapid change of value systems and ideals, the inclusion in political processes of the broad masses of the population who lack political culture. The path of violence and terror is perceived as the "shortest" path to the goal.

Keywords: terrorism, socio-psychological causes of terrorism, extremism.

Терроризм — это метод, используемый некоторыми организованными группами или политическими партиями для достижения своих целей. Терроризм основан на насилии. Характерной чертой терроризма является применение насилия не против врага, а против мирных людей, часто не подозревающих о политической конфронтации. Террористическая деятельность, в частности, включает захват заложников, угон самолетов, организацию уличных взрывов и т.д. Цель терроризма - причинить вред как можно большему количеству людей. Сторонники терроризма почему-то считают, что это привлекает внимание к их требованиям.

Дать определение терроризму сложно. Формы и методы террористической деятельности со временем существенно изменились. Это явление имеет стойкую негативную оценку, которая дает повод к произвольной интерпретации. С одной стороны, существует тенденция к неоправданно расширенной интерпретации, когда некоторые политические силы без достаточных оснований называют своих оппонентов террористами. С другой стороны, неоправданное сужение. Сами террористы обычно называют себя солдатами, партизанами, диверсантами в тылу врага и т.д. Отсюда трудности как юридического, так и общего теоретического понимания терроризма.

Терроризм имеет тенденцию нарастать именно в переходные периоды и этапы жизни общества, когда в нем создается определенная эмоциональная атмосфера, а нестабильность является главной характеристикой базовых отношений и социальных связей. Это благодатная почва для культивирования в обществе насилия и агрессии, которые часто становятся самодостаточными ценностями. Все это приводит к тому, что та или иная экономическая, этническая, социальная, религиозная или иная группа пытается навязать обществу свою волю, используя насилие как инструмент реализации своих стремлений.

Общество обычно определяет терроризм на уровне эмоций: в массовом сознании терроризм рассматривается как ужас, покушение на устои жизни, происки нелюдей. Показательно, что даже после московских взрывов власти часто называли террористов «тварями». Однако существует множество строгих определений терроризма.

Какие бы причины политического экстремизма и терроризма мы ни выделяли, необходимо прежде всего подчеркнуть, что современное общество переживает переходный период, который определяет поведение отдельных людей, всех важных социальных, этнических и профессиональных групп населения. В такой переходный период, тем более охваченный серьезным экономическим кризисом, в обществе объективно создаются условия социальной конфронтации, формируется особое состояние массового сознания, которое характеризуется неадекватной оценкой действительности. Преобладают настроения неуверенности, необоснованные ожидания, социальный страх, гнев и агрессия [1]. В этих условиях легко воспринимаются экстремистские требования социальных протестов. Когда к этому добавляется слабость государственной власти, ее неспособность обеспечить физическую безопасность личности и его собственности, быстро начинает распространяться культ насилия, и экстремизм в этих условиях становится неотъемлемой частью менталитета общества. В мире не проходит и дня, когда мы не становимся свидетелями того или иного теракта [5].

Реальность последних лет, конкретные террористические акты на территории России и других государств позволяют утверждать, что возникновение и развитие экстремизма и терроризма основывается на совокупности противоречий. Терроризм нельзя рассматривать вне экстремизма. Если мы попытаемся пойти по этому пути, то неизбежно можем допустить

серьезную фундаментальную ошибку: иллюзию возможности подавления терроризма, не затрагивая причин, порождающих его. Поэтому мы вынуждены рассматривать, прежде всего, причины возникновения политического и криминального экстремизма в целом и терроризма как его конкретной формы [12].

Среди обстоятельств, которые при определенных обстоятельствах могут стать причинами обострения терроризма в России и странах СНГ, в первую очередь можно упомянуть разрушение административно-командной системы. Парадокс заключается в том, что давний тезис о существовании терроризма в международных отношениях в капиталистических странах и только отдельных террористических актов в социалистических странах, несмотря на всю идеологизацию, во многом совпал с действительностью, поскольку мировой опыт общественного развития свидетельствует о том, что общество открытого демократического характера создает более благоприятные условия для террористической деятельности, чем административно-командная система с ее полным и жестким контролем, как за поведением отдельных лиц, так и, конечно, за функционированием всех социальных и политических институтов.

Из изложенного следует, что разрушение административно-командной системы и демократизация общества не только не приводят к «автоматическому» искоренению политического экстремизма и терроризма, но, напротив, может способствовать усилению влияния этих факторов в социально-политической жизни страны. Как правило, особенно уязвим с этой точки зрения переходный период, переживаемый в настоящее время Россией и странами СНГ и сопровождающийся распадом старых и формированием новых государственных структур, усилением элемента нестабильности, резким обострением противоречий. Следует отметить, что переходный период опасен с интересующей нас точки зрения утратой определенной частью российского общества определенных моральных и социальных ориентаций, которые нередко в истории приводили к стремлению решать проблемы с помощью насилия [11].

Особым обстоятельством, определяющим актуальность терроризма, является начавшаяся в постсоветский период глобальная перегруппировка политических сил в мире, сопровождающаяся переделом сфер влияния. В этой ситуации Россия стала предметом внимания большинства ведущих стран мира, считая ее возможной сферой своих интересов, для реализации которой, с учетом специфики существующих режимов, могут быть использованы незаконные, насильственные средства. Организованные преступные сообщества и различные экстремистские группы и организации, действующие на их территории, также следует отнести к источникам опасности для социально-политической ситуации в Российском государстве.

В последнее время усилилось вдохновляющее влияние некоторых иностранных экстремистских структур на так называемые «горячие точки», на определенные группы населения России - беженцев или эмигрантов из других стран. Некоторые общественно-политические, национальные, религиозные и

политические объединения допускают использование насильственных методов борьбы для достижения своих конкретных политических целей. Они создают незаконные вооруженные формирования, либо по инициативе вышеупомянутых объединений, либо независимо от них. Политическая практика таких организаций в некоторых регионах также включает прямое применение методов насилия - для запугивания политических оппонентов, для оказания некоторого давления на государственные органы, для дестабилизации политической ситуации, для пресечения усилий властей по разрешению конфликтов и т. д.

Социальные противоречия приобрели особое значение в современной российской действительности. Во-первых, это противоречия из-за разделения общества на группы с разными экономическими условиями. Исходя из этого, поляризация в обществе возникла и продолжает развиваться. Разница в уровне доходов между самыми богатыми и самыми бедными превышает норму, которая гарантирует относительную социальную стабильность.

Это привело к замедлению формирования среднего слоя, значение которого в социальной структуре создает основу для социальной стабильности. Результатом стало расширение маргинальных слоев в ущерб бывшему среднему слою: военнотружущие, «афганцы», «чеченцы», научная и педагогическая интеллигенция, студенты и т.д. группы разного рода.

Затем последовали социальная деформация общества, отток активной части населения из приоритетных сфер жизни (производство, наука, образование и др.), Рост социальной вражды и агрессии, подавляющее увеличение преступности, в основном связанной с насилием над личностью.

Во-вторых, это противоречия, вызванные углублением национальных, религиозных, региональных и других конфликтов, обострение этноцентрических и православных религиозных тенденций, рост миграции населения, увеличение волны беженцев, что имеет серьезные экономические и социальные последствия и создает новые очаги напряженности в других регионах, местах расселения беженцев. Без социальной и материальной основы для жизни они становятся одной из самых опасных социальных групп, снабжающих преступные группы, включаются в наиболее организованные и агрессивные группы организованной преступности, построены на этической основе и т. д.

В-третьих, это противоречия, вызванные разрушением существующего и отсутствием новой эффективной системы социальных гарантий жизни населения, рост социальной неудовлетворенности, формирование в этом отношении климата социальной отчужденности, усиление эгоизма, апатии и зависимости от значительной части общества [1,2,4,8,14].

Помимо указанных экономических и социальных противоречий, которые служат благодатной почвой для развития терроризма в нашей стране и за рубежом, необходимо также упомянуть другие социально-экономические факторы, способствующие возникновению и развитию терроризма в целом и политического терроризма в частности.

Это, прежде всего, экономические кризисы, которые в большей степени наносят ущерб интересам среднего класса населения, дополнительно влияют на массовую безработицу среди потенциально политически и профессионально организованных слоев населения, что в то же время создает политическую нестабильность в виде забастовок. Безработица среди молодежи из-за низкой квалификации в сочетании с другими факторами объединяет их в группы, а наличие большого количества свободного времени делает участие в групповых предприятиях их основным видом деятельности. И в зависимости от личностных характеристик определенного человека (без тяжелого труда, стремление быстро разбогатеть, хотя бы на мгновение, чтобы привлечь внимание, завоевать популярность в своем окружении) это может убедить его, а также других членов групп, к активной террористической деятельности. По мнению большинства ученых, они определяют терроризм во всех его проявлениях [14,15].

Вся сумма экономических, социальных, политических и иных противоречий накладывается на противоречия в духовной сфере, влекущие за собой деградацию духовной жизни общества, разрушение исторических, культурных, нравственных традиций России и гуманистических ценностей, установление культ индивидуализма, эгоизма и насилия, неверие в способность государства защитить своих граждан, формирование в обществе настроений национального унижения и обесценивание таких понятий, как долг, достоинство, честь, верность Отечеству.

Следовательно, первопричины терроризма кроются в обострении социального и политического кризиса, в ослаблении верховенства закона, что порождает противоречия, чтобы разрешить которые, отдельные лица и организации, все больше и больше прибегают к насилию. Становится очевидным, что без радикального решения социальных, экономических, национальных и административных проблем не удастся искоренить терроризм и экстремизм.

Библиографический список.

1. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Наука, 2016. – 214 с.
2. Багиев Г. Л. и др. Проблемы человечества – терроризм. – М.: Тропа, 2016.
3. Баранчев В., Стрижов С. Анализ и оценка правых актов в аспекте терроризма // Человек и закон, – №5. – 1996.
4. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. – М.: ОКО, 2015. –212 с.
5. Гушер А.И. «Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия новой эры человечества». М.: Тропа, 2016. – 173 с.
6. Емельянов В.П. «Терроризм как деяние и состав преступления». – М.: Тропа, 2001. –118 с.
7. Емельянов В.П. «Субъективная сторона терроризма». Право и политика. – 2000. – № 12.

8. Ениколопов С. Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. — 2016. — № 1. — С. 28–32.
9. Марьин М.И., Касперович Ю.Г. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности. — М.: Изд. центр «Академия», 2017. — 318 с.
10. Ожегов С.И. «Толковый словарь русского языка». – М.: Академия, 2013. – 418 с.
11. Петрищев В.Е. «Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом». Государство и право. – 1998. – № 3.
12. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / ред. проф. М. М. Решетникова. — СПб: Восточно-Европейский инст. психоанализа, 2004. – 415 с.
13. Соснин В. А. Терроризм начала XXI века: проблема интерпретации и источников терроризма (о социально-психологических и идейных истоках современного терроризма) / Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы круглого стола) // Вопросы философии, — 2005. — № 6. — С. 3–36.
14. Терроризм: психологические корни и правовые оценки. Государство и право. – 2003. – № 4.
15. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Н. Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. — 2016. — № 1(2). — С. 27–32.

Научное издание

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

(Новосибирск, 18 ноября 2020 г.)

Подписано в печать 09.02.2021

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «TimesNewRoman». Усл. печ. л. 8,2

Тираж 500 экз. Заказ 902/21.

Отпечатано: ООО «Союзник»

630005, г. Новосибирск, Демьяна Бедного, 55 оф. 115